3 1761 08106185 5

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by

PROFESSOR REUEL WILSON

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/ruskoviestnik06glin

РУСКОЙ ВѢСТНИКЪ

НА 1814 ГОДЪ.

Книжка 6.

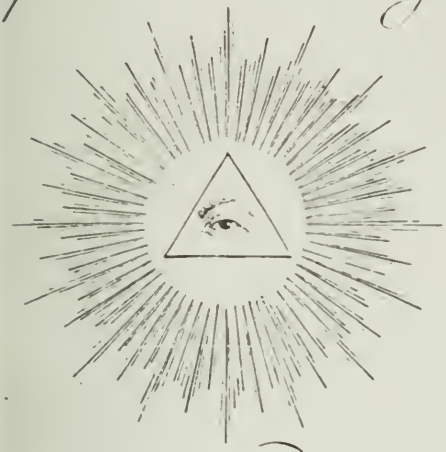
1974

ПИСЬМА

СКАГО ОФИЦЕРА.

О

ойнѣ отечественной 1812го и
аграничной 1813го года)).



ачаніе Федора Глинки.

МОСКВА

1814.

I.

ПИСЬМА РУСКАГО ОФИЦЕРА.

Маія 10, 1812. Село Сутоки.

Природа въ полномъ цвѣтѣ!... Зеленѣющія поля обѣщаютъ самую богатую жатву. Все наслаждается жизнію; не знаю, отъ чего сердце мое отказывается учавствовать въ общей радости творенія. Оно не смѣетъ развернуться, подобно цвѣтамъ и листьямъ; непонятное какое-то чувство, похожее на то, которое смущаетъ насъ предъ сильною лѣтнею грозою, сжимаетъ его. Предчувствіе какого-то отдаленнаго нещастія меня пугаетъ... Но можетъ быть это мечты!...

„Недаромъ, говорятъ простолюдимы, прошлаго года такъ долго ходила въ небесахъ невиданная звѣзда; недаромъ горѣли города, селы, лѣса и во многихъ мѣстахъ земля выгорала: не къ добру это все! Быть великой войнѣ!“ Эти добрые люди имѣютъ свои замѣчанія. Въ самомъ дѣлѣ мы живемъ въ чудесномъ вѣкѣ: природа и люди испытываютъ превратности необычайныя. Теперь въ Вѣдомостяхъ только и пишутъ о наводненіяхъ, о трясеніи земли въ разныхъ странахъ; о дивныхъ явленіяхъ на небѣ. Мы читаемъ въ *стеленныхъ книгахъ*, что передъ великимъ нашествіемъ Татаръ на Россію, солнце и луна измѣняли видъ свой и небо чудесными знаменіями какъ бы предувѣдомляло землю *о грядущей горѣ*. Но кромѣ всего этаго, не льзя однакожъ не согласиться съ знаменитымъ

Макіавелль, что мыслящіе умы такожде легко предузнаютъ будущее въ политикѣ, по *извѣстнымъ обстоятельствамъ*, какъ мореплаватели запимѣніе свѣтилъ и прочее по своимъ изчисленіямъ.

Извѣстно, до какой степени Маркизъ *Куева де-Бедмаръ*, описанный *Сентъ-Реалемъ*, силенъ былъ *въ наукѣ предузнавать!*... Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, такое притеченіе войскъ къ границамъ? Къ чему самъ Государь, оставя всѣ удовольствія Столицы, поспѣшилъ туда раздѣлять труды воинской жизни?—Къ чему, какъ не къ войнѣ!... Но война сія должна быть необычайна, ужасна!... *Наполеонъ*, разгромивъ большую часть Европы, стоитъ какъ туча и хмурится надъ *Пиренеями*. Онъ подобенъ бурной рѣкѣ, надменной тысячью поглощенныхъ ею источниковъ; *груды*

Руская есть *плотина*, удерживающая его,—прорвется — и наводненіе будетъ неслыханно!—О, другъ мой! уже ли бѣдствія *нашествій* повторятся во дни наши?..Уже ли покореніе? ... Нѣтъ! Рускіе не выдадутъ земли своей! Естьли не достанетъ воиновъ, то всякъ изъ насъ будетъ одною рукою *водить соху, а другою сражаться за Отечество!* —

Кого не мучитъ теперь любопытство, чтобъ разгадать загадку будущаго? — Я читаю славную проповѣдь *Гедеона* на *разрушеніе Ливсабона*— и живо представляется воображенію моему, какъ величественный мужъ сей, въ священныхъ сумеркахъ пространнаго храма, гдѣ голосъ его невидимо повторяется предъ лицемъ Императрицы Елисаветы, описывая бѣдствія колеблющейся природы и страшную гибель *Лис-*

сабона', смѣло укоряетъ блестящій сонмъ вельможъ въ оставленіи праотеческихъ нравовъ, въ нѣгѣ и роскошѣ, которымъ предаются они, и вдругъ устами боговдохновеннаго Пророка гласитъ имъ въ послѣднее наставленіе сіи Священныя слова: *и егда услышите гласъ его, не ожесточите сердецъ вашихъ.* — Прощай! я иду въ свой садикъ садить цвѣты и слушать громкаго соловья—пока это еще можно! — „Жить *невидимкою*, значитъ быть щастливу!" говоритъ славный писатель *Декартъ*. — Еще разъ: прощай!...

16 Іюля, 1812.—Смоленскъ.

Сей часъ пріѣхалъ я въ Смоленскъ. Какое смятеніе распространилось было въ народѣ!... Получили извѣстіе, что непріятель

уже близъ Орши. Въ самомъ дѣлѣ всѣ корпуса, армію нашу составляющіе, проходя различными путями къ одной цѣли, соединились въ чрезвычайно укрѣпленномъ лагерѣ при *Дриссѣ* и нападали непріятеля. Полагали, что онъ непремѣнно пойдетъ на то мѣсто, чтобъ купить себѣ входъ въ древніе предѣлы Россіи цѣною сраженія съ нашими войсками: ибо какъ отважишься завоевать Государство, не разбивъ войскъ его? — Но дерзкій *Наполеонъ*, надѣясь на неизчисленное воинство свое, ломится прямо въ грудь Отечества нашего. Народъ у насъ не привыкъ слышать о приближеніи непріятеля. Умы и души въ страшномъ волненіи. Уже потянулись длинные обозы; всякой развѣдываетъ, гдѣ безопасно? Никто не хочетъ достаться въ руки *непріятеля*. Кажется, въ Россіи, равно

какъ и въ Испаніи, будетъ онъ завоевывать только землю, а не людей. — До сихъ поръ Смоленскъ совершенно бы опустѣлъ, если-бъ не успокоило встревоженныхъ гражданъ его вожделѣнное присутствіе Государя. Проѣзжая изъ арміи въ Москву, Онъ удостоилъ посѣщеніемъ Своимъ нашъ городъ. При Вышней Особѣ Его Императорскаго Величества находились: Графъ Аракчеевъ, Министръ Полиціи Балашевъ и Александръ Семеновичъ *Шишковъ*, который не давно написалъ столь превосходное твореніе о *любви къ Отечеству*. Я узналъ отъ живущихъ на большой дорогѣ, что Государь, проѣзжая тамъ вчера, весьма ласково разговаривалъ съ поселянами, заходилъ въ церкви, молился, и приказывалъ народу молиться. Не такъ ли поступали древніе Цари, отцы народа? —

Я поспѣшилъ было въ городъ, чтобъ взглянуть изъ толпы людей на Государя; но городъ отъ меня 45 верстъ, и я не засталъ уже Его!... Въ дорогѣ, пока кормилъ лошадей, излились чувства мои въ стихахъ. Они ходятъ теперь здѣсь—пусть дойдутъ и къ тебѣ.—

II.

ГЛАСЪ

СМОЛЕНСКАГО ГРАЖДАНИНА,

НА СЛУЧАЙ ПРОѢЗДА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ЧРЕЗЪ ГОРОДЪ СМОЛЕНСКЪ.

Друзья, граждане, ободритесь!
Къ намъ солнце Росское взошло;
Намъ кроткій Александръ явилъ Свое чело.
Какъ дѣти, вкругъ отца, стекитесь,
Откройте радостямъ сердца,
Привѣтствуйте Царя—Отца!

Привѣтствуйте Царя—Героя;
Что въ буряхъ бранныхъ грозъ полки Свои устроя,
Очами кротости пришелъ воззрѣть на чадъ,
И въ томныя сердца имъ сладость влить отрадъ.
О! сколь великое народу утѣшенье,
Монархъ! одно Твое воззрѣнье!
Лишь Царь воззрѣлъ—и страхъ изчезъ.
Спокойство на лицахъ блистаетъ;
Въ сердцахъ веселье разцвѣтаетъ,
Яснѣе блещетъ ликъ небесъ.
Ужъ жены робкія не льютъ въ смущеньи слезъ;
Младыя дѣвы не трепещутъ. . . .
Пускай враги перуны мещутъ,
Пусть двинутъ тучи ихъ полковъ!
Надежда—Россовъ Царь нашъ съ нами:
Такъ намъ ли трепетать враговъ? —
Мы станемъ всѣ подъ знаменами,
И всѣ умремъ за одного. —
Порывъ усердія сего,

Монархъ! къ Тебѣ нелицемѣренъ:
Смоленскъ всегда Царямъ былъ вѣренъ!
Сей твердой вѣрности вездѣ слѣды узришь
Куда Свой взоръ ни обратишь.
О стѣны, мужествомъ гражданъ своихъ священны!
О Днѣпрскіе брега! о холмы возвышенны!
Вы будьте предъ Царемъ свидѣтели за насъ:
Не здѣсь ли врагъ,—и кто изчислитъ, сколько разъ
Бросавшій пламенные громы
На храмы, олтари; на мирны веси домы —
Не здѣсь ли былъ всегда одерженъ и попранъ?
Не здѣсь ли грудію остановленъ гражданъ,
Когда ломился онъ во сердце Рускихъ странъ? —

Не здѣсь ли за Царей, за вѣру, за свободу,
Смольяне пролили всю кровь свою какъ воду? —
О, предковъ кровію умытыя поля!
Враждебныхъ силъ костьми усѣяна земля!
Вѣщайте: не былъ ли Смоленскъ враговъ могилой?
И будетъ вѣкъ. — *Потомки* крѣпки *дѣдовъ* силой!
Мы славу древню воскресимъ;
Монархъ! въ очахъ Твоихъ умремъ, или побѣдимъ!
Великихъ праотцевъ послѣдуемъ примѣру:
И мы умѣемъ стать за вѣру!
За землю Русскую, за древній родъ Царей. —
Нѣтъ! не попустимъ мы коснуться олтарей;
Не выдадимъ Россійска трóна:
Надежнѣй всякихъ стѣнъ для Царства оборона

Къ Отечеству любовь!
Мечи скуемъ мы изъ серповъ;
Съ дрекольемъ станемъ — *за свободу.*
Кто можетъ плѣнъ сковать Россій-
скому народу? —
Что врагъ не побѣдимъ, молвы то
праздной звонъ:
Опасенъ хитростью одной *Наполе-
онъ!* —
А мы, поднявши мечь за души и законы,
Нелицемѣрныя поставимъ обороны.
Нѣтъ, граждане! бовѣкъ не пустимъ
дерзкихъ силъ
Отчизнѣ нанести позоръ, уничиженье.
Не пустимъ ихъ попрать отцовъ сво-
ихъ могилъ!
Возстанетъ Богъ! . . . и съ Нимъ
отмщенье! . . .
И сломитъ громомъ гордыхъ рогъ!
Самъ Богъ, столь чтимый Госскимъ
родомъ,
Покроетъ днѣсь Царя съ народомъ:
На зачинающаго Богъ! —

7 Іюля. Смоленскъ.

Мой другъ! настаютъ времена Минина и Пожарскаго! Вездѣ гремитъ оружіе, вездѣ движутся люди! Духъ народный, послѣ двухъ сотъ-лѣтняго сна, пробуждается, чуя грозу военную. Губернскій Предводитель нашъ Маіоръ *Лесли*, отъ лица всего дворянства, испрашивалъ у Государя позволенія вооружить 20.000 ратниковъ на собственный коштъ владѣльцовъ. Государь съ великодушною признательностію принялъ важную жертву сію. Находящіяся здѣсь войска и многочисленная артиллерія, были обозрѣваемы самимъ Государемъ; къ нимъ по Высочайшему повелѣнію должны немедленно присоединиться идущіе изъ Дорогобужа и другихъ *дело* рекрутскіе баталіоны. Уже передовый отрядъ подъ

начальствомъ храбраго Генерала Оленина выступилъ къ Красному. Старый Генералъ *Лесли* поспѣшно вооруживъ 4 сыновъ своихъ и нѣсколько десятковъ рапниковъ, послалъ ихъ присоединиться къ сему же отряду, чтобъ быть впереди. Вчера принятъ Е. И. В. изъ отставки въ службу Г. М. Пассекъ и получилъ начальство надъ частію здѣшнихъ войскъ. — Земское ополченіе съ возможною скоростію образуется. Смоленскъ принимаетъ видъ военнаго города. Безпрестанно звенятъ колокольчики; скачутъ курьеры, или провозятъ плѣнныхъ и шпіоновъ. Нѣсколько Польскихъ Губерній подняли знамя бунта. Недаромъ они твердили пословицу: „слышетъ птичка весну!“ (czuje ptaschek wiosne)! О заблужденіе! Они думаютъ *воскреснуть* среди всеобщаго *разрушенія!*... Обстоятель-

ства становятся бурны. Не знаю, будуть ли тобою видѣться; *но письменное сношеніе заключаетъ половину свиданія* — такъ говоритъ Персіянинъ *Бек-али*; я вѣрю ему— и буду стараться къ тебѣ писать.— Прощай! . . .

18 Іюля 1812. Село Сутоки.

Наконецъ, поля наши, покрытыя обильнѣйшею жатвою, должны будутъ вскорѣ сдѣлаться полями сраженій. Но счастливы они, что послужатъ *мѣстомъ соединенія обѣихъ армій* и пріобрѣтутъ, можетъ быть, въ потомствѣ славу *Полтавскихъ*. Ибо Первая Западная армія, подъ начальствомъ Барклая де Толли, а Вторая Князя *Багратіона*, послѣ неизчислимыхъ препятствій, со стороны непріятеля, соединились наконецъ у Смоленска. Г. Платовъ

прибылъ сюда же съ 15.000 Донскаго войска. Армія наша немногочисленна; но войска никогда не бывали въ такомъ устройствѣ и полки никогда не имѣли такихъ прекрасныхъ людей. — Войска получаютъ наилучшее продовольствіе; дворяне жертвуютъ всемъ. Со всѣхъ сторонъ везутъ печеный хлѣбъ, гонятъ скотъ и доставляютъ все нужное добрымъ нашимъ солдатамъ, которые горятъ желаніемъ сразиться у стѣнъ Смоленска. Нѣкоторые изъ нихъ изъясняютъ желаніе сіе самымъ простымъ, но конечно изъ глубины сердца исходящимъ выраженіемъ: *Мы уже видимъ сѣдыя бороды отцовъ нашихъ*, говорятъ они: *отдадимъ ли имъ на поруганіе? — Время сражаться!* — Сидя на *бивакахъ*, я написалъ *солдатскую лѣсню*, которую въ нѣкоторыхъ полкахъ пѣли, и еще

нѣчто на соединеніе армій подъ стѣнами Смоленска: но и другое прочти. —

I.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

Вспомнимъ, братцы! Россовъ славу,
И пойдемъ враговъ разить!
Защитимъ свою Державу:
Лучше смерть — чѣмъ въ рабствѣ жить!

Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ *Богомъ*, *вѣрой* и *штыкомъ*;
Вѣра намъ и вѣрность святa:
Побѣдимъ, или умремъ!

Подъ Смоленскими стѣнами,
Здѣсь *Россіи* у *дверей*,
Будемъ биться со врагами;
Не пропустимъ злыхъ звѣрей! —

Вотъ! рыдаютъ наши жены,
Дѣвы, старцы вопіютъ,
Что злодѣи развъяренны
Мечь и пламень къ нимъ несутъ.

Врагъ строптивый мещетъ громы,
Храмовъ Божьихъ не щадитъ;
Топчетъ нивы, палитъ домы,
Змѣемъ *лютымъ* въ Русь лезетъ!

Русь святую разоряетъ!...
Нѣтъ ужъ силъ владѣть собой:
Бранный жаръ въ крови пылаетъ,
Сердце просится на бой!

Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, съ пикой и штыкомъ;
Вѣра намъ и вѣрность свята:
Побѣдимъ, или умремъ!

На соединение армий подъ стѣнами Смоленска 1812. 22 Іюля.

Граждане, радуйтесь! приспѣлъ желанный часъ!
Къ намъ Руски воины пришли великосерды;

Гремитъ по всюду трубный гласъ,
Гремитъ прежнiе побѣды.
О, Русскiе полки! вы крѣпче нашихъ
сшѣвъ,
Которы времени коса уже разби-
ла. . . .
Не дайте, братья! насъ, не дайте въ
тяжкiй плѣнъ;
Не дайте, чтобъ война нашъ край
опламенила.
Наперсники побѣдъ! сыны гремящей
славы!
Трепещетъ въ радости подъ вами
здѣсь земля;
Васъ ждутъ Смоленскiя поля:
Да славой превзойдутъ чрезъ васъ
поля *Полтавы!* —
И днѣсь, о братiя! равно какъ и
тогда,
Какъ туча, двинется на Русской край
бѣда;
Текутъ отъ запада злодѣи разъ-
яренны,
Какъ змѣи ядомъ упоенны,

И стонъ глухой даетъ подъ силой
их\ъ земля;
И въ пременныхъ поляхъ мутятся
свѣтлы рѣки. . .
Грозятъ неистовцы намъ плѣнъ ско-
вать навѣки,
И кровью усыпить цвѣтущія поля;
Грозятся нашими костьми посѣять
землю
И долы трупами устлать.
Уже я дикій ревъ и вопль злодѣевъ
внемлю;
Текутъ стада волковъ Россіи грудь
терзать.
О! какъ ты сѣтуешь, Отечество лю-
безно!
О, сколь ты древній край Россійскій
нещастливъ!
Что будетъ въ оно время слезно,
Что будешъ съ вами жатвы нивъ?
О старцы древніе, сѣдые!
О дѣвы юныя, младыя!
О жены, льющія потоки горькихъ
слезъ!

Какой васъ жребій ждетъ? Что будетъ нынѣ съ вами? —
Вамъ мраченъ въ горести и свѣтлый сводъ небесъ! . . .
Чья грудь заслонитъ васъ? О, Россы!
Богъ силъ съ нами;
И братья и друзья, усердныхъ Россовъ строи, —
Пришли во множествѣ полночные герои:

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

О! исполнители великихъ произволовъ,
Мірами правящей судьбы!
Не выдайте *Смольянъ* навѣкъ врагамъ въ рабы!
Постойте на поляхъ подъ нашими спѣнами
И удержите мечь, носящійся надъ нами!

Чрезъ васъ, подъ бурями, спокойство
обрѣтемъ;
Подъ тѣнію мечей мы жатву собе-
ремъ.—
А естьли нужны мы — готовы все
оставить
И грудь свою врагамъ, равно какъ вы,
представить.
Днѣсь вои и вожди, хранимые судьбой,
Мы духомъ всѣ летимъ къ Творцу
за васъ съ мольбой.
Вездѣ священный звонъ зоветъ на-
родъ къ моленью;
Я внемлю общему во храмахъ Госскихъ
пѣнью:
„О Боже! всѣ гласятъ, карай, рази
враговъ!
Се люди дерзкіе, лихіе
Какъ люты аспиды глухіе,
Текутъ, какъ воду пить въ Госсіи
Госсовъ кровь! —
Въ ихъ дланяхъ мечь, языкъ въ гор-
таняхъ изострился.

Огнь брани, лесши ядъ, на Руской
край полится.
Возстань за Госсовъ *Богъ — Боговъ!*
И положи въ Своемъ совѣтѣ,
Чтобъ сѣющихъ вражду на свѣтѣ
Смесши, какъ прахъ съ земли, враговъ!
Да въ бездны мрачныя сольется ихъ
народъ,
Какъ токъ мимо-журчащихъ водъ.
За души, за Царей, за вѣру ополчимся;
Подъ кровомъ крылъ Твоихъ враговъ
не убоимся.
Когда въ могуществѣ Святыни
Творецъ! низходишь Ты въ подлун-
ныя пустыни:
Ко трепетнымъ полямъ склоняются
лѣса,
Отъ взора ярости сгараютъ небеса
И ломится земля подъ тяжкою сто-
пою. . . .
Властитель, правящій судьбою!
Робѣетъ и молчитъ весь міръ передъ
тобою,

Трясутся въ ужасѣ престолы и Цари,
Громами облака твой гнѣвъ на насъ вѣщаютъ
И молніи твои вселенну освѣщаютъ:
Покрой Россійской край, святые олтари!
Узри, какъ дождь, текущи слезы,
Узри! услышь! спаси! разсѣй шумящи грозы!
Вступись за свой народъ! лукъ бранный натяни;
Двинь бури—и враговъ съ земли своей сгони!

19 Іюля. Тамъ же.

Я имѣлъ удовольствіе обнять брата моего *Григорія*, служащаго въ Либавскомъ пѣхотномъ полку. Общество Офицеровъ въ семъ полку прекрасное и люди отмѣнно хороши.— Я объѣхалъ нѣсколько полковъ и вездѣ находилъ Офицеровъ, которые

принимали меня какъ истинные друзья, какъ ближайшіе родные. Кто же такіе эти прекрасные люди? — спросишь ты. — Общіе наши товарищи: *Кадеты!* — О! какъ полезно *общественное воспитаніе!* Никакіе уставы, никакія условія обществъ не могутъ произвести такихъ твердыхъ связей между людьми, какъ *связка раннихъ лѣтъ*. Совоспитанники по сердцу и душѣ, встрѣчаются вездѣ съ непритворнымъ, сердечнымъ удовольствіемъ. . . . Многіе изъ товарищей нашихъ уже *Полковниками* и въ крестахъ; но обхожденіе ихъ со мною точно то же, какое было за 10 предъ симъ лѣтъ, не смотря на то, что я *только бѣлый Поручикъ!* — Какъ сладко напоминать то время, когда между богатыми и бѣдными, между дѣтьми знатныхъ отцовъ и простыхъ дворянъ не было ни-

какой разницы; когда пища, науки и рѣзвости были общими; когда не имѣя понятія о *жизни* и *свѣтѣ*, мы такъ сладостно мечтали о томъ и другомъ!... Помнишь, какъ повторяя безсмертныя слова *Екатерины*, что *корпусъ кадетской есть росадникъ великихъ людей*, мы любили воображать себѣ, что всѣ до одного будемъ полезны Отечеству. Но сколько изъ юныхъ растѣній сего *росадника*, поверженные въ бури случаевъ, утратили способности свои отъ бездѣйствія, сдѣлались безполезными отъ несправедливости людей и увяли отъ бѣдности или въ тѣни неизвѣстности, лишенные спасительныхъ лучей—*ободренія!*...

Вчера арміи двинулись отъ Смоленска внизъ по теченію Днѣпра, къ окрестностямъ озера *Катани*. Авангардъ пошелъ къ *Рудкѣ*: от-

туда ожидаютъ непріятеля, который теперь толпится на пространствѣ между Двиною и Днѣпромъ. Сіе *наступательное движеніе войскъ нашихъ* много обрадовало народъ. Всякой сталъ дышать свободнѣе!...

Августа 4 дня. Село Сутоки, въ 2 часа за полдень.

Въ сіи минуты, какъ я пишу къ тебѣ дрожащею рукою, рѣшается судьба Смоленска. Непріятель, сосредоточивъ *гдѣ-то* великія силы, ворвался вчера въ *Красное*, и между тѣмъ, какъ наши смотрѣли на Рудню, онъ полетѣлъ къ Смоленску, чтобъ овладѣть имъ. Дивизія *Неверовскаго* принесла сего дня непріятеля на плечахъ; а храбрый Генералъ Раевскій встрѣтилъ его съ горстію войскъ и не впустилъ въ

городъ. Сего дня всѣ обыватели высланы, батареи разставлены; непріятель съ *двумя стами* тысячь наступаетъ на Смоленскъ, защищаемый 150.000 нашихъ. *Покровская гора* еще въ нашихъ рукахъ. Теперь сраженіе горитъ подъ самыми стѣнами. — Когда получишь сіи строки, то знай, что чей-нибудь жребій уже рѣшился: или *отбитъ Наполеонъ*, или—*дверь въ Россію отперта!* . . .

Я сей часъ иду помолиться въ послѣдній разъ на гробахъ родителей, и ѣду къ старшему брату моему *Василью;* отъ него видно сраженіе. Прощай! —

Августа 8. Село Цугиково.

Я былъ свидѣтелемъ ужаснѣйшей картины — я видѣлъ гибель

Смоленска! Погубленіе *Аксакова* не могло быть ужасніе. 4 Числа непріятель устремился къ Смоленску и былъ встрѣченъ подъ стѣнами онаго горстью неустрашимыхъ Россіянъ. 5 Числа съ ранней зори и до позднаго вечера, 12 часовъ продолжалось сраженіе предъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Рускіе не уступали ни на шагъ мѣста, и дрались какъ львы. Французы, или лучше сказать Поляки, въ бѣшеномъ изступленіи лѣзли на стѣны, ломились въ ворота, бросались на валы, и въ безчисленныхъ рядахъ тѣснились около города по ту сторону Днѣпра. Наконецъ, утомленный противоборствіемъ нашихъ, *Наполеонъ* приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью.—*Злодѣи* тотчасъ исполнили приказъ *изверга*. Тучи бомбъ,

гранатъ и чиненыхъ ядеръ полетѣли на домы, башни, магазейны, церкви—и домы; церкви и башни обнялись пламенемъ—и все, что можетъ горѣть—запылало! . . . Опламенѣнныя окрестности, густый, разноцвѣтный дымъ, багровыя зори, трескъ разряжающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящая ружейная пальба, стукъ барабановъ, вопль, стоны старцевъ, женъ и дѣтей, цѣлый народъ, упадающій на колѣни съ воздѣтыми къ небу руками: вотъ что представлялось нашимъ глазамъ, что поражало слухъ и что раздирало сердце! . . . Толпы жителей бѣжали изъ огня, полки Русскіе шли въ огонь; одни спасали жизнь, другіе несли ее на жертву: длинный рядъ подводъ тянулся съ ранеными. . . .

Въ глубокія сумерки вынесли изъ города икону Смоленскія Божія Ма-

тери. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ разпадающихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное шествіе сіе. Блескъ пожаровъ оное освѣщалъ. Между тѣмъ черно-багровое облако дыма засѣло надъ городомъ и ночь присоединила темноту ко мраку и ужасъ къ ужасу.—Смятеніе людей было столь велико, что многіе выбѣгали полунагими и матери теряли дѣтей своихъ. Козаки вывозили на сѣдлахъ младенцовъ изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ адъ. *Наполеонъ* отдалъ приказъ, чтобъ Смоленскъ взятъ былъ непремѣнно 5 числа; однакожъ Русскіе отстояли его грудью, и 5 числа городъ не былъ взятъ. Но бъ рано—о превратность судьбы! — то, что удерживали съ такимъ усиліемъ, отдали добровольно!... Главнокомандующій имѣлъ на то *важныя причины*. Теперь

Смоленскъ есть огромная груда пепла; окрестности его — суть окрестности Везувія послѣ изверженія.—Наши поспѣшно отступаютъ къ *Дорогобужу;* но сей часъ, то есть 8го числа къ вечеру, пріостановились недалеко отъ Бредихи. Третьяго дня дрались, вчера дрались, сего дня дерутся и завтра будутъ драться! Злодѣи берутъ однимъ *многолюдствомъ.* Вооружитесь всѣ, вооружайся всякъ, кто только можетъ: гласитъ Главнокомандующій въ *прокламаціяхъ своихъ. — И такъ — народная война!* —

Я и старшій братъ съ нетерпѣніемъ ожидали, пока выйдетъ братъ нашъ *Григорій* изъ огня; онъ былъ 12 часовъ въ стрѣлкахъ и дрался такъ храбро, какъ только можетъ драться Смольянинъ за свой отечественный городъ; въ этомъ увѣрили насъ всѣ Офицеры его полка.

Бригадою ихъ командовалъ Генералъ-Маіоръ Оленинъ и водилъ ихъ самъ въ самый жаркій огонь. Всѣ жалѣютъ о смерти отличнаго по долговременной службѣ, необычайной храбрости и добротѣ душевной Генерала *Баллы*, который убитъ 5 числа въ передней цѣпи стрѣлковъ. —Кровопролитныя битвы еще продолжаются; мы ложимся и встаемъ подъ блескомъ зарева и громомъ перестрѣлокъ. Мнѣ уже не льзя заѣхать домой; путь отрѣзанъ! И такъ иду туда, куда двинетъ всѣхъ буря войны! . . . Сколько раненыхъ! сколько бѣгущихъ! Безконечные обозы тянутся по полямъ, и толпы народа спѣшатъ, сами не зная куда! . . . Мы теперь нищіе, съ благороднымъ духомъ, бродимъ уныло по развалинамъ своего отечества. —Бѣдный С. . . ! въ то время, какъ братъ его сражается,

и отечественный городъ въ глазахъ его горитъ, узналъ онъ, что отецъ впалъ въ жестокую горячку, а мать, испуганная приближеніемъ врага, *умерла!*...Повсюду стонъ и разрушеніе!... Мы живемъ во дни ужаса!... Прощай! — Можетъ быть въ этомъ мірѣ уже навсегда!...

15 Августа.

И такъ я теперь: — *наслѣдія отцовъ*
и родины лишенъ,
Какъ птица безъ гнѣзда, сталъ бурей унесенъ!...

Странствую по сгарающей землѣ, подъ небомъ, невнемлющимъ жалобамъ смертныхъ. — Всякой день вижу уменьшеніе отечества нашего и разширеніе власти враговъ. Каждая ночь освѣщается заревами пожаровъ.

Пол-неба рдѣетъ, какъ раскаленное желѣзо. Я веду совершенно

кочующую жизнь, переѣзжая изъ шалаша въ шалашъ, отъ огня къ огню. Въ окрестностяхъ Дорогобужа мы ѣхали нѣкоторое время съ кавалеріею, которую велъ Генералъ Корфъ; старшій братъ мой, знающій тамъ всѣ тропинки, служилъ ей лучшимъ путеуказателемъ. Теперь мы пристаемъ чаще всего въ дежурствѣ Генерала *Докторова*, у котораго въ корпусѣ находится Либавскій полкъ. Тамъ почтенный Подполковникъ *Бхнск.*, Кадетъ прежнихъ выпусковъ, землякъ мой *Рвнск. Дбльт.* и бывшій съ нами вмѣстѣ въ корпусѣ *Рлнв.* принимаютъ насъ, какъ самыхъ близкихъ кровныхъ. Среди всеобщихъ утратъ, я забываю. что имѣю на себѣ одинъ синій фракъ, съ пустыми карманами.

Помнишь, какъ мы вмѣстѣ читали Шиллерову трагедію *разбой-*

ники; помнишь, какъ пугала насъ страшная картина сновидѣнія *Франца Мора*, картина, которую *Шиллеръ* съ искусствомъ *Михель-Анжа* начерталъ пламеннымъ перомъ своимъ. Тамъ, среди ужаснаго пожара вселенной, лѣса, селы и города таютъ какъ воскъ, и бури огненныя превращаютъ землю въ обнаженную пустыню! Такія картины видимъ мы всякой разъ, ложась спать! Каковы же должны быть сновидѣнія?— Ихъ нѣтъ: усталость лишаетъ способности мечтать. — Уже и *Дорогобужъ* и *Вязьма* въ рукахъ непріятеля: Смоленская Губернія изчезаетъ!... Прощай! —

Августа 16.

Я часто хожу смотрѣть, когда онъ проѣзжаетъ мимо полковъ и

смотрю всегда съ новымъ вниманіемъ, съ новымъ любопытствомъ на сего необыкновеннаго человѣка. Пылаютъ ли окрестности, достаются ль селы, города и округи въ руки непріятеля; воетъ ли народъ, наполняющій лѣса или великими толпами идущій въ далекіе края Россіи: его ничто не возмущаетъ, ничто не сильно поколебать твердости духа его. Часто бываю волнуемъ невольными сомнѣніями: куда идутъ войска?—Для чего уступаютъ области? И чѣмъ наконецъ все это рѣшится? Но лишь только взглядываю на лице сего верховнаго Вождя силъ Россійскихъ, и вижу его спокойнымъ, свѣтлымъ, безмятежнымъ: то въ туже минуту стыжусь самъ своихъ сомнѣній. Нѣтъ! думаю я, человѣкъ, неимѣющій обдуманнаго плана и вѣрной цѣли, не можетъ имѣть такого при-

существія, такой твердости духа! Онъ конечно уже сдѣлалъ заранѣе — смѣлое предначертаніе свое, и цѣль для насъ непостижимая для него очень ясна! Онъ дѣйствуетъ какъ *Провидѣніе*, невнемлющее пустыхъ воплей смертныхъ и тернистыми путями влекущее ихъ къ собственному ихъ благу. — Когда *Колумбъ*, посредствомъ глубокихъ соображеній, первый предузналъ *о существованіи новаго міра* и поплылъ къ нему чрезъ неизмѣримыя пространства водъ, то спутники его, видя новыя звѣзды, незнакомое небо и неизвѣстныя моря, предались было малодушному отчаянію и громко возроптали; но *великій духомъ*, не колеблясь ни грознымъ волненіемъ стихій, ни бурею страстей человѣческихъ, видѣлъ ясно предъ собою *отдаленную цѣль свою* и велъ къ ней ввѣренный ему *Провидѣніемъ корабль*.

Такъ, Главнокомандующій арміями *Генералъ Барклай де Толли*, проведшій съ такимъ искусствомъ войска наши отъ *Немана* и досель, что не далъ отрѣзать у себя ни малѣйшаго отряда; не потерялъ почти ни одного орудія и ни одного обоза: сей благоразумный Вождь конечно увѣнчаетъ всѣ предначатія свои великимъ успѣхомъ и блистательнымъ концомъ. Потерянное можетъ возвратиться; обращенное въ пепелъ возродиться въ лучшей красотѣ. — Щедроты Александра обновятъ края, опустошенные *Наполеономъ* . . . . Всего удивительнѣе для меня необычайная твердость ведущаго арміи наши. — Смотря на него, я воображаю *Катона* и прекрасное мѣсто изъ *Луканової поэмы*, гдѣ авторъ представляетъ сего великаго мужа подъ пламеннымъ небомъ Африки, среди

раскаленныхъ песковъ *Ливіи*, превозмогающаго зной, жажду и *великую скорбь душевную*. Тутъ же и прекрасный Гораціевъ стихъ самъ собою приходитъ на умъ:

„И на развалинахъ попранныя вселенной,
„*Катонъ*, подъ бурями, неколебимъ,
стоитъ!“ . . .

17 Августа.

Съ какимъ прискорбіемъ оставляютъ они домы, въ которыхъ родились, возросли и были счастливы! Бѣдные жители злополучныхъ странъ!

Въ одномъ прекрасномъ домѣ, близъ дороги, написаны на стѣнѣ *женскою рукою* сіи простыя, но для всякаго трогательныя слова:

Прости, моя милая родина! —

Другъ мой! настаютъ времена, когда и богатые оставляя великолепныя чертоги свои, равняются съ бѣдными и умножаютъ толпы бѣгущихъ... Война народная часъ отъ часу является въ новомъ блескѣ. Кажется, что сгарающія селы возжигаютъ огнь мщенія въ жителяхъ. Тысячи поселянъ, укрывалсь въ лѣса, и превративъ *серпъ* и *косу* въ *оружія оборонительныя*, безъ искусства, однимъ мужествомъ отражаютъ злодѣевъ. Даже женщины сражаются! . . . Сего дня, крестьяне Гжатскаго уѣзда, деревень Князя Голицына, вытѣсненны будучи изъ однѣхъ *засѣкъ*, переходили въ другіе сосѣдственные лѣса, чрезъ то селеніе, гдѣ была *главная квартира*. Тутъ перевязывали многихъ раненыхъ. — Одинъ 14-лѣтній мальчикъ, имѣвшій на-

сквозь простѣленную ногу, шелъ пѣшкомъ и не жаловался; перевязку вытерпѣлъ онъ съ большимъ мужествомъ. Двѣ молодыя крестьянскія дѣвки ранены были въ руки. Одна бросилась на помощь къ дѣду своему; другая убила древеснымъ сукомъ Француза, поранившаго ея мать.—Многіе имѣли прострѣленныя шапки, полы и лапти.—Вотъ почтенные поселяне-воины!—Они горько жаловались, что бывшій у нихъ *управитель Полякъ* отобралъ у нихъ всякое оружіе при приближеніи Французовъ. Долголь Русскіе будутъ поручать *дѣтей своихъ Французамъ*; а *крестьянъ Полякамъ* и прочимъ пришельцамъ? . . .

Тогожъ числа.

Теперь начальствуетъ арріергардомъ и почти ежедневно сражается

Генералъ-Лейтенантъ *Коновницынъ*, воинъ почтенный лѣтами, заслугами и подвигами. У него Адъютантомъ и правителемъ канцеляріи общій совоспитанникъ и другъ нашъ *Ахшарумовъ*, съ которымъ я иногда видаюсь. — Быть бою кровавому, быть великому сраженію! — Всякой разъ, когда идя съ солдатами, во время ночныхъ переходовъ завожу съ ними разговоръ или слушаю ихъ разговаривающихъ, то во всѣхъ словахъ, во всѣхъ поступкахъ ихъ замѣчаю ревностное и пламенное ихъ желаніе *стать* и *сражаться!* Горящія окрестности, разоряемыя церкви, поруганная Святыня и стонъ жителей, съ неизъяснимою силою дѣйствуютъ на дуни ихъ. О! какъ добры и благочестивы солдаты Рускіе! Чего нельзя съ ними сдѣлать? Никто не умѣетъ такъ оцѣнить и помнить храбрости

Офицера, какъ они. — Одинъ усатый *гренадеръ*, когда я съ нимъ вчера разговаривалъ и объявилъ свое имя, сказалъ мнѣ: „да не родня ли вамъ *Глинка*, въ Либавскомъ „полку, что былъ подъ Смоленскомъ „въ стрѣлкахъ?“ — Это братъ мой, отвѣчалъ я. — „Онъ прехрабрый, сударь, человѣкъ! говорилъ гренадеръ: съ нимъ весело *ходить впередъ!*“ — Вотъ нечаянное привѣтствіе — и самое лестное! — Отчасу болѣе разпространяется слухъ о скоромъ прибытіи къ арміи Свѣтлѣйшаго Князя, Графа Голенищева-Кутузова. Говорятъ, что народъ встрѣчаетъ его повсюду съ неизъяснимымъ восторгомъ. Всѣ жители городовъ выходятъ къ нему на встрѣчу, отпрягаютъ лошадей, везутъ на себѣ карету; древніе старцы заставляютъ внуковъ лобызать стопы его; матери выно-

сятъ грудныхъ младенцевъ, падаютъ на колѣни и подымаютъ ихъ къ небу! Весь народъ называетъ его *спасителемъ*. Государь сказалъ ему: „иди спасать Россію!“—Россія, указывая на раны свои, вопіетъ: „спаси меня!“—*Безсмертіе* уже готовитъ мѣсто на скрижаляхъ своихъ, чтобъ передать *имя* его въ безконечность временъ.—Помнишь, какъ мы восхищались неподражаемымъ мѣстомъ въ Мармонтелевомъ *Велисаріи*, гдѣ онъ представляетъ сего великаго мужа проходящимъ чрезъ тѣ самыя области, которыя спасъ отъ гибели и повсюду собирающими безцѣнныя дани нелестнаго усердія народа. О, какъ различна слава бичей и спасителей народовъ!—

18 Августа.

Наконецъ прибылъ сей лаврами и сѣдинами увѣнчанный Вождь! Нѣкоторые изъ почетныхъ Гжатскихъ купцовъ привезли его сами на прекрасныхъ своихъ лошадяхъ въ селеніе *Царево-Займище*.—Я сей часъ видѣлъ Свѣтлѣйшаго *Голенищева-Кутузова*, сидящаго на простой скамьѣ подлѣ одной избы; множество Генераловъ окружали его. Радость войскъ неописанна. У всѣхъ лица сдѣлались свѣтлѣе и военныя бесѣды вокругъ огней радостнѣе. Дымныя поля *Гжатскія* начинаютъ оглашаться пѣснями.—

20 Августа.

Какъ нетрудно понравиться солдату! Должно показать только ему, что заботишься о судьбѣ его, что вникаешь въ его состояніе, что требуешь отъ него необхо-

димо нужнаго и ничего излишняго. Когда Свѣтлѣйшій Князь обѣзжалъ въ первый разъ полки, то солдаты засуетились было, начали чиститься, тянуться и строиться. „Ненадо! ничего этаго не„надо! говорилъ Князь: я пріѣхалъ „только посмотрѣть, здоровы ль вы, „дѣти мои! Солдату въ походѣ не „о щегольствѣ думать: ему надобно „отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ.“ — Въ другой разъ увидѣвъ, что обозъ какого-то Генерала мѣшаетъ идти полкамъ, онъ тотъ часъ велѣлъ освободить дорогу и громко говорилъ: „Солда„ту въ походѣ каждый шагъ до„рогъ: скорѣй придетъ, больше от„дыхать будетъ!“ — Такія слова Главнокомандующаго все войско наполняли къ нему довѣренностію и любовью. „Вотъ то-то пріѣхалъ „нашъ батюшка!“ говорили сол-

даты; „онъ всѣ наши нужды зна-„етъ: какъ не подраться съ нимъ „въ глазахъ его; всѣ до одного ради „головы положить.“—Быть великому сраженію!

Всѣ обстоятельства предвѣщаютъ *сраженіе*, долженствующее рѣшить судьбу Отечества. Говорятъ, что въ послѣдній разъ, когда Свѣтлѣйшій осматривалъ полки, *орелъ* явился въ воздухѣ и парилъ надъ нимъ; Князь обнажилъ сѣдинами украшенную голову: все войско закричало *ура!*—Въ сей же день Главнокомандующій приказалъ служить во всѣхъ полкахъ молебны Смоленской *Божіей Матери* и для иконы Ея, находившейся при арміи, сдѣлать новый приличный кивотъ. Все это восхищаетъ солдатъ и всякаго!

На сихъ дняхъ Смоленскій помѣщикъ нашъ *Ready* привезъ двухъ

сыновъ, прекрасныхъ молодыхъ людей, и просилъ опредѣлить ихъ въ службу. Другой Смольянинъ, Ротмистръ *Клячковъ*, оставя прекрасную жену и пятерыхъ дѣтей, пріѣхалъ служить и опредѣлился къ почтенному Генералу *Лихачеву*, который отъ тяжкой боли едва передвигая ноги и почти совсѣмъ не владѣя руками, ѣздитъ на дрожкахъ при своей дивизіи и бываетъ въ сраженіяхъ.

Вотъ что значитъ *война-отечественная!* . . . . .

2 Сентября.

Братъ мой *Григорій*, высланный отъ полка съ стрѣлками, раненъ пулею въ голову въ ужасѣйшемъ Бородинскомъ сраженіи 26 Августа. Мы привезли его въ Москву. Вотъ уже другой день, какъ я въ

Столицѣ, которую такъ часто видалъ въ блестящемъ ея великолѣпіи, среди торжествъ и пированій, и которую теперь едва, едва могу узнать въ глубокой ея печали. О, другъ мой! что значитъ блескъ городовъ, очаровывающій чувства наши? Это самая тлѣнная полуда на мѣди, позолота на пилюлѣ! Отняли у Москвы многолюдство, движеніе народа, суету спрашей, стукъ каретъ, богатство украшеній — и Москва осиротѣлая, пустая ничѣмъ не разнится отъ простаго уѣзднаго города!—Все уѣхало или уѣзжаетъ отсюда. Вчера братъ мой Сергѣй Николаевичъ выпроводилъ жену и дѣтей своихъ. Сегодни жегъ и рвалъ онъ всѣ Французскія книги изъ прекрасной своей библіотеки, въ богатыхъ переплетахъ, и истреблялъ у себя всѣ предметы роскоши

и моды. Тому, кто семь лѣтъ пишетъ въ пользу Отечества противу заразъ Французскаго воспитанія, простительно доходить до такой степени огорченія въ тѣ минуты, когда злодѣи уже ближутся къ самому сердцу Россіи. Мы было всѣ *пять братьевъ* сѣхались въ Москву; но пробыли вмѣстѣ не болѣе дня. Братъ мой *Иванъ* уѣхалъ къ Князю Лобанову-Ростовскому, который взялъ его къ себѣ въ Адъютанты..... Уже врагъ въ Москвѣ! Уже Французы въ священныхъ стѣнахъ древняго Кремля... А мы въ слѣдъ за Русскими войсками пробираемся на Рязанскую дорогу. Древняя Столица Сѣвера, послѣ двухъ сотъ-лѣтней свободы, должна опять почувствовать тяготу оковъ иноплеменныхъ.—

4 Сентября. Боровской перевозъ.

„Москва въ слезахъ; Москва уныла,
„Какъ темная въ пустынѣ ночь!“ —

Такъ говорилъ я, вмѣстѣ съ однимъ изъ превосходнѣйшихъ поэтовъ нашихъ, стоя на высокомъ *Мичковскомъ кургане* у Боровскаго перевоза на Москвѣ рѣкѣ. — Я видѣлъ сгарающую Москву! Она, казалось, погружена была вся въ огненное море. Огромная черно-багровая туча дыма висѣла надъ нею. Картина ужасная! . . . Войска наши предпринимаютъ какое-то очень искусное движеніе въ лѣво. *Потеря Москвы не есть еще потеря Отечества:* такъ скажетъ исторія и такъ говоритъ Главнокомандующій: таковъ есть голосъ всего войска, готоваго сражаться до послѣдней капли крови!—Ты знаешь, что въ 1571 году, при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, вся

Москва раззорена и предана была пламени набѣжавшимъ съ ордою Татаръ Крымскимъ Ханомъ *Девлетъ-Гиреемъ*, въ день 24 Маія. „Въ улицы наполнены были кровью и трупами, и Москва рѣка мертвыхъ „не пронесла!“ такъ повѣствуетъ *Лѣтописецъ*.—Въ 1612 году она терпѣла почти такую же участь, и славно избавлена *Пожарскимъ!*—

Одинъ знаменитый писатель (1) говаривалъ часто, что *время настоящее беременно будущимъ*. А по сему-то, видя *въ настоящемъ* всеобщее вооруженіе, воскресшій духъ народный, твердость войскъ и мудрость Вождей, я предчувствую, что *будущее*, рожденное щастливыми обстоятельствами настоящаго, должно быть нѣкоторымъ образомъ *повтореніемъ прошедшаго;* оно должно

(1) *Лейбницъ.*

возвратить намъ свободу, за которую теперь, какъ и прежде, все ополчается. — Другъ мой! будемъ молиться — и надѣяться! —

Сентября 10. Рязань.

Съ какими трудами, непріятностями и препятствіями сопряжено всеобщее бѣгство! . . . По Рязанской Губерніи въ нѣсколькихъ мѣстахъ переправляются одну только *Оку*, и ни въ одномъ мѣстѣ нѣтъ порядочной переправы! Ни къ чему годные паромы на ветхихъ канатахъ едва могутъ поднять десять лошадей и нѣсколько человѣкъ, тогда, какъ сотни проѣзжающихъ ожидаютъ на берегу. Раненые Офицеры больше всего при семъ страждутъ. Цѣлыя семейства живутъ здѣсь на пустомъ берегу, въ ожиданіи очереди перепра-

виться. Жена одного знакомаго намъ Московскаго жителя, который простоялъ на переправѣ трое сутокъ, разрѣшилась отъ бремени. Положеніе отца было самое печальное; ибо нѣгдѣ было взять никакихъ средствъ къ вспоможенію болящей и младенцу. — Я еще въ первый разъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и въ первый разъ вижу, что Россія здѣсь такъ мало населена. Какія обширныя поля и какъ мало жилищъ? Кажется, что вся *населенность* въ Россіи сдвинулась къ ея границамъ. Естьлибъ можно было сдѣлать противное, чтобъ народъ стѣснился ближе вкругъ сердца своего отечества; а *стели* отдѣлили бы его отъ чуждыхъ странъ, дабы развратъ и оружіе иноплеменниковъ не такъ легко проникали въ него! —

Что сказать тебѣ болѣе о нашемъ странствованіи? — Мы проѣхали *Коломну*, очень порядочный городъ, по ниже котораго сливается *Москва* рѣка съ *Окою*. Я едва успѣлъ взглянуть тамъ на древнія развалины очень красивыхъ башенъ; вихрь всеобщаго смятенія умчалъ и насъ съ собою далѣе. Мнѣ очень хотѣлось найти здѣсь Подполковника Артиллеріи, двоюроднаго брата моего и друга *Владиміра Г . . ху*, который, помнишь, былъ съ нами вмѣстѣ въ корпусѣ; но онъ уже ушелъ съ ротою своею куда-то за Оку. — Мы проѣзжали *Зарайскъ*, прелестный городокъ на берегу свѣтлой рѣки Осетра, впадающей въ Оку. Тамъ осмотрѣлъ я старинную крѣпость, называемую *Кремлемъ*. Говорятъ, что предки наши были непросвѣщены; однакожъ они умѣли выбирать самыя

выгодныя мѣста для своихъ крѣпостей. Зарайской Кремль можетъ служить сему доказательствомъ. Стоя на возвышенномъ мѣстѣ, онъ преграждаетъ переправу на рѣкѣ и можетъ дѣйствовать орудіями своими далеко по дорогѣ, извивающейся по чистымъ и гладкимъ полямъ, по которой прихаживали туда *Татары*.—Почти вся *Рязанская* Губернія полиста и безгорна, кое гдѣ холмится. Въ каждой лощинѣ хуторъ или деревенька, ручей и рощица суть сокровища въ сей сторонѣ. Земля отмѣнно хлѣбородна. Женщины здѣшнія ходятъ въ *шушунахъ* и на головѣ носятъ *остроугольныя кички*, которыя придаютъ имъ необыкновенный ростъ. Онъ говорятъ провзжимъ: „добрый господинъ, *хасатихъ*; одна другой говорятъ: „подруга, *ластушка*.“—Мужчины великорослы, свѣжи, бѣло-

тѣлы; въ обращеніи нѣсколько суровы. — Объ Рязани, по причинѣ краткаго въ ней пребыванія, не скажу тебѣ ни слова. Я замѣтилъ только, что лучшій и огромнѣйшій изъ всѣхъ домовъ въ ней есть домъ *откупщика*.... Какъ разживаются у насъ откупщики и Французы учители!... — Мы полагали, что въ такомъ городѣ, какъ *Рязань*, будетъ пріютъ для раненыхъ; но имъ велятъ убираться въ *Касимовъ*, и мы ѣдимъ съ братомъ туда.—И здѣсь все волнуется, Богъ знаетъ отъ чего?—Народъ суетится.—

21 Сентября.

Село Льгово—недалеко отъ Рязани.

Мы уже были въ *Касимовѣ*, но не болѣе двухъ дней. Три перевязки, сдѣланныя искуснымъ лекаремъ, встрѣтившимся намъ въ дорогѣ,

облегчили рану брата моего. Онъ не захотѣлъ цѣниться въ городѣ, наполненномъ великимъ множествомъ раненыхъ, и почувствовавъ себя въ состояніи лечиться при полку, рѣшился ѣхать къ арміи. Въ Касимовѣ любопытно видѣть древнее кладбище Татарскихъ Хановъ и читать надписи на обломкахъ великолѣпныхъ надгробниковъ; но я не успѣлъ ничего видѣть. Я только видѣлъ большія барки, на которыя благородныя семейства со всѣмъ домомъ, съ каретами, лошадьми и прочимъ тянулись внизъ по рѣкѣ. Все уплываетъ, уходитъ или уѣзжаетъ! Вотъ времена! Дай Богъ, чтобы они скорѣе кончились и никогда уже не возобновлялись!

Какъ странна упряжь *уѣзжающихъ!* Часто подлѣ прекрасной Англійской верховой лошади, видимъ

запряженную водовозную клячу; видимъ людей богато одѣтыхъ въ крестьянскихъ телѣгахъ! Теперь люди испытываютъ то, о чемъ прежде рѣдко и слышали.—Очень рѣдко видимъ ѣдущихъ къ *Рязани;* вездѣ видимъ оглобли и дышла повозокъ и головы лошадей, обращенныя въ противную сторону.—

Сей часъ гулялъ я по берегу Оки и смотрѣлъ, какъ буря играла синими волнами ея и гнала ихъ въ далекое пространство открытыхъ степей.—Въ разныхъ мѣстахъ, примѣтны на берегахъ Оки огромныя горы сыпучаго песка: кто насыпалъ ихъ?—Вѣки, или наводненія. Песчанные берега, осѣненные темно-зелеными елями, подъ туманнымъ небомъ представляютъ унылыя *Оссіяновскія картины.*—

Здѣсь, *въ Ольговѣ* есть монастырь на превысокой скалѣ надъ Окою.

Отшельникъ, живущій въ немъ, можетъ смотрѣть въ одно окно на Европу, въ другое на рѣку и степи, идущія къ предѣламъ Азіи. Съ одной стороны слышитъ онъ шумъ страстей и стонъ просвѣщенныхъ народовъ; съ другой представляется ему молчаливая природа, въ величественной важности своей. Полудикія племена, кочующія въ дальныхъ степяхъ, не имѣютъ великолѣпныхъ городовъ и пышныхъ палатъ; но за то незнакомы они съ заботами и горестями, гнѣздящимися въ нихъ! —

26 Сентября. Городъ Таруза.

Въ Рязанѣ простились мы съ братомъ Сергѣемъ; онъ поѣхалъ отыскивать жену свою, и семейство, которое составляло все утѣшеніе, все счастіе трудами и бурями ис-

полученной жизни его. — Кажется, *Плутархъ* сказалъ, что *братъ есть другъ, данный намъ Природою*: мы испытали это, особенно въ теперешнемъ странствіи.—

Отъ Рязани проѣхали мы опять *Зарайскъ*, потомъ *Каширу* и Серпуховъ.—

Какія прелестныя мѣста!.... Здѣсь берега Оки унизаны *деревнями*, расположенными на прекрасныхъ холмахъ между зелеными рощицами. Почти на всякой верстѣ видимъ прекрасные господскіе домы, каменныя церкви, мельницы и сады. Какое пріятное сосѣдство! Какъ счастливы должны быть здѣсь люди, если только они такъ хороши, какъ ихъ природа!—Женщины здѣшнія имѣютъ алый живой румянецъ на бѣломъ лицѣ, бѣлокуры, вообще очень хороши собою. —Здѣсь вѣрно прово-

дать пріятные лѣтніе мѣсяцы, въ хозяйственныхъ занятіяхъ, во взаимныхъ другъ другу посѣщеніяхъ, въ прогулкахъ по свѣтло-голубой Окѣ и живописнымъ берегамъ ея. Зимою здѣсь вѣрно пользуются такимъ близкимъ сосѣдствомъ; катаются на легкихъ саняхъ, или бѣгаютъ на конькахъ по свѣтлому льду, изъ дому въ домъ; занимаются, пріятными разговорами, музыкою, полезнымъ чтеніемъ, и важность бесѣдъ услаждаютъ невинными забавами, живутъ въ дружбѣ, любви и простотѣ, вовсе не заботясь о шумныхъ городахъ и большомъ свѣтѣ. Такъ думаешь, но совсѣмъ не то находишь. — Къ сожалѣнію, съ того времени, когда *Французскія моды* вскружили головы *Французскихъ литомцевъ на* Руси изрѣдка стали заглядывать въ помѣстья свои; собравъ сельскіе доходы, тотъ

часъ спѣшатъ приносить ихъ на олтарь модъ въ храмахъ, воздвигнутыхъ ею въ Москвѣ. Французскія торговки и разсѣянная жизнь все поглощаютъ!.. *Питомцы Французовъ*, не заботясь о наслѣдіи отцовъ своихъ, входятъ въ долги, читаютъ Французскіе романы и не могутъ повѣрить, что *въ странѣ своей родной съ щастьемъ можно съ селахъ знаться!*—

Опустѣлые каменные домы и различныя заведенія свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда люди пользовались выгодами и пріятностями сельской жизни. Можетъ быть, теперь вразумленные пожаромъ *Москвы*, созженной ихъ *любимцами*, дѣти возвратятся къ благимъ обычаямъ отцовъ своихъ.—

Другъ мой! *Французы учители* не мѣньше опасны и вредны *Французовъ*

завоевателей: первые разрушаютъ добрые нравы; другіе—Царства — Разсказываютъ, что одна нещастная *не Россіянка по воспитанію* влюбившись въ Французомъ, воспитателемъ ея дѣтей, выгнала изъ дому добраго, честнаго и Генеральской чинъ уже имѣвшаго мужа своего; она могла это сдѣлать: ибо все имѣніе принадлежитъ ей.—Нѣжный отецъ украдкою только видается съ дѣтьми своими.—Когда велѣно было всѣхъ Французовъ высылать за границу, то этотъ назвался прежде *Италіянцемъ*, а потомъ *Жидомъ!!!* — Каковы Французы! Нѣтъ брани, которой бы не стоилъ сей превратный и развратный народъ!—

Теперь здѣсь *побережье Оки*, совершенно пусто; всѣ *господа* уѣхали *въ стели отъ Французовъ*, такъ какъ прежде, заражаясь иноземною дурью,

ѣздили въ Москву и въ Парижъ къ *Французамъ*.—

Признаюсь тебѣ, что сколько я ни люблю прежнихъ Французскихъ, а особливо драмматическихъ писателей, однако желалъ бы, чтобъ языкъ ихъ мѣнѣе употребителенъ былъ у насъ; ибо онъ такой же вредъ дѣлаетъ нашему, какъ ничтожный червь прекрасному величественному древу, котораго корни подтачиваетъ. —

Крайне прискорбно видѣть и въ арміи языкъ сей въ излишнемъ употребленіи. Часто думаемъ, что идемъ мимо Французскихъ *бивуаковъ!* Я видѣлъ многихъ, нынѣшняго воспитанія, молодыхъ людей, которые прекрасно говорятъ и пишутъ по Французски, не умѣя написать правильно нѣсколькихъ строкъ на своемъ природномъ языкѣ. Я примѣтилъ, что люди сіи умны только

по Французски; послушай ихъ говорящихъ по Руски — и вся ловкость, всѣ обороты, вся замысловатость изчезаютъ! — Это очень легко объяснить. Ты знаешь, что у Французовъ почти всѣ умники суть *фразеры* (fraseurs), которые умны чужимъ умомъ. Память ихъ изпещряется *выраженіями* разныхъ писателей и они безпрестанно повторяютъ то въ разговорахъ, что затвердили въ книгахъ. Множество *коламбуровъ*, *пословицъ* и *памятныхъ стиховъ* (des versà retenir), придаютъ разговорамъ ихъ какую-то пестроту и пріятность.... *на первый только разъ!* — Однажды спросили *у Дидерота*, какихъ онъ мыслей о томъ человѣкѣ, съ которымъ недавно проговорилъ цѣлый часъ? — „Онъ уменъ," отвѣчалъ *Дидеротъ*. Но тѣ, которые знали *его* коротко, начали смѣяться и доказали,

что онъ дуракъ. „Ну! такъ я невиноватъ, возразилъ Дидеротъ, что онъ на *одинъ только часъ запасся умомъ!*" — Стало у Французовъ можно *запасаться умомъ?* По Руски совсѣмъ иначе надобно сочинять свой разговоръ, *изобрѣтать выраженія*; а для этаго нуженъ не *заемной умъ*. — *Суворовъ* зналъ прекрасно Французской языкъ; а говорилъ всегда по Руски—Онъ былъ Руской Полководецъ!

29 Сентября.

Наконецъ, среди опустошенныхъ селеній, по лѣсистой проселочной дорогѣ, соединяющей большую *Тульскую* съ *Калужскою*, прибыли мы къ *Тарутину*. Небольшіе отряды, разсѣянные для *фуражированія*, служили намъ проводниками. Обширное зарево, пылавшее на горизон-

тѣ, еще издалека указало мѣсто, гдѣ стояла армія на *бивакахъ*. Выѣзжаешь изъ лѣса—и видишь пространное поле, ряды высокихъ укрѣпленій; вправо крутые берега Пары; далѣе представляется множество огней, ярко свѣтящихся въ вечернихъ сумеркахъ, и многочисленное воинство, стройно расположенное въ соломенныхъ шалашахъ по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Веселые клики, повсемѣстное пѣніе и музыка, въ разныхъ мѣстахъ игравшая, ясно доказывали, что духъ войскъ не былъ еще удрученъ печалію. — Здѣсь-то остановились наконецъ храбрыя тысячи Русскихъ, безропотно покарявшіеся верховному произволу Царя своего, безмолвно слѣдовавшіе за своими Вождями, безпрестанно сражавшіеся, и при всегдашней побѣдѣ уступавшіе селы,

города и цѣлыя области хищному врагу. Здѣсь остановились они для того, чтобы всѣмъ до одного *умереть*, или нанесши *смертельный ударъ непріятелю*. —

Около *ста тысячъ* войскъ, чудесно укрѣпленное мѣстоположеніе и большое число пушекъ составляютъ въ семъ мѣстѣ *послѣдній оплотъ Россіи*. Но войско наше кипитъ мужествомъ; но любовь къ Отечеству овладѣла сердцами всего народа; но *Богъ* и *Кутузовъ* съ нами — будемъ надѣяться!

Сентября 30.

На мѣстѣ, гдѣ было село Тарутино *Анны Никитишны Нарышкиной*, и въ окрестностяхъ онаго явился *новый военный городъ*, котораго граждане — солдаты; а домы — шалаши и землянки. Въ семъ городѣ есть также

улицы, площади и *рынки*. На сихъ послѣднихъ изобиліе Рускихъ краевъ выставляетъ всѣ дары свои. Здѣсь, сверхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, можно покупать *арбузы, виноградъ* и даже *ананасы*! . . . тогда, какъ Французы ѣдятъ одну пареную рожь и, какъ говорятъ, даже *конское мясо!* — На площадяхъ и рынкахъ *Тарутинскихъ* солдаты продаютъ отнятыя у Французовъ вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Козаки водятъ лошадей. Маркитанты торгуютъ винами и водкою. — Здѣсь между покупщиками, между продающими и мѣняющими, въ шумной толпѣ, отдохнувшихъ отъ трудовъ воиновъ, среди ихъ пѣсенъ и музыки, забываешь на минуту и военное время, и обстоятельства, и то, что Россія уже за *Нарою!*...

Отдыхъ, нѣкоторая свобода и небольшое довольство: вотъ все, что тѣшитъ и щастливитъ военныхъ людей!—

1 Октября.

Братъ мой, у котораго рана еще не зажила, явясь на службу, былъ принятъ очень благосклонно бригаднымъ начальникомъ своимъ Генералъ-Маіоромъ *Талызинымъ*. Я пріѣхалъ сюда также съ тѣмъ, чтобы опредѣлиться въ полкъ; но мнѣ надобно было найти Генерала, который, зная прежнюю мою службу, принялъ бы *бѣднаго Поручика*, хотя тѣмъ же чиномъ, не смотря на то, что аттестаты его остались въ рукахъ непріятеля, и что на немъ ничего болѣе не было, кромѣ *синей хуртки*, сдѣланной изъ бывшаго синяго фрака, у ко-

шораго отъ кочевой жизни на бивакахъ полы обгорѣли. — Я пошелъ къ Генералу отъ Инфантеріи Милорадовичу, живущему въ авангардѣ впереди *Тарутинской позиціи*. Онъ узналъ меня, пригласилъ къ службу — и я уже въ службѣ — тѣмъ же чиномъ, какимъ служилъ передъ отставкою и какимъ отставленъ, то есть *Поручикомъ*, и имѣю честь находиться въ *авангардѣ*, о которомъ теперь гремитъ слава по всей арміи. —

4 Октября. Село Тарутино.

Сего дня Генералъ Милорадовичъ взялъ меня съ собою обѣдать къ Генералу Дмитрію Дмитріевичу *Шепелеву*, который имѣлъ свои биваки за правымъ крыломъ арміи. Обѣдъ былъ самый великолѣпный и вкусный. Казалось, что какая ни-

будь *волшебница* лила и сыпала изъ неистощимаго рога изобилія лучшія вина, кушанья и самые рѣдкіе плоды. Хозяинъ былъ очень ласковъ со всѣми и прекраснѣйшій столъ свой украшалъ еще болѣе *искусствомъ угощать*. Гвардейская музыка гремѣла. И такъ твой другъ, разоренный Смоленской помѣщикъ, бѣдный Поручикъ въ синей куртки имѣлъ честь обѣдать вмѣстѣ съ 30 лучшими изъ Русскихъ Генераловъ. — Къ большему удовольствію моему я познакомился здѣсь съ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ Графомъ Апраксинымъ, служащимъ Адъютантомъ у Генерала *Уварова*.—

5 Октября,

въ Авангардѣ предъ Тарутинымъ.

Теперь ты вѣрно полюбопытствуешь, кто *тѣ* люди, отъ кото-

рыхъ я буду зависѣть, или съ которыми раздѣлять стану труды воинскіе. служа при Генералѣ Милорадовичѣ.—На первый разъ скажу обо всѣхъ только слегка. Начальникъ Штаба по авангарду *Полковникъ Потемкинъ*, сынъ покойнаго Генерала А. Я., котораго дядя, почтенный человѣкъ И. Я. живетъ недалеко отъ меня. Онъ воспитывался въ корпусѣ и будучи ученъ, какъ почти всѣ кадеты прежнихъ выпусковъ, имѣетъ прекрасныя качества, благороденъ и любезенъ въ обхожденіи. Онъ отличился во многихъ сраженіяхъ въ сей войнѣ и скоро будетъ Генераломъ. — Адъютанты Генерала: *Денкеръ*, съ которымъ я познакомился еще прошлаго года, въ бытность мою въ Кіевѣ. Онъ недавно отличилъ себя въ *Красной Пахрѣ*. Когда отрядъ Французской, тихо прокравшись лѣсомъ, на-

налъ было на томъ домъ, гдѣ находился Генералъ *Милорадовичъ*, то сей Адъютантъ *Денкеръ*, собравъ поспѣшно конвойную команду, первый встрѣтилъ Французовъ и обращеніемъ ихъ въ бѣгство отвратилъ опасность.—Генералъ Милорадовичъ благодарилъ Полковника Потемкина и *Денкера* особымъ приказомъ, за храбрость и расторопность ихъ при семъ случаѣ.—

Паскевичъ, родной братъ того, который былъ съ нами вмѣстѣ въ корпусѣ; непужно много времени, чтобъ узнать и почувствовать къ нему уваженіе. Третій братъ ихъ, служа Генераломъ, пріобрѣлъ самую лестную славу, оказавъ блистательную храбрость и воинскія дарованія во многихъ сраженіяхъ. Киселевъ, кавалергардской Офицеръ, прекрасно воспитанный и

очень пріятный въ обхожденіи. *Кочубей*, племянникъ извѣстнаго въ ряду вельможъ нашихъ Графа *Виктора Павловича*.—Маіоръ *Морозовъ*, у котораго я служилъ прежде въ ротѣ и который тебѣ по письмамъ моимъ уже знакомъ, теперь также при Генералѣ.—Въ это время находится здѣсь въ авангардѣ Адъютантомъ Генерала Ермолова *Граббе*, который почти въ одно время съ нами былъ въ корпусѣ и по выпускѣ изъ онаго не переставалъ заниматься науками; былъ съ большею пользою въ чужихъ краяхъ, и теперь сдѣлался извѣстенъ въ авангардѣ личною храбростію— *Письменными дѣлами* правитъ извѣстный дарованіями своими по сей части, бывшій правителемъ Канцеляріи у покойнаго *Князя Багратіона*, *Н. А. Старинкевичъ*. Онъ хорошо знаетъ отечественную

словесность и разумѣетъ разные иностранные языки. Въ правленіи авангардною Канцеляріею учавствуетъ также давній добрый мой знакомецъ — С. М. *Бажуковъ*. Вотъ тебѣ, любезный другъ! довольно пространное описаніе нашего *штата*; я знаю, что любя меня, ты доволенъ будешь узнать тѣхъ, съ которыми я долженъ быть изо-дня въ день вмѣстѣ.—

P. S. Представь мое удовольствіе, которое будетъ конечно и твоимъ. Сей часъ узналъ я, что при главной квартирѣ авангарда находится Подполковникъ *Черкасовъ*—и это тотъ самый П. П., который преподавалъ фортификацію и артиллерію намъ и нѣсколькимъ старымъ теперешнимъ Офицерамъ, бывшимъ его учениками въ корпусѣ. — Я съ неизъяснимымъ сердечнымъ удовольствіемъ обнялъ сего почтен-

наго человѣка, который теперь повѣряетъ то на опытъ, что преподавалъ намъ въ *теоріи*. Всѣ прелестнѣйшія мечты о золотомъ времени жизни, о безпечной юности и жизнье въ корпусѣ обновились съ симъ свиданіемъ, въ воображеніи моемъ. —

7 Октября. Тарутино.

Еще звенитъ въ ушахъ отъ вчерашняго грома. Послѣ шести мирныхъ лѣтъ я опять былъ въ сраженіи, опять слышалъ шумъ ядеръ и свистъ пуль.—Вчерашнее дѣло, во всѣхъ отношеніяхъ, удачно. Третьяго дня ввечеру Генералъ Бенигсенъ заѣзжалъ къ Генералу Милорадовичу съ планами. Они долго наединѣ совѣщивались. Ночью знатная часть арміи сдѣлала, такъ сказать, *вылазку* изъ крѣп-

кой своей *Тарутинской позиціи*. Генералъ *Бенигсенъ* имѣлъ главное начальство въ семъ дѣлѣ. Генералъ Милорадовичъ командовалъ частію пѣхоты, почти всею кавалеріею и гвардіею. Нападеніе на великой авангардъ Французской арміи, подъ начальствомъ Короля Неаполитанскаго, сдѣлано было совершенно неожиданно; непріятель тотъ часъ началъ отступать и вскорѣ предался совершенному бѣгству: 20 пушекъ, немалое число плѣнныхъ и великое множество разнаго обоза, были трофеями и плодами сего весьма искусно сбдуманнаго и счастливо исполненнаго предпріятія.— Движеніями войскъ въ семъ сраженіи управлялъ извѣстный Полковникъ *Толь*, прославившійся личною храбростію и великими познаніями въ военномъ дѣлѣ. Онъ воспитывался и пріобрѣлъ первое начало своихъ

познаній въ томъ же корпусѣ, гдѣ и мы, будучи тамъ въ одно время съ братомъ моимъ Сергѣемъ. Первый Кадетскій корпусъ, по справедливости, можетъ гордиться, что воспиталъ такихъ людей. — Предупреждаю тебя, что всѣ описанія мои съ сей поры будутъ очень кратки. Въ авангардѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени къ пространнымъ письменнымъ занятіямъ. — Подожди! когда нибудь при удобнѣйшемъ случаѣ я сообщу тебѣ подробнѣйшее *описаніе дѣйствій войскъ подъ начальствомъ Генерала Милорадовича.* Не знаю, почему большая часть знаменитыхъ подвиговъ сего Генерала неозначена въ Вѣдомостяхъ; но онъ, какъ я замѣтилъ, ни мало симъ не огорчается. Это значитъ, что онъ не есть *герой Вѣдомостей;* а *герой Исторіи и лѣтописей.*—

Скажу тебѣ, что Генералъ сей, принявшій, по прозьбѣ Князя Свѣтлѣйшаго, начальство надъ *арріергардомъ*, послѣ страшнаго Бородинскаго сраженія, дрался съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ съ 29 го Августа по 23 е Сентября, т. е. 26 дней безпрерывно. Нѣкоторые изъ сихъ дней, какъ то 29 Августа, 17 Сентября и 20 и 22 того же мѣсяца, ознаменованы были большими сраженіями, *по десяти и болѣе часовъ продолжавшимися*. Извѣстноль все это у васъ?—

9 Октября. Дача Кусовникова близъ Тарутина.

Какъ живущъ можетъ быть человѣкъ! . . . Сего дня поѣхалъ Генералъ *Милорадовичъ*, и мы всѣ за нимъ, осматривать передовые посты, оставшіеся на

томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было сраженіе. Въ разныхъ мѣстахъ валялись разбросанные трупы и между ними одинъ, весь окровавленный, казалось, еще дышалъ. Всѣ остановились надъ нимъ. Этотъ нещастный, за три дня предъ симъ оставшійся здѣсь въ числѣ мертвыхъ, не смотря на холодныя ночи, сохранялъ еще въ себѣ искру жизни. Сильный картечный ударъ раздробилъ ему половину головы: оба глаза были выбиты; одно ухо вмѣстѣ съ кожею и частію черепа сорвано; половина оставшейся его головы облита была кровью, которая густо на ней запеклась, и за всемъ тѣмъ онъ еще жилъ!... Влили ему въ ротъ нѣсколько водки; игра нервъ сдѣлалась живѣе.... „Кто ты? спрашивали у него на разныхъ языкахъ.—Онъ только мычалъ. Но когда спросили наконецъ:

не Полякъ ли ты?— Онъ отвѣчалъ по Польски: „Да!“ — Когда раненъ?— „Въ послѣднемъ дѣлѣ,“ то есть третьяго дня.—Чувствуешь ли ты? спросили у него —„Бываютъ минуты, когда чувствую — и мучусь!“ отвѣчалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ и просилъ убѣдительно, чтобъ его *захололи.* Но Генералъ приказалъ дать ему опять водки и отвезши въ ближайшую деревню. — Нѣтъ, другъ мой! славный *Гуфландъ* еще не все изъяснилъ намъ въ краснорѣчивыхъ умствованіяхъ своихъ *о жизни.* Надобно было ему увидѣть сего нещастнаго, чтобъ понять, сколь долго этотъ *тончайшій духовной спиртъ* (1) можетъ держаться въ полу-раздробленномъ скудѣльномъ сосудѣ своемъ.—Вчера пріѣхалъ къ намъ изъ Пажескаго корпуса сынъ

(1) Выраженіе изъ сочиненій Гуфланда.

Г. П. М. . . . ча, о которомъ я тебѣ столько разъ писалъ и котораго благоразположеніе ко мнѣ превыше всего. Сынъ его, племянникъ Генерала нашего, есть прекрасный, преблаговоспитанный молодой человѣкъ. Я душевно радъ, что онъ остается у насъ. Теперь онъ былъ вмѣстѣ съ нами и въ первый разъ отъ роду видѣлъ поле сраженія, гдѣ хотя замолкли громы, но еще не обсохла кровь. Генералъ приказывалъ ему смотрѣть на все внимательнѣе, чтобы привыкать къ ужасамъ войны. Въ самомъ дѣлѣ поспѣлые трупы, кровью и мозгомъ обрызганныя тѣла, оторванныя руки и ноги въ разныхъ мѣстахъ разметанныя, должны возмущать мирныя чувства кроткаго юноши, пока не привыкнетъ онъ къ таковымъ плачевнымъ, но необходимымъ позорищамъ! —

Мы теперь перемѣстились, со всемъ *дежурствомъ*, въ одинъ огромный каменный домъ, который, по видимому, былъ нѣкогда убранъ богатою рукою. Теперь все изломано и разворено. На бивакахъ у козаковъ сграбили: *диваны, Вольтеровы кресла, шифоньерки, бомбоньерки, хушетки, хозетки* и проч. Что сказала бы всевластная мода и роскошные питомцы ея, увидя это?—

23 Октября. Городъ Вязьма.

Среди дымящихся развалинъ города, бывшаго нѣкогда великолѣпнымъ, подъ громомъ безпрерывно разряжающихся бомбъ и гранатъ, повсюду злодѣями разбросанныхъ въ тѣсной комнатѣ полусожженаго дома, пишу къ тебѣ, другъ мой! . . . Торжествуйте великое празднество освобожденія Отече-

ства! Враги бѣгутъ и гибнутъ; ихъ трупами и трофеями устилаютъ себѣ путь *Русскіе* къ безсмертію.— До сихъ поръ я не имѣлъ ни одной свободной минуты. Въ теченіи 12 сутокъ мы или шли, или сражались. Ночи, проведенныя безъ сна, а дни въ сраженіяхъ, погружали умъ мой въ какое-то затмѣніе—и щастливѣйшія произшествія: освобожденіе Москвы, отраженіе непріятеля отъ Малаго Ярославца, его бѣгство, мелькали въ глазахъ моихъ, какъ свѣтлыя воздушныя явленія въ темной ночи. *Печатныя извѣстія изъ арміи*, разсылаемыя нынѣ по Губерніямъ, конечно уже извѣстили тебя подробно обо всемъ. И такъ я скажу тебѣ нѣсколько словъ только о томъ, что при свободномъ досугѣ надобно бы описывать на цѣлыхъ страницахъ. Еще повторяю, что *о дѣлахъ Генерала Мило-*

радовича, (который почти всякой разъ доноситъ Главнокомандующему въ двухъ или трехъ строкахъ не болѣе того, *что онъ отразилъ или побилъ непріятеля тамъ и тогда-то.*) я постараюсь доставить тебѣ подробнѣйшее описаніе, естьли оставлюсь живъ и *записная книжка* моя уцѣлѣетъ.—

Вскорѣ послѣ Тарутинскаго дѣла, 6го Октября, Князь Смоленскій получилъ извѣстіе, что Наполеонъ, оставляя *Москву*, намѣренъ прорваться въ Малороссію. Генералъ Докторовъ съ корпусомъ своимъ отряженъ былъ къ Боровску. Въ слѣдъ за нимъ и вся армія, *фланговымъ маршемъ*, передвинулась на *старую Калужскую дорогу*, заслонила собою врата Малороссіи и была свидѣтельницею жаркаго боя между нашимъ 5мъ и 4мъ Французскимъ корпусами *при Малоярославцѣ*.

Генералъ Милорадовичъ, сдѣлавъ въ сей день съ кавалеріею 50 *верстъ*, не далъ отрѣзать себя непріятелю и поспѣлъ къ самому тому времени, когда сраженіе пылало, и присутствіе его съ войсками было необходимо. Фельдмаршалъ, удивленный толикою *быстротою*, обнималъ его и называлъ *крылатымъ*. — Въ глазахъ нашихъ сгорѣлъ и разрушился Малой Ярославецъ. На разсвѣтѣ Генералъ Докторовъ, съ храбрыми войсками своего корпуса, присоединился къ арміи, которая подвинулась еще лѣвѣе и стала *твердою ногою* на выгодныхъ высотахъ. —

Генералъ *Милорадовичъ* оставленъ былъ съ войсками своими на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ночь прекратила сраженіе. Весь слѣдующій день проведенъ былъ въ небольшой только пушечной и ружейной перестрѣлкѣ. — Въ сей день жизнь сего

Генерала была въ явной опасности, и Провидѣніе явно оказало ему покровительство Свое. Отличаясь отъ всѣхъ шляною съ длинымъ султаномъ и сопровождаемый своими Офицерами, заѣхалъ онъ очень далеко впередъ и тотчасъ обратилъ на себя вниманіе непріятеля. Множество стрѣлковъ, засѣвъ въ кустахъ, начали мѣтить въ него. Едва успѣлъ выговорить Адъютантъ его *Паскевичъ: въ васъ цѣлятъ, Ваше Превосходительство!* — и пули засвистали у насъ мимо ушей. Подивись, что ни одна никого не зацѣпила. Генералъ Милорадовичъ, хладнокровно простоявъ тамъ еще нѣсколько времени, поворотилъ лошадь и тихо поѣхалъ къ своимъ колоннамъ, сопровождаемый пулями. Послѣ сего Генералъ Ермоловъ, прославившійся и самъ необычайною храбростію, очень

справедливо сказалъ Генералу Милорадовичу: „надобно имѣть *запасную жизнь*, чтобъ быть вездѣ съ Вашимъ Превосходительствомъ!“— Чрезъ два дни бѣгство непріятеля стало очевидно, и нашъ *арріергардъ*, сдѣлавшись уже *авангардомъ*, устремился преслѣдовать его. Темныя, дремучія ночи, скользкія проселочныя дороги, безсонье, голодъ и труды: вотъ что преодолѣли мы во время *искуснѣйшаго фланговаго марша*, предпринятаго Генераломъ Милорадовичемъ отъ *Егорьевска* прямо къ Вязьмѣ. Главное достоинство сего марша было то, что онъ совершенно утаенъ отъ непріятеля, который тогда только узналъ, что сильное войско у него во *флангѣ*, когда мы вступили съ нимъ въ бой; ибо до того времени одинъ Генералъ *Платовъ* тѣснилъ его *летучими своими отрядами*. Вчера на-

чалось сраженіе съ первымъ лучемъ дня, въ 12 верстахъ отъ Вязьмы. У насъ было 30.000, а *Вице-Король Италіянской* и Маршалы *Даву* и *Ней* выставили противу насъ болѣе 50 000. Непріятель занималъ попеременно *шесть выгоднѣйшихъ позицій*; но всякой разъ съ великимъ урономъ сбиваемъ былъ съ каждой побѣдоносными войсками нашими. Превосходство въ силахъ и отчаянное сопротивленіе непріятеля продлили сраженіе чрезъ цѣлый день. Онъ хотѣлъ было непремѣнно, дабы дать время уйти обозамъ, держаться еще цѣлую ночь въ Вязьмѣ и весь городъ превратить въ пепелъ Такъ увѣряли плѣнные; и слова ихъ подтверждались тѣмъ, что всѣ почти *печи* въ домахъ наполнены были порохомъ и горючими веществами. Но Генералъ Милорадовичъ, пославъ *Паскевича* и

Чоглокова съ пѣхотою, которые тотчасъ ворвались съ штыками въ улицы, самъ, съ бывшими при немъ Генералами, устроя всю кавалерію, повелъ ее въ обѣятый пламенемъ и непріятелемъ наполненный еще городъ. Рота конной артиллеріи, идя впереди, очищала улицы выстрѣлами; кругомъ горѣли и съ сильнымъ трескомъ распадались домы; бомбы и гранаты, до которыхъ достигалъ пламень, съ громомъ разряжались; непріятель стрѣлялъ изъ развалинъ и садовъ; пули свистали по улицамъ. . . . Но видя необоримую рѣшимость войскъ нашихъ и свою гибель, оставилъ онъ городъ и бѣжалъ, бросая повсюду за собою зажигательныя вещества.— На дымящемся горизонтѣ угасало солнце. Если бъ оно помедлило еще часъ, то пораженіе было бы совершеннѣе; но мрачная

осенняя ночь приняла бѣгущія толпы разбитаго непріятеля подъ свой покровъ. До пяти тысячъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ извѣстный Генералъ *Пелетье*, знамена и пушки были трофеями сего дня. Непріятель потерялъ конечно до 10.000. Путь на 12 верстъ усланъ его трупами. Генералъ Милорадовичъ остановился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ стоялъ *Наполеонъ*, и велѣлъ тушить горящій городъ. Сего дня назначенъ Комендантъ, устроена военная Полиція, велѣно очищать улицы отъ мертвыхъ тѣлъ, и разослано по уѣзду *объявленіе*, созывающее жителей къ возстановленію, по возможности, домовъ и храмовъ Божіихъ въ отечественномъ ихъ городѣ, изторгнутомъ нынѣ изъ кровавыхъ рукъ нечестивыхъ враговъ.—

Со временемъ Благородное Дворянство и граждане Вязьмы конечно почувствуютъ цѣну сего великаго подвига и воздадутъ должную благодарность *освободителю* ихъ *города*. Пусть поставятъ они на томъ полѣ, гдѣ было сраженіе, хотя немногоцѣнный, но только могущій пронявиться времени *памятникъ* и украсятъ его, по примѣру древнихъ, простою, но всеобъясняющею надписью: „Отъ при„знательности Благороднаго Дво„рянъ сословія и гражданъ *Вязьмы* „начальствовавшему Россійскимъ „авангардомъ Генералу отъ Инфан„теріи *Милорадовичу*, за то, что онъ „съ 30.000 Россіянъ, разбивъ 50 ты„сячное войско непріятельское, из„торгнулъ изъ рукъ его горящій „городъ ихъ, потушилъ пожары и „возвратилъ оный обрадованному „Отечеству и утѣшеннымъ гра-

„жданамъ въ достопамятный день „22 Октября, 1812 года.“ Въ одержаніи побѣды участвовали: извѣстный Генералъ, Графъ Остерманъ; Князь Долгорукій, который отличался прежде на поприщѣ дипломатическомъ, горѣлъ желаніемъ служить въ *отечественной войнѣ* и промѣнялъ перо на шпагу; но служа въ полѣ, онъ не переставъ украшать бесѣдъ своихъ тою же неподражаемою остротою ума, которою блисталъ нѣкогда при Дворахъ Государей. Русскіе во всему способны!... Генералы: Ермоловъ, Паскевичъ, Олсуфьевъ и Чоглоковъ храбростію и благоразумiемъ своимъ содѣйствовали къ совершенному пораженію врага. Полковникъ Потемкинъ, съ свойственнымъ ему мужествомъ и благоразумiемъ, наблюдалъ за движеніями нашихъ войскъ въ опасныхъ мѣстахъ. Батарейная рота *Гулевича* отличилась. —

P S. Въ это самое время, какъ я пишу къ тебѣ, Генералъ *Вильсонъ*, бывшій личнымъ свидѣтелемъ вчерашняго сраженія, описываетъ также оное соотечественникамъ своимъ. Изъ Петербурга нарочный отправился съ извѣстіемъ о сей побѣдѣ въ *Лондонъ* —

26, въ два часа по полудни.
Дорогобужъ.

Вотъ сей часъ только кончился штурмъ крѣпостнаго замка въ Дорогобужѣ; мы вырвали его изъ рукъ Французовъ, захватили городъ, который они уже начали жечь; провожали ихъ ядрами, покуда не скрылись изъ глазъ нашихъ; а теперь сильная буря, вѣющая къ Западу, и Генералъ Юрков-

скій съ легкою кавалеріею гонятъ ихъ далѣе. Стужа увеличилась и метель потемнила воздухъ. Мы забрались въ домъ къ Протопопу, въ которомъ уцѣлѣли окна и немного тепло. Я нашелъ старую чернильницу, оттмочилъ засохшія чернила, и пишу къ тебѣ, какъ могу. — Позамедливъ нѣсколько въ *Вязьмѣ*, я долженъ былъ скакать 30 верстъ, чтобъ догнать войска наши, неослабно преслѣдовавшія непріятеля. Я ѣхалъ вмѣстѣ съ Генераломъ *Вильсономъ*, который не отстаетъ отъ авангарда и по доброй волѣ бываетъ въ огняхъ. Въ какомъ печальномъ видѣ представлялись намъ завоеватели Россіи!... На той самой дорогѣ, по которой шли они такъ гордо въ Москву, и которую сами потомъ опустошили, они валялись въ великомъ множествѣ мертвыми или

умирающими, или въ бѣдныйшихъ рубищахъ, окровавленные и запачканные въ сажѣ и грязи, ползали, какъ ничтожныя насѣкомыя, по грудамъ конскихъ и человѣческихъ труповъ. Голодъ, стужа и страхъ помрачили ихъ разсудокъ и наложили нѣмоту на уста. Они ни на что не отвѣчаютъ. Смотрятъ мутными глазами на того, кто ихъ спрашиваетъ, и продолжаютъ глодать конскія кости.—Во всѣ сіи дни непріятель безпрестанно забавлялъ насъ *потѣшными огнями*: онъ подрывалъ великое множество пороховыхъ своихъ ящиковъ—Богъ знаетъ, какихъ только неистовствъ не дѣлаетъ этотъ непріятель?—Онъ отряжаетъ нарочныя команды для сожиганія деревень; прикалываетъ нашихъ плѣнныхъ и разстрѣливаетъ крестьянъ. За то и крестьяне не спускаютъ имъ! Большими ваша-

тами разъѣзжаютъ они съ оружіемъ по дорогамъ и лѣсамъ, нападаютъ на обозы и сражаются съ толпами *мародеровъ*, которыхъ они по своему называютъ *мірадерами*. По ихъ толкамъ это люди, которые обираютъ міръ! —

Генералъ Вилсонъ говоритъ, что *война сія подвинула Россію на цѣлое столѣтіе впередъ на пути опытовъ и славы народной*. — Мой другъ! *молніи* и *зарницы* электрическою своею силою способствуютъ зрѣлости жатвъ; молніи войны пробуждаютъ духъ народовъ и также ускоряютъ зрѣлость ихъ. — Таковъ порядокъ вещей подъ солнцемъ! . . . луною!

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ видѣли мы, что крестьянки и даже малые дѣти безщадно сѣкли розгами ползающихъ Французовъ: такъ озло-

били они противу себя Русской народъ! . . .

Я не сказалъ тебѣ еще о сегодняшнихъ трофеяхъ нашихъ. Они состоятъ въ 600 плѣнныхъ и двухъ пушкахъ. Все сіе досталось намъ послѣ довольно жаркаго боя. Укрѣпленныя высоты Дорогобужа должны мы были взять открытымъ штурмомъ; а изъ города выдти непріятеля заставилъ Генералъ Милорадовичъ искуснымъ направленіемъ дивизіи Принца Виртембергскаго въ обходъ съ лѣва.—Пожаръ началъ было распространяться и здѣсь, но густымъ снѣгомъ и усердіемъ солдатъ нашихъ потушенъ. Тутъ также оставляется *Комендантъ*, которому поручено сзывать жителей на прежнія ихъ жилища.—Надобно видѣть солдатъ нашихъ, безъ ропота сносящихъ голодъ и

стужу, съ пылкимъ рвеніемъ идущихъ на бой и мгновенно влетающихъ на высоты окоповъ, чтобъ имѣть понятіе о томъ, какъ пріятно освобождать города своего отечества! 4 Егерьскаго полка Маіоръ *Русиновъ*, получа рану въ руку при началѣ штурма, велѣлъ поддерживать себя солдатамъ и продолжалъ лѣзть на валъ; чрезъ нѣсколько минутъ ему перестрѣлили ногу, и солдаты принуждены были снести его въ ровъ. Но храбрый Офицеръ сей до тѣхъ поръ не приказывалъ уносить себя далѣе и не переставалъ ободрять солдатъ, пока не увидѣлъ ихъ уже на высотѣ побѣдителями. Это тотъ самый, который вышелъ однимъ выпускомъ прежде насъ изъ корпуса.—

Представь себѣ, другъ мой! что я теперь только въ 60 верстахъ

отъ моей родины и не могу заглянуть въ нее! . . . Правда, тамъ все подверглось запустѣнію. Я бы нашелъ только пепелъ и развалины; но какъ сладко было бы, еще разъ въ жизни, помолиться на гробъ отцовъ своихъ!—Я теперь сходенъ съ *Кометою, которая* не успѣетъ приближиться къ *солнцу*, какъ вдругъ *косвеннымъ путемъ* удаляется опять отъ него на неизмѣримыя пространства.—Завтра мы идемъ отсюда, но не въ Смоленскъ, а боковыми, неизвѣстными путями, чрезъ лѣса и болота. . . . Послѣ узнаешь ты о семъ искусномъ и конечно гибельномъ для Французовъ *движеніи нашихъ войскъ*.

7 Ноября.—Бивакъ близъ Краснаго.

Видишь ли, какой мы сдѣлали шагъ! отъ Дорогобужа прямо къ *Краснему* Смоленскъ и Днѣпръ остались у насъ въ правѣ. — Тихо подкрались мы къ *большой дорогѣ, изъ Смоленска въ Красное* ведущей. Непріятель полагалъ насъ далеко за собою; а мы, какъ будто изъ под-земли, очутились вдругъ *предъ нимъ!*— Это по Суворовски!—Нынѣче называютъ это *фланговымъ* или *боковымъ маршемъ* 3 Числа Ноября показались мы изъ лѣсовъ противъ деревни *Ржавки*. Непріятель шелъ по большой дорогѣ покойно и весело. Наставшая оттепель отогрѣла жизненныя силы сихъ питомцовъ благодѣтельнаго климата ихъ отечествъ. Великіе обозы съ сѣверными гостинцами тянулись между колоннъ. Генералъ Милора-

довичь приказалъ тотчасъ нападать. — Непріятель остановился, разсыпалъ въ овраги и перестрики множество стрѣлковъ, выставилъ между березъ по высотамъ дороги мѣлкія орудія; а тяжелой артиллеріи и обозамъ, въ сопровожденіи конницы своей велѣлъ спасаться впередъ. Наши наступали съ обыкновеннымъ мужествомъ — и дѣло загорѣлось! — Но не смотря на великое превосходство въ силахъ непріятеля предъ нами, онъ былъ мгновенно сбитъ съ большой дороги, поражаемъ въ поляхъ и одоленъ спасеніемъ своимъ одной только темнотѣ ночной и ближнимъ лѣсамъ, въ которыхъ скрылся.—Знамена, пушки, плѣнные и множество обоза наградили побѣдителей, на первый разъ, за трудный *фланговой маршъ*.—Впереди насъ видна

была деревня; Генералъ Милорадовичъ хотѣлъ въ ней провести ночь; ему говорятъ, что тамъ еще Французы. Онъ посылаетъ козаковъ *истребить их*ъ — и мы тамъ ночевали. Послѣ сего, 4, 5 и 6 числа три дня сряду проводили мы въ безпрерывныхъ сраженіяхъ. Всякой вечеръ отбивали себѣ у Французовъ ночлегъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги. Съ каждой утренней зарею, коль скоро съ передовыхъ постовъ приходило извѣстіе, что *колонны показались на большой дорогѣ*, мы садились на лошадей и выѣзжали на бой.—Наполеону очень непріятно было, что Генералъ *Милорадовичъ* стоитъ подъ дорогою и разбиваетъ въ пухъ *корпуса его;* но дѣлать было нечего!... Послѣдняя рана, нанесенная ему вчера, чувствительнѣе всѣхъ. Вчера — о! восхищайся, другъ мой!

столь знаменитою побѣдою: вчера Генералъ Милорадовичъ разбилъ совершенно 30тысячный корпусъ, подъ предводительствомъ искуснѣйшаго изъ Маршаловъ Наполеона—*Нея*, недавно прозваннаго имъ *Княземъ* Московорѣцкимъ — Уронъ непріятельской чрезвычайно великъ. Всѣ *четыре командовавшихъ Генерала* убиты. Мѣста сраженій покрыты грудами непріятельскихъ тѣлъ —Въ сіи четыре для насъ побѣдоносные дня потеря непріятеля навѣрное полагается убитыми до 20.000; въ плѣнъ взято войсками Генерала Милорадовича Генераловъ 2, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 285, рядовыхъ — сколько ты думаешь?—22.000, пушекъ—60!.....Поля города Краснаго въ самомъ дѣлѣ *покраснѣли отъ кро-и.* — Остальныя 6000. изъ разбитаго *Нева* корпуса, укрѣпившіяся съ пушками въ лѣсахъ, при-

слали уже поздо въ вечеру *Парламентера* сказать, что они сдадутся только одному Генералу *Милорадовичу*; а иначе готовы защищаться до послѣдняго. Французы называютъ Милорадовича Русскимъ *Боярдомъ*; плѣнные вездѣ кричатъ ему: „vive le brave Général Miloradovitsch!" — Его и самые непріятели любятъ вѣроятно за то, что онъ сострадая объ нихъ по человѣчеству, даетъ послѣдній свой запасъ и деньги плѣнными.—Послѣ всего этаго ты видишь, что трофеевъ у насъ много; лавровъ дѣвать негдѣ; а хлѣба—ни куска.... Ты не повѣришь, какъ мы голодны? — По причинѣ крайне дурныхъ дорогъ и скораго хода войскъ, обозы наши съ сухарями отстали; всѣ окрестности сожжены непріятелемъ и достать нигдѣ ничего не льзя. У насъ теперь дивятся, *какъ можно*

Ѣсть! и не вѣрятъ тому, кто скажетъ, что онъ былъ Кусокъ хлѣба почитается здѣсь великою драгоцѣнностію! — Всѣ почти избы въ деревняхъ сожжены и мы живемъ подъ углами въ шалашахъ. Какъ жалко смотрѣть на плѣнныхъ женщинъ! ихъ у насъ много. Одна прекрасная Нѣмка съ прострѣленною рукою лежитъ въ ближней избѣ. Ей перевязали рану и, за неимѣніемъ хлѣба, кормятъ ее сахаромъ и карицею, отнятыми у Французовъ.—Наполеонъ велъ въ Россію цѣлый вооруженный народъ! 3 Дня видѣли мы прекрасную женщину, разпростертую подлѣ молодаго мущины. Одно ядро лишило ихъ обоихъ жизни можетъ быть въ минуту послѣдняго прощанія.—Тогда же, въ пылу самаго жаркаго боя, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, двое маленькихъ дѣтей братъ

и сестра, какъ Павелъ и Виргинія, взявшись за руки, бѣжали по мерзлымъ шѣламъ, сами не зная куда. Генералъ Милорадовичъ приказалъ ихъ тотъ часъ взять и отнести на свою квартиру. Съ того времени ихъ возятъ въ его коляскѣ. *Пьеръ* и *Лизета* одинъ 7, другая 5 лѣтъ, очень милые и по видимому благовоспитанные дѣти. Всякой вечеръ они, сами собою, молются Богу, поминаютъ своихъ родителей и потомъ подходятъ къ Генералу цѣловать его руку.—

Теперь эти бѣдняжки не вовсе сироты. Вчера между нѣсколькими тысячами плѣнныхъ увидѣли они какъ-то *одного*, и вдругъ въ одинъ голосъ закричали: „вотъ нашъ батюшка!“—Въ самомъ дѣлѣ это былъ отецъ ихъ, полковой слесарь. Генералъ Милорадовичъ

тотчасъ взялъ его къ себѣ, и онъ плачетъ отъ радости, глядя на дѣтей. Мать ихъ Нѣмка—убита.— Разсказать ли тебѣ объ ужасномъ состояніи людей, которые давноль были намъ такъ страшны? . . . Но меня зовутъ къ Генералу — прости до первой свободной минуты! . . .

P. S. Описаніе четырех-дневныхъ сраженій подъ Краснымъ, я тебѣ пришлю очень скоро. — (1)

Оттуда же и того же дня.

Мой другъ! Въ самыхъ дикихъ лѣсахъ Америки, въ области лютѣйшихъ Каннибаловъ едва ли можно видѣть такіе ужасы, какіе представляются здѣсь ежедневно

(1) Всѣ замѣчанія объ отечественной войнѣ помѣщены будутъ въ концѣ сей книги. —

глазамъ нашимъ. До какой степени можетъ достигнуть ослѣпленіе человѣковъ! Нѣтъ! Голодъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, не можетъ оправдать такого звѣрства. Одинъ изъ нашихъ проповѣдниковъ недавно назвалъ Французовъ *обезчеловѣчившимися* народомъ: нѣтъ ничего справедливѣе сего изреченія. Положимъ, что голодъ принуждаетъ ихъ искать пищи въ навозныхъ кучахъ, ѣсть кошекъ, собакъ и лошадей; но можетъ ли онъ принудить пожирать подобныхъ себѣ. Они, ни мало не содрогаясь, жарятъ товарищей своихъ, и съ великимъ хладнокровіемъ разсуждаютъ о вкусѣ *конскаго* и *человѣческаго* мяса! — За то какъ они гибнутъ: какъ мухи въ самую позднюю осень!... Тѣ, которые не совсѣмъ еще обезумѣли, безпрестанно просятъ ѣсть; а накорми ихъ досыта теплымъ

кушаньемъ—умираютъ! — Но большая часть изъ нихъ совсѣмъ обезумѣли; бродятъ, какъ слѣпые. Вчера я видѣлъ одного, который въ самомъ пылу сраженія, съ величайшимъ хладнокровіемъ мотался въ клубокъ нитки и самъ съ собою разговаривалъ, воображая, что онъ сидитъ дома у своей матери. Но вчерашняя ночь была для меня самая ужасно́йшая. Желая немного обсушиться, мы оправили кое-какъ одну избу, законопатили стѣны, пробитыя ядрами, и истопили печь. Сотни стенящихъ привидѣній, какъ *Шекспировы тѣни*, бродили около насъ. Но едва почуяли они теплый духъ, какъ съ страшнымъ воплемъ и ревомъ присыпали къ дверямъ. — Одинъ по одному вмѣстилось ихъ нѣсколько десятковъ, и не было мѣста, котораго бы они не заняли. Одни валялись подъ лавками

и на полу, другіе на верхнихъ палатяхъ, подъ печью и на печи. Мы принуждены были помостить себѣ нѣсколько досокъ съ лавки на лавку. Отягченные усталостію, мы уснули на нихъ. — Передъ свѣтомъ страшный вой и стоны разбудили меня. Подъ нами и надъ нами множество голосовъ на всѣхъ почти Европейскихъ языкахъ, вопили, жаловались или изрыгали проклятія на *Наполеона!* Тутъ были раненые, полузамерзшіе и сумасшедшіе. Иной кричалъ: „помогите! помогите! Кровь льется изъ всѣхъ моихъ ранъ! — Меня стѣснили! . . . У меня оторвали руку! . . . Постойте! удержитесь! я еще не умеръ, а вы меня ѣдите!“ кричалъ другой. Въ самомъ дѣлѣ они съ голоду кусали другъ друга. — Трепій дрожащимъ голосомъ жаловался, что онъ весь хладѣетъ, мерзнетъ; что уже не чув-

ствуетъ ни рукъ, ни ногъ! И вдругъ, среди стона, вздоховъ, визга и скрежета зубовъ, раздавался ужасный хохотъ. . . Какой нибудь безумный воображая, что онъ выздоровѣлъ, смѣялся, сзывая товарищей: *бить Русскихъ!*—А въ слѣдъ за симъ слышанъ былъ въ другомъ углѣ самый горестный, сердце раздирающій плачь. Я слышалъ, какъ одинъ молодой Полякъ, увидѣвъ конечно во снѣ родину свою, говорилъ громко, всхлипывая: „я опять здѣсь, о матерь моя! . . . Но, посмотри, посмотри, какъ я весь израненъ! Ахъ! для чего ты родила на свѣтъ нещастнаго?“—

Когда разсвѣло, то мы нашли нѣсколько умершихъ надъ нами и подъ нами, и рѣшились лучше быть на стужѣ въ шалашѣ.—Между сими злополучными жертвами честолюбія, случился одинъ заслужен-

ный Французскій Капитанъ, кавалеръ почетнаго легіона. Онъ лежалъ безъ ноги подъ лавкою. — Не возможно описать, какъ благодарилъ онъ за то, что ему перевязали рану и дали нѣсколько ложекъ супу. Генералъ Милорадовичь, не могшій равнодушно видѣть сихъ безпримѣрныхъ страдальцевъ, велѣлъ все, что можно, сдѣлать въ пользу ихъ. Въ *Красномъ* оправили домъ для лазарета; всѣ полковые лекари явились ихъ перевязывать; больныхъ обдѣлили послѣдними сухарями и водкою; а тѣ, которые были поздоровѣе, выпросили себѣ нѣсколько лошадей, и тотчасъ ихъ съѣли (*)! — Кстатѣ не надобноль

(*) 6000, Сдавшіеся добровольно, препровождены были тотчасъ со всевозможными выгодами въ главную квартиру. Имъ оставили даже повозки съ грузомъ, бывшія при нихъ, и все, кромѣ оружія.

въ вашу Губернію учителей? Намедни одинъ Французъ, у котораго на колѣняхъ лежало конское мясо, взламывая черепъ недавно убитаго своего товарища и съ жадностію глотая горячій еще мозгъ его, говорилъ мнѣ: „возьми меня: я могу быть полезенъ Россіи — могу воспитывать дѣтей!“ — Кто знаетъ, можетъ быть, эти *выкрозки* поправятся и наши разхватаютъ ихъ по рукамъ — въ учители, не давъ имъ даже *и очеловѣчиться*. Развѣ милосердый Государь нашъ запретитъ указомъ отцамъ и матерямъ губить такимъ образомъ дѣтей своихъ. — Для чего же у насъ столько учебныхъ заведеній, когда *брать Французовъ людоѣдовъ въ учители?*..

10 Ноября. Мѣстечко Баево.

Вчера перенесли мы знамена свои за *древніе рубежи* нашего Отечества. Перейдя рѣчку Мерейку, мы вступили уже въ Могилевскую Губернію.—Теперь главная квартира авангарда въ мѣстечкѣ *Баевѣ*, что на одной высотѣ съ м. *Лялами*, на большой дорогѣ находящимся. — И такъ теперь уже ясно и никакому сомнѣнію не подвержено, что одно постоянное продолженіе сей *войны* увѣнчиваетъ ея столь блистательными успѣхами. Естьлибъ заключили миръ при *Тарутинѣ*, то какъ бы не былъ онъ выгоденъ; но Россія не имѣла бы ни лавровъ, ни трофей, ни драгоцѣннѣйшаго для всякаго *увѣренія*, что *Наполеонъ* уже никогда не возвратится раззорять предѣлы ея. Теперь можемъ мы вздохнуть спокойно! . . . Мечь, висѣвшій надъ

главами нашими, изчезъ. Мы видимъ надъ собою ясную лазурь высокаго неба, откол҃ъ Всевышній благословляетъ оружіе Россійское на славномъ поприщѣ его побѣдъ.—

Извѣстно однакожъ, что Наполеонъ, прежде нежели рѣшился оставить Москву, истощалъ всѣ усилія для заключенія мира. Мудрый *Кутузовъ* заводилъ въ сѣти ослѣпленнаго страстями и гордостію сего новаго Навуходоносора. Онъ старался выиграть время, доколѣ подосп҃ѣетъ къ намъ вѣрнѣйшая союзница—зима!—

Но твердость Государя въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, достойна хвалы и удивленія современниковъ и потомства. Исполненный *духомъ предвидѣнія*, *онъ* пребылъ непоколебимъ, какъ *гранитный утесъ* среди мятежныхъ морей! —

„Я прежде соглашусь перенести
„Столицу мою на берега Иртыша
„и ходить въ смуромъ кафтанѣ,
„нежели заключу теперь миръ съ
„разорителемъ Отечества!“—

Такъ отвѣчалъ Монархъ на предложенія о мирѣ. — Слухъ о семъ дошелъ къ намъ въ армію. Таковыя изреченія *Государей подслушиваетъ исторія* и съ благоговѣніемъ передаетъ отдаленнѣйшимъ родамъ въ безконечность временъ.—

Мой другъ! *настоящее* повторяется въ *будущемъ*, такъ какъ *прошедшее* въ *настоящемъ*!—Преидутъ времена; лѣта обратятся въ столѣтія и не станетъ опять для нѣкоего изъ Царствъ земныхъ *періодъ рѣшительный*, подобный тому, который нынѣ покрылъ Россію пепломъ, кровію и славою.—Но когда поколеблются Царства и потрясутся престолы, тогда Государь, надъ

главою котораго зашумятъ бури, взглянетъ съ довѣренностію о *въ бытія протекшихъ временъ*, увидитъ лучезарное имя Александра I. возьметъ съ него примѣръ *твердой неколебимости*, и спасая *ею* народы свои, возвеличитъ и въ позднѣйшихъ вѣкахъ безсмертную славу Монарха нашего.—

Конецъ шестой книжки.

РУСКОЙ ВѢСТНИКЪ

НА 1814 ГОДЪ.

Книжка 7.

I.

ПИСЬМА РУСКАГО ОФИЦЕРА.

14 Ноября. Городъ Борисовъ.

Ушла лисица, только хвостъ въ западнѣ остался! . . .

Никакой человѣческой умъ не можетъ сдѣлать соображеній лучше тѣхъ, какія сдѣланы были Княземъ Кутузовымъ, и принять лучшихъ мѣръ, какія принялъ онъ для поимки Наполеона у рѣки Березины въ городѣ Борисовѣ. Одна непостижимая судьба могла спасти его, можетъ быть для того, чтобъ карать и въ еще человѣчество. — Адмиралъ *Чичаговъ* съ армiею своею съ лѣва, *въ*

низъ, а Графъ Винтгенштейнъ съ права *въ верхъ* по теченію рѣки, сближались одинъ противъ другаго, дабы сомкнуть войска свои, какъ *двѣ стѣны*, въ томъ мѣстѣ, гдѣ могъ переправиться непріятель, за которымъ шла армія Кутузова и котораго неослабно преслѣдовали Графъ Платовъ съ козаками, Генералъ Милорадовичъ съ *авангардомъ*, Генералы *Ермоловъ* и *Бороздинъ* съ летучими отрядами.—

Всѣ эти дни погода была самая бурная и ненастная. Морозы достигали до 20 градусовъ. Мы шли проселочными дорогами. Артиллерія наша прорѣзывала дороги по глубокимъ снѣгамъ; пѣхота и конница пробирались дремучими лѣсами и при всемъ этомъ нѣсколько переходовъ сдѣлано по 40 верстъ въ день — не забудь, что въ зимній день!

Духъ Великаго *Суворова* конечно веселился, взирая съ высоты на столь быстрое шествіе войскъ, предводимыхъ любимцемъ его! . . .

Жаль только, что всѣ наши труды были напрасны! . . . Наполеонъ уже за Березиною!. . . Графъ *Витгенштейнъ* тѣмъ же самымъ громомъ, который бросалъ *на Клястицкихъ поляхъ*, отбилъ у переправлявшагося непріятеля одинъ изъ *задникъ его корпусовъ*, и 12 тысячь, увидѣвъ себя окруженными, положили оружіе.—Мы остановились въ разоренномъ и еще дымящемся отъ пожара *Борисовѣ*.—Нещастные *Наполеонцы* ползаютъ по тлѣющимъ развалинамъ и не чувствуютъ, что тѣло ихъ горитъ! . . . Тѣ, которые поздоровѣе, втѣсняются въ избы, живутъ подъ лавками, подъ печьми и заползаютъ въ *камины*. Они страшно воютъ, когда начнутъ ихъ

выгонять.—Не давно вошли мы въ одну избу и просили старую хозяйку протопить ее. „Не льзя топить, отвѣчала она: тамъ сидятъ Французы!“—Мы закричали имъ по Французски, чтобъ они выходили скорѣй *ѣсть хлѣба*. Это подѣйствовало. Тотъ часъ трое, черные какъ Арапы, выпрыгнули изъ трубы и явились передъ нами. —

Каждый предлагалъ услуги свои. Одинъ просился *въ повара*; другой *въ лекаря*; третій — въ *учители!* — Мы дали имъ по куску хлѣба и они поползли подъ печь. —

Въ самомъ дѣлѣ, есть ли вамъ очень надобны *Французы*, то вмѣсто того, чтобы выписывать ихъ за дорогія деньги, присылайте сюда побольше подводъ и забирайте даромъ. Ихъ можно *ловить* легче раковъ. Покажи кусокъ хлѣба—и цѣлую колонну сманишь! — Сколько

годныхъ въ повара, въ музыканты, въ лекаря, особливо для госпожъ, которыя наизусть перескажутъ имъ всего *Монто*; въ *друзья дома* (amis de la maison) и—въ учители!!!— За недостаткомъ Рускихъ *мужчинъ, сражающихся за Отечество*, они могутъ блистать и на балахъ нашихъ *богатыхъ ломѣщиковъ*, которые знаютъ о раззореніи Россіи только по слуху.—И какъ ручаться, что эти же запечные Французы, доползя до Россіи, прихолясь и приосамясь, не вскружатъ головъ прекраснымъ Россіянкамъ, *воспитанницамъ — Француженокъ!* . . Нѣкогда случилось въ древней *Скиѳіи*, что *рабы* отбили *у господъ своихъ, бывшихъ на войнѣ, женъ* и *невѣстъ ихъ*. Чтобъ не сыграли такой же шутки и *прелестные людоѣды* съ героями Рускими!...

16 Декабря. Вильна.

Въ началѣ Октября былъ я нѣсколько сотъ верстъ за Москвою, *въ Рязанѣ въ Касимовѣ*, на берегахъ Оки. Въ Ноябрѣ дрались мы уже на границахъ *Бѣлоруссіи;* а 16 Декабря пишу къ тебѣ изъ Вильны. Такъ мыкается другъ твой по свѣту! Такими исполинскими шагами шло войско наше къ побѣдамъ и славѣ! . . . . Но сколько неслыханныхъ, невообразимыхъ трудовъ перенесло войско! Сколько вытерпѣлъ другъ твой! — Однакожъ я здоровъ! — Чрезъ шесть дней буду – въ Гроднѣ.— Армія остается еще здѣсь, чтобъ взять хотя малѣйшій роздыхъ. Авангардъ идетъ *въ Гродно*, которая, со всѣми магазейнами своими, сдалась партизану *Денису Давыдову*. Наполеонъ бѣжитъ *къ Неману*.—

На сихъ дняхъ изволилъ прибыть сюда Государь Императоръ. Побѣдоносное воинство и отягченный лаврами Князь *Смоленскій* встрѣтили его. Радость сдѣлалась общею. Все окрестное дворянство стеклось въ городъ—и городъ заблисталъ разноцвѣтными огнями освѣщеній. Различныя прозрачныя картины представляли Россію—торжествующею; Александра милующимъ преступныхъ; *Наполеона — бѣгущимъ*. Извѣстно стало, что картины сіи рисовалъ тотъ самый живописецъ, который за нѣсколько предъ симъ мѣсяцовъ изображалъ тѣ же лица, только въ обратномъ смыслѣ, для освѣщеній въ честь *Наполеону*. Тотъ же Профессоръ, который протрубилъ теперь прегромкую *оду* въ честь Русскимъ, славилъ прежде Французовъ. Таковы люди!—

Трудно достигнуть человѣку до такой степени славы, какою озаренъ теперь Князь Свѣтлѣйшій! Но еще труднѣе быть, какъ онъ, столькожъ славну, какъ и любиму. Онъ позволилъ Офицерамъ тепло одѣваться въ морозы и веселиться, гдѣ можно, — и очаровалъ души! — Недавно докладывали ему: не прикажетъ ли онъ запретить Офицерамъ сбираться въ трактиръ, находившійся противъ самыхъ его оконъ, гдѣ они привыкли играть, шутить и веселиться? „Оставьте ихъ въ покоѣ,“ отвѣчалъ великодушный Князь: „пусть они забавляются; мнѣ пріятно слышать, какъ они весе„лятся! Люди, освободившіе Оте„чество, заслуживаютъ уваженіе. „Я не люблю, чтобъ главная квар„тира моя походила на монастырь. „*Веселость* въ войскѣ доказываетъ „готовность его идти впередъ!“ —

О! онъ знаетъ сердце человѣческое! Онъ знаетъ, что одною *ложкою меда* больше можно сманить *мухъ*, нежели цѣлою *бочкою уксуса*.—

18 Декабря.

Я два раза навѣщалъ одного изъ любезнѣйшихъ *поэтовъ нашихъ*, почтеннаго В. А. *Жуковскаго*.—Онъ здѣсь въ Вильнѣ, былъ боленъ жестокою горячкою; теперь немного обмогается. — *Отечественная война* переродила людей. Благородный порывъ сердца, любящаго отечество, увлекъ его изъ круга мирныхъ занятій, отъ прелестныхъ бесѣдъ съ *музами* въ шумныя поля брани. — Какъ грустно видѣть страданіе того, кто былъ такимъ *прелестнымъ пѣвцомъ во станѣ Русскихъ* и кто дарилъ насъ такими прекрасными *балладами!* — Мой другъ! сія война

ознаменована какою-то священною важностію, всеобщимъ стремленіемъ къ одной цѣли. Поселяне превращали серпъ и косу въ оружіе оборонительное, отцы вырывались изъ объятій семействъ, писатели изъ объятій *независимости* и *музъ*, чтобъ стать грудью за родной предѣлъ. Послѣдніе, подобно трубадурамъ рыцарскихъ временъ или бардамъ Оссіяна, пѣли и подъ шумомъ военныхъ бурь..

Многіе, цѣня дарованія любезнаго поэта, навѣщаютъ его въ болѣзни. Болѣе всѣхъ принимаетъ въ немъ участіе почтенный Генералъ П. С. Кайсаровъ..

21 Декабря. На пути въ Гродно.

Не правда ли, что очень пріятно найти прекрасный кустъ розы въ дикой степи? — Точно также радуетъ насъ хорошій домъ въ сто-

ронѣ разоренной. Мы испытали пріятность такой находки..проѣзжая изъ *Вильны* въ *Гродно* —*Городня* есть прекрасный сельскій домъ сестры покойнаго Короля, Графини Тишкевичевой. Вездѣ и во всемъ видѣнъ изящный вкусъ: въ выборѣ мѣста для дома, въ расположеніи комнатъ и въ уборкѣ ихъ; но болѣе всего понравились намъ картины.—

Захочешь насладиться пріятнымъ утромъ; — взглянешь на стѣну и видишь въ картинѣ всѣ прелести его.—Какъ синь и прозраченъ этотъ воздухъ! какъ легки сіи дымчатыя облака! какъ хороши первые лучи солнца!... Кажется, видишь, какъ сіи лучи яснѣютъ, какъ воздухъ становится свѣтлѣе, туманъ рѣдѣетъ, цвѣтки просыпаются, птички спряхаютъ съ крылышекъ жемчужную росу, и все въ улыбкѣ!—Въ дополненіе, ви-

дишь невинность, въ видѣ *прелестной пастушки* съ свѣжимъ, утреннимъ румянцемъ на щекахъ и съ пестрымъ стадомъ. Тутъ же вечеръ: какъ хорошъ! — Не волшебникъ ли какой-нибудь собралъ сизыя тѣни вечернихъ сумерокъ и бросилъ ихъ на холстъ? — Они такъ живо изображены! — Вотъ подлинникъ лучшаго изъ Польскихъ живописцевъ. Вижу сраженіе, конный бой, или лучше сказать, жаркую схватку, въ которой отличается *одинъ человѣкъ*, на дикой лошади, которая скачетъ чрезъ груды тѣлъ, бѣсится и, кажется, стремится опрокинуть и стоптать, что не встрѣчаетъ. Кто же этотъ человѣкъ, у котораго епанча свалилась съ плечъ; который въ бѣшенствѣ ратномъ разтерзалъ на себѣ одежду и обнажилъ до половины тѣло свое? —

Съ длиннымъ ножемъ въ рукѣ, которымъ бьетъ лошадь и непріятелей, скачетъ онъ, какъ безумный, сквозь пули и картечи, прямо на пушки и штыки. . . Ярость блещетъ въ его глазахъ, пѣна клубится у рта. — Ясно видно, что судьба его зависитъ отъ выиграша сего сраженія. Онъ силится, во что бы то ни стало, одержать побѣду. — *Герой* покоенъ въ бою: побѣда сама находитъ его и вѣнчаетъ лаврами. А этотъ вѣрно не Герой; силится сорвать *вѣнецъ награды*; вѣрно не *полководецъ*, ибо, забывая себя, хочетъ побѣдить одною неистовою храбростію. — Ктожъ это такой?—*Картушъ!* — Кисть живописца прекрасна и смѣла; но краски, кажется, слишкомъ блестящи и вообще видна какая-то *щеголеватость* въ картинѣ. Нѣтъ простоты, свойственной великимъ художникамъ. —

На стѣнахъ другихъ комнатъ видны *Римскія развалины*; прекрасные виды. водопады, которые, кажется, брызжутъ на того, кто на нихъ смотритъ. Въ семъ прелестномъ домѣ вижу я живописную Италію—и мреяюсь въ сладкихъ мечтахъ о ней. — Я вижу страшную *Этну*, въ черной ночи, въ красныхъ заревахъ, съ желтыми опушниками; вижу, какъ блещутъ изломчатыя молніи, какъ кипитъ свирѣпая лава, какъ огненное жерло *стрѣляетъ вверхъ буграми*, какъ трескаютъ на воздухъ громады и сыплется каменный дождь!... Вижу—и пугаюсь: такъ все это живо!...

О, какъ прелестны искусства! Онѣ обворожаютъ смертныхъ: — онѣ очаровали и *насъ* странниковъ!—

26 Декабря. Гродно.

На сихъ дняхъ Графиня *Орлова-Чесменская* прислала *Генералу Милорадовичу меч*ь или саблю, подаренную Великою Екатериною покойному родителю ея Графу Алексѣю Григорьевичу за истребленіе флота при Чесмѣ. Въ то время, когда непріятель опустошалъ окрестности Москвы, Генералъ Милорадовичь узнавъ что вблизи находится имѣніе Графини Орловой, заслонилъ его своими войсками и отразивъ врага, не допустилъ расхитить селъ ея и попрать гробъ знаменитаго Орлова. Онъ сдѣлалъ сіе слѣдуя первому порыву чувства уваженія къ заслугамъ Чесменскаго, убѣжденъ будучи, что *могила храбраго отечеству священна!* Но дочь, благоговѣющая къ праху родителя своего, приняла въ полной цѣнѣ подвигъ сей и, при лестномъ письмѣ, при-

слала драгоцѣнный мечь Герою, которому за нѣсколько предъ симъ лѣтъ благодарный народъ Валахской поднесъ *мечь за спасеніе Бухареста.*— Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Фуксъ*, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, описалъ случай сей въ нѣсколькихъ строкахъ, которыя тебѣ и посылаю. А къ сему присообщаю также стихи, невольно излившіеся изъ *военнаго пера* при созерцаніи столь блистательнаго памятника временъ Екатерины и славы вождей ея.—

„Двора Ихъ Императорскихъ Величествъ Фрейлина Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская прислала къ Генералу отъ Инфантеріи Михайлу Андрѣевичу Милорадовичу саблю, Всемилостивѣйше пожалованную въ Бозѣ почивающею Императрицею Екатериною Алек-

сьевною, покойному родителю ея, Графу Алексѣю Григорьевичу, за истребленіе при Чесмѣ Турецкаго флота, при письмѣ, лестныхъ для него выраженій исполненномъ, за спасеніе имъ въ нынѣшнюю войну деревень ея, а особливо той, гдѣ погребенъ родитель ея.—Мечь сей дарованъ Великою Екатериною Герою Чесменскому, за истребленіе Оттоманскаго страшнаго морскаго ополченія на водахъ Азіи, въ виду береговъ древнія Эллады и Іоніи. Тамъ въ первый разъ возвѣялъ флагъ Россійскій; — громъ съ Сѣвера ударилъ, — флотъ изчезъ и луна померкла. Сей мечь, украшенный драгоцѣннѣйшими каменьями щедротами безсмертныя Монархини, есть безцѣнное знаменіе величія тогдашней славы Россіи и неистлѣваемый памятникъ въ родѣ родовъ Орловыхъ. Но дочь, благоговѣющая

къ памяти родителя своего, къ священному для нее праху его. подноситъ блистательный залогъ сей знаменитому воину, недопустившему нечестиваго врага коснуться сей гробницы.—Милорадовичъ пріемлетъ оный съ глубочайшею, живѣйшею признательностію; но обѣщаетъ ей извлечь оный тогмо за предѣлами Отечества на пораженіе возмутителей спокойствія народовъ, буде Провидѣнію паки угодно будетъ избрать его орудіемъ, и не прежде возложитъ на себя, доколѣ не содѣлается достойнымъ подарка, полученнаго изъ рукъ Россіянки, пламенѣющей любовію къ Отечеству и къ Отцу.

СТИХИ

Къ мечу, присланному отъ Ея Сіятельства Графини Орловой-Чесменской, Его Высокопревосходительству Генералу отъ Инфантеріи Милорадовичу.

Драгой подарокъ *Греми-славы*,
Какимъ ты блескомъ озаренъ! . . .
Залогъ священный древней славы!
Ты былъ Вождю тому врученъ,
Что гибель Оттомановъ строя,
Парилъ по безднамъ какъ орелъ.
Ты нѣкогда блисталъ въ рукѣ Вождя — Героя,
Что громомъ эполченъ, разсыпавъ тучи стрѣлъ,
По гласу Росскія Паллады,
Опламенилъ струи Эллады;
Облекъ пожарами моря и горизонтъ,
Потрясъ Стамбулъ, сжегъ флотъ, и далъ пушь Россамъ въ Понтъ:

Ты славенъ былъ въ тотъ вѣкъ; —
но смерть изрывъ могилу,
Не умолима смерть Героя блескъ и
силу
Подъ камнемъ гробовымъ запечатлѣла
въ ней.
Блестящи подвиги прошли какъ рядъ
тѣней.
И ты, безцѣнный даръ Великія Ца-
рицы!
Упавъ изъ мощныя десницы,
Уснулъ въ забвеньи долгимъ сномъ.
Ты спалъ—и годы протекали;
Гремѣлъ кровавыхъ браней громъ,
Всносились царства, упадали,—
Разилъ народы рока гнѣвъ:—
Ты спалъ—и блескъ твоихъ рубиновъ
и топазовъ,
Бразильскихъ яхантовъ, алмазовъ,
Красой своей дивилъ однихъ лишь
юныхъ дѣвъ,
И лавры, что тебя издревле повивали,
Въ тѣни безвѣстія блѣднѣли, увя-
дали. . . .

Ты спалъ!—„Когда твой сонъ минетъ?
„Когда тебя пробудитъ слава,
„И въ чьей рукѣ увидишь свѣтъ?“
Царица Росскихъ дѣвъ, такъ мыслитъ *Громи-слава:*
„Найдется ли Герой, чтобъ могъ владѣть тобой,
„Любимой славою, предызбранный судьбой,
„Чтобъ онъ въ войнѣ рѣшалъ всегда судьбу сраженій,
„Чтобъ въ мирѣ былъ для всѣхъ виною утѣшеній,
„Чтобъ въ буряхъ битвъ бросая громъ,
„Въ покоѣ—славился умомъ;
„И чтобы сей герой, кому самъ Марсъ послушенъ,
„Былъ нѣженъ, кротокъ, добръ, — былъ твердъ великодушенъ.
„Найдется-ль?—Но межъ нѣмъ Европы общій врагъ,
Упоенъ дерзостью, исполненный отвагъ,

Ведетъ на Руской край полки неизчислимы;
Пожары, скорбь и смерть по всюду Россамъ зримы!
Вездѣ плодитъ печаль крылатая молва...
Смутился Петрополь, восплакала Москва. . . .
Тутъ, твердою стѣной, Россійски стали вои
И начались кровавы бои. —
Въ отечествѣ война героевъ родила.
Тутъ вновь въ пожарахъ битвъ зрятъ быстраго Орла
Который, въ славные для Россовъ прежни годы,
Надъ Альпами гремѣлъ средь ужасовъ природы.
Изъ мрачной тишины явился сей Герой,
Блеснулъ, и въ слѣдъ побѣдъ повелъ Россійскій строй;
Всѣ нужды презиралъ. . . . Давноль въ забавахъ жилъ
И въ лонѣ роскоши на розахъ прохлаждался?

Пришелъ на поле битвъ и тверже
всѣхъ казался:
Грызъ черны сухари и горстью воду
пилъ.
Былъ веселъ, какъ въ пиру, при свирѣпомъ бранномъ громѣ;
Дѣлилъ съ солдатомъ трудъ, спалъ
крѣпко на соломѣ:
И сколько ни ходилъ съ врагомъ въ
кровавый бой,
Побѣду спутницей всегда водилъ съ
собой.
Уже хвалы о немъ вѣщаетъ Россамъ
слава,
И звукъ побѣдъ его внимаетъ *Гремиславa*,
Уединенная въ кругу прекрасныхъ
дѣвъ
Враждебныхъ люпыхъ ордъ ужасный
слыша ревъ,
И въ заревахъ надъ ней шумящи бранны грозы,

Священный Русской край въ напасшяхъ страшныхъ зря,
Не о себѣ, о немъ лья слезы,
Всѣмъ жертвовать стремясь для вѣры и Царя,
Въ глубокой скорби восклицаетъ:
„Ужель и здѣсь враговъ намъ злоба угрожаетъ?
„И здѣсь, о родина моя!
„Гдѣ жизни на зарѣ цвѣла въ блаженствѣ я!—
„Наслѣдіе отцовъ! мѣста безцѣнны, милы!
„Сразитесь ли и вы гремящею войной?
„Увы! пріидетъ врагъ, и наглою стопой
„Попретъ священный холмъ отеческой могилы! . .
„Нѣтъ! нѣтъ! ужасна мысль! не оскорбляй мой духъ,
„Покойся мой отецъ! покойся нѣжный другъ!
„Не будетъ возмущенъ, Герой! твой прахъ во гробѣ.

„Я пробужу твой мечь на ужасъ
дерской злобѣ.“ —
Такъ славнаго отца дщерь нѣжная
речетъ,
И мечь драгой пріявъ въ роду ея по-
чтенный,
Мечь древней славой озаренный,
Герою Росскому враговъ разящу
шлетъ.
Препоясуй Его Екатерининъ мечь!
Блистай, какъ молнія, въ пылу гремя-
щей брани!
Потомства можешь ты вниманіе при-
влечь.
Потомство лучшія блюдетъ Героямъ
дани;
Умретъ Герой; но въ гробъ не можетъ
слава лечь.
Преидутъ времена, сольются въ вѣки
годы;
Изчезнетъ все, что блескъ достоин-
ства мрачитъ:

И зависть, что змѣей вкругъ лавровъ
вьясь, шипитъ,
И ложь слѣпящая народы;—
Изчезнутъ ковы злыхъ, ползущихъ
тварей при...
Но слава громкихъ дѣлъ, какъ алый
лучь зари,
Что въ воды зеркальны глядится,
Въ сердцахъ потомковъ отразится.—
Въ позднѣйшихъ мракъ временъ, стре-
млю я съ мыслью взоръ;
Тамъ странникъ, вижу я, въ дни мир-
ные, счастливы,
Въ лугахъ, близъ златоцвѣтной нивы,
Костьми обильной зря бугоръ,
У древнихъ старцевъ вопрошаетъ:
„Чей прахъ въ могилахъ истлѣваетъ?—
„Здѣсь *Милорадовичь* на *Красненскихъ*
поляхъ,
„Надменныхъ тысячи сразилъ и свер-
гнулъ въ прахъ;
„Здѣсь славился Герой, здѣсь Вождь
гремѣлъ войною,

„И сладкой подариль потомство пи-
шиною.“

Такъ нѣкій *Бардъ* ему речетъ;
И сидя на холмѣ, подъ розовой зарёю,
Задумчивъ, восхищенъ вечернею порою
Коснется струнъ—и пѣснь Герою вос-
поетъ. —
Когда же возвращусь на родину я
самъ
Въ объятья прежнія свободы,
Увижу милые лѣса, долины, воды,
И отческимъ коснусь гробамъ;
Коль хижину свою разрушенну по-
строю, (1)
И *лиру* отыщу подъ пепломъ я мою,
Тогда, о славный мечь! я твоему Ге-
рою
Еще пѣснь лучшую спою!—

(*) Сочинитель сихъ писемъ отъ нашествія враговъ лишился почти всего своего имущества.

28 Декабря.

„Выступилъ, ушелъ, вырвался — убѣжалъ!“ изъ отечества нашего сей новый *Катилина*. — *Наполеонъ* за Неманомъ! уже *нѣтъ ни одного врага на землѣ Русской!*—Александръ Первый готовъ положить мечь свой; *но Европа* упадаетъ предъ нимъ на колѣна и съ воздѣтыми къ небу руками, молитъ его быть *ея спасителемъ*; и, подобно древнему Александру, разсѣчь мечемъ *новый Гордіянскій узелъ* тяжелыхъ вериг ея плѣна.—Нѣкогда Монархъ сказалъ Кутузову: „иди спасать Россію!“—Теперь, кажется, слышанъ въ небесахъ гласъ самаго *Бога*, вѣщающій Александру Первому: *гряди освобождать Европу и спасать народы и Царей ея!* — И такъ, за тѣмъ приходилъ *Наполеонъ* въ Россію?—Вотъ вопросъ, для разрѣшенія котораго будутъ писать цѣлыя

книги. — *Удача въ мірѣ семъ священнѣе всѣхъ празъ!* думалъ вождь Галловъ: такъ думалъ и вождь Татаръ!—*Батый* и *Наполеонъ* по *кровавому морю* хотѣли приплыть къ храму славы. Но кровь пролита; а храмъ славы запертъ для нихъ. *Ихъ мавзолей—проклятіе народовъ!* —

Самъ Цицеронъ, естьлибъ онъ воскресъ теперь, не могъ бы, кажется, лучше изобразить насильственнаго вторженія враговъ въ землю *Русскую*, твердости Государя, народа ея и ужаснаго гнѣва раздраженнаго Бога, постигшаго сіи иноплеменныя орды среди торжества и злодѣяній ихъ, какъ все сіе изображено въ Манифестѣ, обнародованномъ *въ Вильнѣ*. Онъ начинается сими словами: „Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, и проч. и проч. и проч.“

P. S. Новый порядокъ установляется въ дежурствѣ нашемъ. Всякой будетъ имѣть свою опредѣленную часть и ходъ дѣлъ станетъ успѣшнѣе.—

Полковникъ Потемкинъ произведенъ на сихъ дняхъ въ Генералы и назначенъ Шефомъ Лейбъ-Гвардейскаго Семеновскаго полка; а начальникомъ Штаба по авангарду опредѣленъ по Высочайшей волѣ, Флигель-Адъютантъ Его Величества Полковникъ Скрятинъ, который еще въ Каппанскомъ чинѣ отличилъ себя во всѣхъ четырехъ сраженіяхъ при *Красномъ*.—(1)

(1) Въ это время, какъ письма сіи печатаются, онъ уже служитъ *Генераломъ* и новыми подвигами доказываетъ, что онъ до сего почтеннаго званія *достоинъ*, а *не достигъ*.—

1 Января. Гогодъ Гродно.

Наконецъ минулъ сей 1812 годъ. Нашимъ шумомъ, блескомъ и славою ознаменовалось шествіе его въ міръ! Ежели говорить языкомъ стихотворцевъ, придавая всему лице и существенность, то я воображаю, что сей годъ, обремененный славою и преступленіями, важно вступаетъ во врата вѣчности, и гордо вопрошаетъ неизчисленные сонмы протекшихъ годовъ: кто болѣе его обагренъ кровію и покрытъ лаврами; кто былъ свидѣтелемъ большихъ превратностей въ судьбахъ народовъ, Царствъ и вселенной?— возстаютъ вѣки древняго Рима, пробуждаются времена великихъ браней, славныхъ Полководцевъ, вѣки всеобщаго переселенія народовъ. . . . Напрасно! Древняя исторія, кажется, не найдетъ въ себѣ года, который бы во всѣхъ многоразличныхъ

отношеніяхъ могъ сравняться съ протекшимъ.—Начало его наполнено было мрачными предвѣстіями, томительнымъ ожиданіемъ. Тучи политическія сгущались на западѣ. Въ слѣдъ за пламенной кометой многія дивныя знаменія на небѣ являлись. Люди ожидали будущаго, какъ страшнаго суда. Глубокая, однакожъ, тишина и тайна господствовали на землѣ. Но сія обманчивая тишина была предвѣстницею страшной бури. Взволновались народы какъ волны Океана и всѣ силы, все оружіе Европы обратилось на Россію. Богъ предалъ ее на раны, но защитилъ отъ погибели. Россія отступила до Оки и съ упругостію, свойственною силѣ и огромности, раздвинулась опять до *Нѣмана*. Области ея сдѣлались пространнымъ гробомъ неисчислимымъ врагамъ. Руской

спаситель земли своей, пожалъ лавры на снѣгахъ ея и развернулъ знамена свои на чуждыхъ предѣлахъ. Изумленная Европа, слезами и трауромъ покрытая, взирая на небо, невольно восклицаетъ: „великъ Богъ земли Русскія, великъ Государь и народъ ея!“ — Великъ Кутузовъ, Полководецъ мудрый!“ — говоритъ исторія и вмѣстѣ съ именемъ его пишетъ на златыхъ скрыжаляхъ своихъ 1812 годъ. —

2 Января. Гродно.

Вчера въ вечеру было здѣсь такъ называемое *Касино*, собраніе по билетамъ. Домъ собранія былъ освѣщенъ. Прекрасныя *патріотки, или* любительницы отечества, сначала очень не ласково смотрѣли на пригожихъ побѣдителей своихъ — Русскихъ Офицеровъ. Онѣ хотѣли

казаться страстными любительницами свободы, огорченными, томными вздыхательницами о потери ея; хотѣли плакать.... но заиграли мазурку—и всѣ пустились кружиться. Кажется, Польскимъ женщинамъ менѣе всего должно бояться покоренія: ихъ ловкость, умъ и прекрасные глаза издавна доставляли имъ побѣды надъ сердцами мужчинъ. — Жаль однако, очень жаль, что и Польки слѣпо поработились *Парижскимъ дурачествамъ*.

Января 4. Мѣстечко Гонендзъ.

Гонендзъ, пограничное мѣстечко въ области Бѣлостокской надъ рѣкою Боброю, имѣетъ около 200 домовъ. Оно окружено обширными болотами и необозримыми понизовыми мѣстами. Теперь, зимою, здѣсь видъ прекрасный; а лѣтомъ

все должно плавать въ водѣ, кромѣ мѣстечка, стоящаго на огромномъ каменисто-песчаномъ возвышеніи. Большую часть жителей составляютъ Евреи. Здѣсь-то назначено *сборное мѣсто* всему авангарду Генерала Милорадовича. Онъ состоитъ изъ 6го и 7го пѣхотныхъ двухъ кавалерійскихъ корпусовъ и летучаго Графа Паллена отряда. Отрядъ Генералъ-Маіора Васильчикова также въ нему принадлежитъ. —

6 Января. Гонендзъ.

Завтрашній день переходимъ мы границу; завтра вступимъ на землю, никогда еще Россіи непринадлежавшую. Вся армія вступаетъ въ Герцогство Варшавское тремя большими колоннами. Симъ колоннамъ дано столь искусное, вѣрное и для насъ

выгодное направленіе, что движеніемъ ихъ по разнымъ путямъ въ одно время займется вдругъ все пространство отъ Данцига до Варшавы. Самая столица сія, въ случаѣ сопротивленія ея, будетъ обойдена и мгновенно стѣснена со всѣхъ сторонъ. Кто же есть тайною причиною сего стройнаго, сего искуснаго движенія войскъ?—Тотъ же, кто былъ причиною столь быстраго и для насъ щастливаго оборота въ великихъ произшествіяхъ протекшаго года;—старецъ Кутузовъ.—Самъ Государь не разлученъ съ нимъ, съ войсками и съ славою. —

Гонендзъ, 7 Января по утру.

При выступленіи за границу Генералъ Милорадовичь отдалъ приказъ, чтобы во всѣхъ полкахъ слу-

жили молебны въ возблагодареніе Богу, управляющему судьбою браней, за щастливое окончаніе отечественной войны, моля, да освятитъ и прославитъ Онъ и впредь оружіе Россійское, подъемлемое на освобожденіе царствъ и народовъ!

7 Января, м. Радзилово.

Мы уже за границей. Порядочныя дороги чрезъ болота, каменные заборы въ поляхъ, изрядные крестьянскіе домы, имѣющіе прекрасные садики и прочія заведенія, уподобляютъ сторону сію Нѣмецкимъ краямъ. Здѣшнія мѣста вообще наполнены болотами и лѣсами. Почва земли камениста. — Отъ Гопендзъ до Радзилова 25 верстъ. Это также очень небольшое мѣстечко, стоящее на высотѣ, среди болотъ.

Взгляни на хорошую топографическую карту, и увидишь, что большая часть Герцогства занята болотами. Лѣтомъ, по неудобопроходимости мѣстъ, сторона сія весьма способна къ оборонительной войнѣ. Надобно быть Русскимъ и воевать въ самую люшую зиму, чтобъ проходить вездѣ.—Вся здѣшняя сторона населена мазурами. Люди сіи подобны лѣсистой природѣ своей. Мужчины великорослы, сильны, насмурны и блѣднолики; женщины же вообще очень стройны и пригожи. Любимый цвѣтъ мазуровъ синій. Они синѣются съ ногъ до головы. — Не думаешь ли, что мы идемъ по непріятельской землѣ, какъ грозные завоеватели, что ужасъ предшествуетъ намъ, а опустошеніе насъ сопровождаетъ — Нѣтъ! насъ, по всей справедливости, можно назвать *рыцарями*.

Ихъ мужество и добродѣтели стали теперь нашими. Мы угрожаемъ сильнымъ и защищаемъ слабыхъ. Вѣра, законы и собственность народа для насъ священны. Государю угодно было распространить благость свою даже на непріятелей. Изданы приказы и объявленія, въ которыхъ Главнокомандующій ручается за безопасность народа и приглашаетъ свѣтскія и духовныя начальства не оставлять ни домовъ, ни обязанностей своихъ, обѣщая всѣмъ и каждому помощь и защиту. Солдаты наши въ полной мѣрѣ исполняютъ волю Государя. Сіи львы въ бояхъ кротки, какъ агницы въ хижинахъ безоружныхъ поселянъ. —

P. S. Сей часъ получено извѣстіе объ успѣхахъ оружія Россійскаго на Вислѣ и далѣе. Кенигсбергъ и Маріенвердеръ взяты Гра-

фомъ Платовымъ и Генераломъ Шепелевымъ.

3 го. Деревня малый Плотскъ. Зимняя стужа и здѣсь весьма ощутительна. Надобно быть *дѣтямъ Сѣвера*, чтобъ переносить суровость сего времени года съ нашимъ терпѣніемъ, какъ наши войска. Завтрашній день авангардъ имѣетъ здѣсь роздыхъ.

9. Оттуда же.

Признайся, любезный другъ! что до сихъ поръ ты не имѣешь еще яснаго понятія о нашемъ движеніи. Куда мы идемъ? какъ? съ какимъ намѣреніемъ?—Судя по кротkому обхожденію нашему съ жителями, кажется, что мы въ самое мирное время идемъ только для перемѣны квартиръ. Но, судя по тому, что мы вошли въ непріятельскія

ятельскую землю, должно думать, что мы пришли воевать. Мы беремъ всѣ должныя предосторожности. Имѣемъ свой авангардъ, составленный большею частію изъ кавалеріи, подъ командою Барона Корфа; имѣемъ арріергардъ и легучій отрядъ подъ начальствомъ храбраго Графа *Палена*, надежно прикрывающій наше боковое движеніе. Я скажу тебѣ еще болѣе. Мы имѣемъ передъ собою и непріятеля. Не рѣдко сталкиваемся съ нимъ, вступаемъ въ переговоры; споримъ, шумимъ, ссоримся—но не деремся! Часто уже и ружья заряжены и пушки наведены — а сраженія нѣтъ —Такъ воюемъ мы съ Австрійцами: и это-то называется *безкровная* или *политическая война*. Но такъ могутъ воевать только два народа, сопряженные быть вѣчными друзьями и одною необходимо-

стію вовлеченные въ бурю всеобщаго раздора. Однакожъ сей родъ войны требуетъ великой осторожности, осмотрительности, терпѣнія и большой способности къ переговорамъ и перепискѣ. Надобно прежде предлагать, потомъ убѣждать, а наконецъ уже грозить; но чтобъ это было все кстати, у мѣста. — Получа извѣстіе, что Австрійцы заступаютъ намъ дорогу, тотчасъ посылаютъ объявить имъ, что авангардъ Россійскій идетъ въ большихъ силахъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ очень не великъ; что вся армія готова подкрѣпить его; что сопротивленіе ихъ будетъ совершенно безполезно и кровь пролита напрасно и проч. — слова подкрѣпляются дѣйствіемъ. Обходятъ флангъ Австрійцевъ, и они, имѣя чрезъ то достаточную *тактическую причину*

къ отступленію, совершаютъ оное, не смотря на упорство надзирателей своихъ—Французовъ.

P: S. Отъ Радзилова до деревни Плошска мѣста довольно открытыя и холмистыя Остроленко остается у насъ влѣвѣ за Наревою. Около сего городка дремучіе лѣса, извѣстные подъ названіемъ *Остроленской пущи*. Извѣщательные посты наши по сю сторону рѣки: непріятельскіе по ту.

Тѣ, которые видѣли Генерала Милорадовича въ огнѣ сраженій пылкимъ, неустрашимымъ, ужаснымъ изтребителемъ непріятельскихъ полковъ, дивились его хладнокровію, искусству, прозорливости и великому благоразумію въ сей новой для него и для Россіи войнѣ. — Это подтверждаетъ истину *Аббата Сабатье*, что ве-

линій умъ можетъ быть способенъ ко всему.—

13. Деревня Худекъ.

10, 11, 12 и 13 Прошли мы чрезъ деревни: Хлудни, Станиславово, Дрозжево и Худекъ. Вся сія дорога вообще гориста и покрыта лѣсомъ. Здѣсь Генералъ Корфъ имѣлъ переговоры съ Австрійскимъ Генераломъ Фрелихомъ. Генералъ Милорадовичъ посылалъ также къ нимъ съ особыми *тайными порученіями* начальника авангарднаго Штаба Полковника Сипягина. Въ слѣдствіе сихъ переговоровъ Австрійцы уступили намъ всю дорогу, до самаго мѣстечка *Прастницъ*, и даже большой магазинъ, въ семъ мѣстечкѣ находившійся, сдавъ оный во всей цѣлости занимавшемуся на то время заготовленіемъ впереди продо-

вольствія для авангарда Московскаго Ополченія Маіору Павлову.

14 Января. м. Праснищъ.

Авангардъ вступилъ въ Праснищъ Это мѣстечко только въ 80 верстахъ отъ Варшавы! Всѣ здѣшніе Евреи, съ распущенными хоругвями, хлѣбомъ и солію встрѣтили Генерала Милорадовича. Ихъ радость неописанна. Бѣдные! плѣненіе Французское не легче было для нихъ, какъ для предковъ ихъ Вавилонское!... Теперь, по причинѣ ихъ *повсемѣстности* въ Европѣ, они оказываютъ намъ большія услуги, доставляя отсюду весьма важныя и вѣрныя извѣстія.

Праснищъ довольно изрядное мѣстечко на одной изъ большихъ дорогъ изъ *Пруссіи* въ *Варшаву*. —

Но что сказать вообще о Герцогствѣ Варшавскомъ?—Въ короткое время пребыванія его подъ властію Прусскаго правительства получило оно самое выгодное для себя образованіе. По всюду встрѣчаете вы плоды благотворительности сего умнаго и попечительнаго правительства. Вездѣ видите по плану выстроенныя деревни. У крестьянъ прекрасныя свѣтлицы съ большими каминами, которые ихъ освѣщаютъ и грѣютъ.—Отъ чегожъ онѣ здѣсь лучше, нежели во всей Польшѣ? Кто строилъ ихъ?—Король! — Хотите знать средства его? — Вотъ одно изъ главнѣйшихъ: каждый поселянинъ платилъ въ казну отъ 3 до 5 злотыхъ съ избы, что составляетъ *страховую пожарную сумму*. Въ частности это почти ничего; но въ сложности—много. Изъ сей-то суммы каждый погорѣвшій крестьянинъ

янинъ получаетъ по 500 злотыхъ и строитъ себѣ прекрасный домъ. Такимъ образомъ многія уже деревни и города въ лучшемъ и прекраснѣйшемъ видѣ возродились изъ пепла послѣ пожаровъ.

Герцогство Варшавское раздѣлено на префектуры и департаменты.—Въ каждомъ городѣ, естьли онъ не главный въ префектурѣ, находится подпрефектъ, что у насъ значитъ исправникъ. — Герцогство имѣетъ свои деньги.—

Прасницъ. 15.

Сего дня Генералъ Милорадовичъ осматривалъ проходившія войска 4 и 7 корпуса. Веселый видъ солдатъ, ихъ бодрость и свѣжесть лицъ не показывали, чтобъ они перенесли столь много неслыханныхъ трудовъ, пройдя великое, необъятное пространство отъ Оки до

Вислы въ безпрерывныхъ сраженіяхъ и побѣдахъ среди лютѣйшей зимы. Седьмый корпусъ обратилъ на себя особенное вниманіе. Генералъ *Пасквичъ*, при громкомъ барабанномъ боѣ и вѣющихъ знаменахъ, провелъ его быстрымъ и смѣлымъ шагомъ. Въ остаткѣ сего корпуса видѣнъ былъ тотъ же жаръ и духъ, съ какимъ изтреблялъ онъ колонны *Нея* подъ Краснымъ. — Артиллерія наша тянулась чрезъ мѣстечко безконечнымъ гужомъ. —

Сего дня получено извѣстіе, что *Данцигъ*, въ которомъ заперся Генералъ *Раллъ*, обложенъ нашими войсками. Кенигсбергъ, Маріенбургъ и Маріенвердеръ взяты; 15 тысячъ Прусаковъ отклонились отъ Французовъ къ намъ. Кажется, что Пруссія вся съ нами.—Ренье съ 20ю тысячами, составленными изъ Французовъ, Поляковъ и Саксонцевъ, бро-

дитъ около Варшавы; можетъ быть вздумаетъ защищать ее. — Но колонны нашей главной арміи, не занимаясь симъ, обходятъ Варшаву и спѣшатъ занять все Герцогство.

16. Прасницъ.

Въ авангардѣ нашемъ послѣдуетъ нѣкоторая перемѣна. За два перехода отсюда отдѣлится отъ него часть издавна въ немъ находившихся войскъ; а присоединятся идущіе изъ *Венгрова* корпуса Генералъ-Лейтенанта *Сакена* и Князя *Волконскаго*. Все сіе вмѣстѣ составитъ до 30.000 войскъ, которыя Генералъ Милорадовичъ, переправя въ разныхъ мѣстахъ черезъ Вислу, введетъ въ *Варшаву*, со стороны противу-лежащей *Праги*. — Модлинъ, сія вновь сооруженная Наполеономъ на выгоднѣйшемъ мѣ-

ствѣ, при сліяніи Наревы съ Вислою, крѣпость будетъ обложена. Часть Польскаго народнаго ополченія, называемаго *коссіонерами*, находившаяся въ Плоцкѣ, поспѣшно ушла за Вислу, *Калишской префектуры* въ городъ *Піотрковъ*.—

17. Прасницъ.

„Теперь или никогда, въ глазахъ цѣлаго свѣта, должны вы „показать привязанность вашу къ „родной странѣ, любовь къ свободѣ и то, что вы достойны имени Поляковъ, имени, которое предки ваши съ такою честію и славою носить умѣли“ — такъ восклицаетъ къ народу *Игнацій Гежевскій*, Генералъ и Маршалокъ народнаго ополченія въ *департаментѣ* Плоцкомъ. Надобно знать, что въ это время Поляки, у которыхъ и

зимнія бури не могли еще остудить головъ, задумали сдѣлать во всемъ Герцогствѣ древнее *Посполитое рушенье*, то есть поголовное народное вооруженіе. Онъ продолжаетъ: „Слышите ли, благородные „Поляки! звукъ трубы, зовущій насъ „подъ отечественныя знамена для „защиты родной земли!...Друзья и „братья! настала минута, въ кото„рую должно на все отважиться; „минута кровавыхъ боевъ.....Стыдъ „и горе тому, который предпо„чтетъ спокойствіе и цѣпи раб„ской жизни трудамъ и смерти „за спасеніе растерзаннаго отече„ства. Я въ третій уже разъ, „пріемлю начальство надъ ополче„ніемъ народнымъ и всегда въ та„кое время, когда бури потряса„ютъ отечество. Послѣдуйте за „мною! и проч. проч.“—Но поздно!.... Это все равно, когда бы

кто нибудь сзывалъ народъ спасать домъ свой, въ которомъ цѣла одна только та половница, на которой онъ стоитъ; а все прочее поглощено пламенемъ.—Теперь уже не время играть рыцарскія драммы. Полякамъ не на кого пѣнять въ утратѣ Государства своего, кромѣ самихъ себя. Тѣмъ ли думать о свободѣ, которые раздвинувъ прежде на столь обширное пространство предѣлы земли своей, лежащей по нечастію въ самой срединѣ Европы, и огорчивъ чрезъ то большую часть державъ, вдругъ предались праздному бездѣйствію извнѣ и раздорамъ внутри. Роскошъ, пороки и *нововведенія* нахлынули къ нимъ со всѣхъ сторонъ: Древніе нравы изтлѣли. Твердость духа разсѣялась вихрями новаго образа жизни. Народъ оцѣпенѣлъ. Вельможи уснули. Но госу-

дарство, засыпающее на цвѣтахъ, пробуждается обыкновенно бурями. — Нѣтъ! не это земля свободы!—Свобода хранится и цвѣтетъ въ области уединенной, немногонародной, за хребтами высокихъ горъ, среди дремучихъ лѣсовъ. — Мы любимъ слушать *Галгака* или *Арминія*. Первый на дикомъ островѣ подъ бурями Сѣверныхъ морей не колеблется даже и въ то время, когда *варвары гонятъ его къ морю, а море отвергаетъ къ варварамъ; когда приходится ему умереть или отъ воды, или отъ желѣза.* Другой въ древнихъ лѣсахъ Германіи дикъ, грозенъ, но твердъ и величественъ, стоитъ по колѣни въ болотѣ, подъ мрачнымъ склономъ вѣковыхъ деревъ, и скликаетъ полудикія племена на разторженіе неволи. Въ горахъ Краковскихъ, въ болотистыхъ лѣсахъ Гер-

цогства Варшавскаго могли бы еще Поляки сберечь свободу свою; но это не теперь, а въ давно прошедшемъ времени.

18. —

Случалось ли тебѣ видѣть, какъ знатные господа, промотавшіе все свое имѣніе, по старой привычкѣ роскошничать, заказываютъ еще обѣды, пиры и праздники, не имѣя уже копѣйки въ карманѣ? Такъ точно дѣлаетъ Наполеонъ. Разтерявъ всю свою армію, насылаетъ изъ Парижа съ нарочными курьерами повелѣнія, куда идти корпусамъ, гдѣ зимовать большой арміи и проч. Онъ велитъ вооружать тѣ области, которыя давно уже нами заняты, защищать тѣ города, которые въ нашихъ рукахъ. Всѣ большія дороги наполнены на-

шими войсками; вездѣ хватаютъ Парижскихъ гонцовъ и громко смѣются надъ гордыми повелѣніями великаго *вождя невидимыхъ силъ*.'— Извѣстно, что Наполеонъ доѣхавъ въ Парижъ, подъ почетнымъ именемъ Коленкура, объявилъ Сенату большую часть своей потери, увѣряя при томъ, что вся Руская армія побита имъ на голову; а ему повредилъ одинъ только суровый климатъ. — Пусть онъ говоритъ, а мы будемъ дѣлать. Исторія и потомство разсудятъ.—

Пусть онъ обманываетъ теперь Французовъ, но на долголь?—

Скоро, скоро нѣжныя матери, отцы и друзья, не получая такъ долго вѣстей о милыхъ сердцу своему, домыслятся и возсѣнаютъ о погибели ихъ. — Напрасно юныя жены, подъ прелестнымъ небомъ

Южной Франціи, томятся желаніемъ увидѣть супруговъ своихъ и часто въ пріятныхъ мечтаніяхъ утреннихъ сновъ простираютъ къ нимъ объятія. Напрасно отцы наряжаютъ великолѣпные домы для пріѣзда сыновъ своихъ — уже не придутъ они. Мертвые не воскресаютъ. Они пали на кровавыхъ поляхъ отъ Оки до Вислы, и груды костей ихъ тлѣютъ въ чуждой землѣ. Франція! наполненная шумомъ забавъ и пѣснями радости, готовся къ ударамъ смертной горести!— Недостанетъ *траура* и *слезъ* для столь многихъ потерь. А ты, о Россія, о мое Отечество! торжествуй великое празднество твоего освобожденія, покоясь на лаврахъ и трофеяхъ спасителей своихъ! Долго не изгладится изъ памяти народовъ ужасная погибель дерзающихъ на тебя!.....—

19.

Нѣтъ! Поляки не *Арминіи*. Когда вышла подписка на конфедерацію, то всѣ сломя голову бѣжали посвящать себя въ орденъ конфедератовъ. Старики, женщины и даже малые дѣти носили *трехъ-цвѣтный бантъ*. Появились два козака, и всѣ герои разсыпались!..... — Здѣсь одинъ, бывшій въ народномъ войскѣ Поручикомъ, скинувъ скорѣй мундиръ и спрятавъ оружіе, сталъ по прежнему—маркеромъ въ трактирѣ. О превратность!!! —

П. S. Здѣсь, какъ видишь, простояли мы довольно долго — такъ было угодно обстоятельствамъ и Австрійцамъ. Теперь сей часъ идемъ въ *Цихочинъ*.—

21. Мьстечко Плонскъ.

Очень порядочное мѣстечко. Здѣсь можно найти въ лавкахъ

отличной доброты сукна и прочіе хорошіе товары; а погреба славятся прекрасными, безпримѣсными винами.—Модлинъ, находящійся отсюда только въ двухъ миляхъ, рѣшился защищаться. Вчера видно было большое зарево — Комендантъ сжегъ предмѣстія и заперся въ крѣпости. Генералъ Маіоръ Паскевичъ съ 7мъ корпусомъ пошелъ окружить ее.—Горсть Поляковъ, запершаяся въ Модлинѣ, конечно не принесетъ никакой пользы своему отечеству, не сдѣлавъ ни малѣйшаго помѣшательства и нашимъ движеніямъ. Но можетъ быть сіи затворники хотятъ заслужить мѣстечко въ исторіи.—Недавно былъ у нихъ совѣтъ. Нѣкоторые предлагали сдать крѣпость, говоря, что Рускіе могутъ ее сжечь. — „Я тогда ее сдамъ, „гордо отвѣчалъ Комендантъ, когда

„платокъ въ карманъ моемъ заго-
„рится!“

22.

Мы все въ Плонскѣ, и еще можетъ быть простоимъ: а причина?—Австрійцы! — Спорятъ, упрямятся, не хотятъ отдавать намъ *Варшавы*. Впрочемъ они не виноваты: Ренье и Поляки не даютъ имъ покоя, представляя, что они бѣгутъ отъ горести Рускихъ; что, совокупясь съ ними, могутъ защищать *Варшаву;* что у Милорадовича не болѣе 5000 войскъ, а ихъ наберется до 30.000. — Въ самомъ дѣлѣ авангардъ нашъ, отдѣля отъ себя нѣкоторые полки, и не соединясь еще съ Волконскимъ и Сакеномъ, едва ли имѣетъ 5000. —

23.

Хитрость въ войнѣ необходима. Она то же, что механика въ общежитіи. Ею замѣняется слабость силъ. Сего дня пустили мы порядочно пыль въ глаза Полякамъ. Понятовскій вздумалъ прислать къ намъ своего Адъютанта, будто для пересылки писемъ къ плѣнымъ, а въ самомъ дѣлѣ для узнанія силы нашего авангарда. Австрійцы намекнули намъ о семъ изъ-подъ руки. Генералъ Милорадовичъ приказалъ тотчасъ горсть пѣхоты своей разсыпать по всѣмъ деревнямъ, вдоль по дорогѣ лежащимъ; конницѣ велѣно проѣзжать съ мѣста на мѣсто, появляться съ разныхъ сторонъ и тѣмъ число свое увеличивать. — А пушекъ у насъ такъ много, что ихъ и дѣвать негдѣ было. Къ счастію въ сей день, какъ нарочно, заѣхалъ къ Генералу Милорадовичу

Генералъ Дохтуровъ, котораго корпусъ не подалеку проходилъ. Наканунѣ прибылъ Генералъ-Лейтенантъ Марковъ и Князь Горчаковъ; послѣдній привелъ съ собою не болѣе 400 человѣкъ. Тутъ же находился и Генералъ Уваровъ, командовавшій кавалеріею авангарда. Адъютантъ Понятовскаго, бѣлокурый, высокой, блѣдный, тонкой молодой человѣкъ, въ предлинныхъ ботфортахъ и въ самомъ коротномъ мундирѣ, прибылъ къ обѣду. — За столомъ сидѣло до десяти Генераловъ. Къ крайнему своему удивленію, видя между ними четырехъ такихъ, которые, имѣя по три звѣзды на груди, всегда командовали большими корпусами, и подвигами сдѣлали имена свои извѣстными, Адъютантъ Понятовскаго подумалъ, что всѣ ихъ корпусы тутъ же вмѣстѣ съ ними находятся. — Войска

авангарда, искусно по дорогѣ разставленныя, и великое множество пушекъ утвердило его въ семъ мнѣніи. И такимъ-то образомъ этотъ тайный посланный *Варшавы* возвратился въ нее съ извѣстіемъ, что Генералъ Милорадовичъ можетъ устремить противъ нее по крайней мѣрѣ 30.000 штыковъ: а Рускіе штыки памятны Варшавѣ! —

24.

Я забылъ сказать тебѣ, что на сихъ дняхъ пріѣхалъ къ намъ изъ главной квартиры славный дипломатъ нашъ *Баронъ Аншетъ*. Сего дня имѣлъ онъ переговоры съ Австрійскимъ Полковникомъ, Латуромъ, присланнымъ отъ Князя Шварценберга. Дипломатика есть также война: Споромъ и упорностію, нераздѣльною однакожъ съ благоразуміемъ, многое можно къ пользѣ

своей выиграть. — Чтобъ быть хорошимъ дипломатикомъ, надобно имѣть надежную память, острый умъ; знать твердо политическую исторію своего отечества, исторію Европы и цѣлаго свѣта. Разумѣется, что знаніе языковъ необходимо. — Наконецъ Варшава здается! Баронъ Аншетъ сдѣлалъ условія сей здачи. Генералъ Милорадовичъ утвердилъ ихъ. Они весьма выгодны для насъ. Всѣ больные и раненые Французы, которыхъ въ *Варшавѣ* считаютъ болѣе шести тысячъ, должны достаться намъ военно-плѣнными. Всѣ магазины, арсеналъ и прочія заготовленія зданы будутъ намъ въ цѣлости.—

Баронъ разсказывалъ за вѣрное, что въ Вѣнѣ уже начинаютъ пробуждаться умы. Тѣ, которые вѣрили всемогуществу Наполеона, выходятъ изъ заблужденія. Истина

осмѣливается возвышать голосъ свой, указывать на раны Германіи, на собственныя свои, представлять бѣдствіе народовъ, разореніе областей. Уже имя Наполеона произносится съ негодованіемъ. Ропотъ слышанъ въ домахъ; народъ шумитъ на улицахъ; общее желаніе — миръ съ Россіею; война врагамъ ея. — Такъ мыслитъ народъ: но Дворъ еще молчитъ. Насмѣшники наводняютъ столицу *карикатурами;* жители утѣшаются ими. Нѣкто прибилъ на вратахъ Соборной Церкви въ Вѣнѣ слѣдующее объявленіе: „Великій Наполеонъ по дорогѣ отъ Москвы къ Вильнѣ разтеряль 350.000 *франковъ:* кто найдетъ и представитъ въ *Парижъ* „хотя часть оныхъ, будетъ щедро „награжденъ!“

25 По утру.

Вчера въ вечеру переправились мы Вислу у деревни *Вульки* гдѣ она въ широтѣ равняется съ Невою. Берега Вислы въ семъ мѣстѣ наполнены оврагами и скалами, высокими елями покрытыми.—*По тайному условію* съ Княземъ Шварценбергомъ намъ должно обойти Варшаву, стѣснить ее со всѣхъ сторонъ и такимъ образомъ принудить его къ выступленію. — По сему мы продолжаемъ косвенное направленіе наше до деревни *Бортженцынъ*. —

25 Въ вечеру.

Деревня Бортженцынъ.

И такъ мы увидимъ Варшаву, будемъ въ ней и конечно остановимся отдохнуть. Послѣ столь многихъ трудовъ, послѣ претерпѣнія столь

многоразличныхъ нуждъ: стужи, голода и повсечастныхъ безпокойствъ, какъ бы пріятно для тѣхъ, которымъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ постелью—была влажная земля; покровомъ—бурное небо; отрадою—дымной полевой огонь: какъ пріятно, говорю я, успокоиться въ большомъ роскошномъ городѣ, въ свѣтлыхъ домахъ, въ обществѣ людей, гдѣ цвѣтутъ еще пріятныя искусства, гдѣ послѣ шуму вѣтровъ и свисту пуль можно услышашь прелестный голосъ женщины или очаровательные звуки музыки!.... — Да! намъ надобно отдохнуть въ Варшавѣ; надобно потому, что всѣ этаго хотятъ. Впрочемъ мы часто хотимъ того, что намъ вредно. Все это зависитъ отъ Князя Свѣтлѣйшаго: онъ наше провидѣніе!.....

26 Рано.—Бортжѣницынъ, въ двухъ миляхъ отъ Варшавы.

Утро было прекрасно. Уже нѣсколько дней, какъ зима здѣсь ощутительно смягчилась. Солнце великолѣпно сіяло на голубомъ небѣ. Снѣгъ таялъ, и въ воздухѣ слышно было дыханіе весны. Тайное желаніе, хотя издали увидѣть столицу Польши, щекотало любопытство мое. Я вышелъ посмотрѣть на здѣшнюю природу и на Варшаву. Обширное, розное поле разстилалось съ сей стороны до самаго города. Острые верхи башенъ, церквей и нѣкоторые домы мелькали на горизонтѣ.—Дымъ изъ тысячи трубъ свивался въ сѣдыя тучи. Намъ нельзя еще было вступить въ Варшаву; но воображеніе не знаетъ оковъ невозможности; для него нѣтъ ни заставъ, ни карауловъ. Безъ позволенія и билета

очутилось оно въ ней, тѣснилось въ толпахъ народа, бродило по улицамъ, заглядывало въ Прагу, искало слѣдовъ великаго Суворова, носилось надъ Вислою и любовалось великолѣпною мрачностію столицы О! воображеніе великой чародѣй! — Подивись нелюбопытствуй здѣшнихъ поселянъ: живя въ двухъ миляхъ отъ Варшавы, они не бываютъ въ ней по цѣлымъ годамъ; а дочь хозяина моего, 15 лѣтъ дѣвушка, увѣряетъ, что еще сроду въ ней не была. Счастливая безпечность! Она есть надежнѣйшею оградою чистыхъ нравовъ, для которыхъ столица—гибель!...

26, Около вечера. Моватово.

Прекрасный замокъ вдовы Фельдмаршала Князя Любомирскаго, той самой, которой принадлежитъ *Ландсъ-Гутъ*. Домъ убранъ съ боль-

шимъ вкусомъ. Есть цѣлыя зеркальныя комнаты, бронзы, мраморы и проч. Сады обширные съ красивыми бесѣдками и домиками.— Вотъ нѣсколько словъ о Мокатовѣ Теперь разскажу тебѣ о томъ важномъ и для исторіи незабвенномъ произшествіи, которому мы сего дня здѣсь были свидѣтелями. Я хочу сказать о покореніи Варшавы, приславшей сюда ключи свои. Я въ первый еще разъ въ жизни былъ при такомъ обрядѣ. Суета, шумъ и волненіе, сопровождавшія оный, имѣли въ себѣ что-то похожее на свадебные сборы. Съ самаго еще утра начали взаимно пересылаться. Аншпетъ былъ въ большихъ хлопотахъ. Условливались о мѣстѣ, часѣ и порядкѣ *вручения ключей*. Принять ихъ назначено въ Мокатовѣ въ два часа по полудни. Къ сему времени всѣ мы

въ парадныхъ мундирахъ собрались въ небольшомъ садовомъ домикѣ, гдѣ остановился Генералъ Милорадовичъ. Тутъ было человѣкъ съ 12 Генераловъ. Предъ крыльцомъ стоялъ въ строю прекраснѣйшій эскадронъ Ахтырскаго полку: зрители плѣнялись его картиннымъ видомъ. Ровно въ два часа передовой посланный возвѣстилъ скорое прибытіе Депутатовъ. Любопытство подвинуло всѣхъ къ окнамъ. Сперва показались вершники изъ Польской народной гвардіи, и вдругъ богатая карета, восьмью Англинскими лошадями запряженная, сопровождаемая отрядомъ сей же гвардіи, загремѣла и остановилась у крыльца. Эскадронъ отдалъ честь, и Депутаты вышли. Префектъ Варшавы, Меръ, Подпрефектъ, два члена духовенства, Бургомистръ и еще пять или шесть человѣкъ

въ нарядныхъ шитыхъ мундирахъ, съ разноцвѣтными перевязями черезъ плечо, вступили въ комнату. Между ними находился тотъ самый старикъ, который вручалъ ключи Суворову. Толпа раздалась— Генералъ Милорадовичъ выступилъ впередъ.—

„Столица Герцогства Варшавскаго, въ знакъ миролюбиваго привѣтствія побѣдоносному Рускому воинству, посылаетъ сіе“—сказалъ Префектъ, поднося хлѣбъ и соль. „Вотъ и залогъ ея покорности знаменитому оружію Всеавгустѣйшаго Императора Александра Перваго,“ прибавилъ Меръ—и старецъ вручилъ Генералу золотые ключи.— Всѣ поклонились очень низко. У нѣкоторыхъ блеснули слезы на глазахъ.—

Генералъ Милорадовичъ отвѣчалъ имъ съ свойственнымъ ему благо-

родствомъ и краснорѣчіемъ. Онъ говорилъ между прочимъ, что для Государя, который подъемлетъ мечь только для расторженія оковъ, воюетъ—для мира и покоренія народы желаетъ одною благостію, ключи сіи будутъ имъ болѣе драгоцѣнны, что они не обагрены кровью. „Ваши храмы, законы и „самые обычаи, продолжалъ онъ, „останутся ненарушимы. Жизнь, „собственность и домы граждан „не подвержены никакой опасно„сти. Пища кроткой души Импе„ратора — благотвореніе. Первымъ „доказательствомъ попеченій Его о „Варшавѣ есть уже то, что Онъ „освобождаетъ ее отъ постоя. Всѣ „войска расположены будутъ въ „окрестныхъ селеніяхъ и на поляхъ „около города. Но дабы не обре„менить участи поселянъ, город„скіе жители поспарающся доста-

„вить войскамъ нужное продоволь-
„ствіе. О семъ сдѣлаемъ особое
„постановленіе. Такъ дѣйствуетъ
„Государь мой! говорилъ Генералъ.—
„Мщеніе чуждо великой душѣ Его.
„Онъ не желаетъ проливать кровь за
„кровь и платишь разрушеніемъ за
„разрушеніе, и для самыхъ винов-
„ныхъ отложилъ Онъ судъ Свой,
„карая ихъ одною милостію.“ —
„Александръ Первый хочетъ жить
„для исторіи“—прибавилъ дипло-
матъ Аншетъ—и все кончилось.
Депутаты уѣхали, назначивъ завт-
ра въ 10 часовъ собраніе въ замкѣ
Вилановъ. Ключи тотчасъ отправ-
лены были къ Государю съ Полков-
никомъ Сипягинымъ, начальникомъ
Штаба по авангарду.

Мы пересѣкли всѣ дороги, изъ
Варшавы и Модлина выходящія.
Безпрестанно приносятъ съ пере-

довыхъ постовъ въ квартиру Генерала Милорадовича чемоданы съ письмами, отправленные по почтѣ. Воинская осторожность велитъ читать все, что пишется въ Варшаву и изъ Варшавы.—Много есть писемъ изъ разныхъ мѣстъ Франціи, Италіи и Германіи. По надписямъ всѣ почти принадлежатъ знаменитой покойницѣ—большой Французской арміи. — Много есть смѣшнаго и жалкаго. Вообще странно въ окрестностяхъ Варшавы узнавать всѣ сокровеннѣйшія тайны семействъ, живущихъ въ Парижѣ, Вѣнѣ или Кассельѣ. Есть много прекрасныхъ писемъ. Когда нибудь я тебѣ пришлю ихъ кучу. Между прочимъ попалась мнѣ цѣлая любовная переписка одной *Шарлотты*, жительницы *Наполеонсъ-гёге*, что близъ Касселя, съ какимъ-то Людовикомъ, Капитаномъ Вестфальской

гвардіи. — Генералъ Милорадовичъ приказалъ отобрать всѣ письма отъ дочерей къ отцамъ, отъ матерей къ сыновьямъ, отъ женъ къ мужьямъ съ тѣмъ, чтобы пересылать ихъ по возможности. Надобно имѣть его сердце, чтобъ быть такъ снисходительну даже и къ непріятелямъ. Французскіе Маршалы не сдѣлаютъ этаго. *У нихъ* уже нѣтъ *Баярдовъ* и Моро! —

27. Виланово.

Примѣтилъ ли ты, какъ мы, имѣя Варшаву центромъ, движеніемъ нашимъ описывали около нее дугу, переходя изъ одного мѣста въ другое, дѣлая приготовленія, скрывая намѣренія свои и въ городъ не вступая. Такъ ходитъ темная буря надъ селами и пугаетъ земледѣльцевъ, грозя разсыпать губительный градъ. Австрійцы уже давно

выступили изъ Варшавы; а мы еще не занимаемъ ее. „Для чего же „мы медлимъ, скоро ли вступимъ? „или еще не рѣшена судьба Вар„шавы? — Что будетъ съ нею? — „Такъ всѣ спрашивали и никто не „отвѣчалъ.“ Что будетъ съ Вар„шавой? спрашивали у Барона Анштета.“ *Одинъ Богъ и АЛЕКСАНДРЪ знаетъ про то*, отвѣчалъ онъ съ таинственнымъ видомъ. Поляки все сіе знали, чувствовали и трепетали. Они видѣли, что мрачная туча носится надъ ихъ главами и не знали благотворительнымъ ли дождемъ, или палящими молніями разрѣшится она. Вчерашній день облегчилъ ихъ отъ тяжкаго бремени сомнѣній — Все это дѣлано было однакожъ очень кстати; ибо страхъ надъ волнующимися умами народа имѣетъ дѣйствіе стужи, сжимающей бурныя

волны рѣкѣ и озерѣ. Между перехваченными письмами нашли мы одно, въ которомъ увѣдомляли, что весь арсеналъ Варшавскій розданъ народу. Къ чему бы, напримѣръ, это? — Теперь велѣно сносить, и сносятъ все сіе оружіе въ Вилановъ. Офицеры наши не иначе могутъ выѣзжать въ Варшаву, какъ по билетамъ, и то съ строжайшимъ запрещеніемъ въ ней не ночевать. Впрочемъ Варшава, какъ говорятъ, очень намъ рада, и гораздо охотнѣе желала бы имѣть войска наши *въ себѣ*, нежели *около себя*. — Но покуда отпрошусь въ Варшаву, снѣшу осмотрѣть прекрасный здѣшній замокъ. —

Вилановъ.

Древній замокъ Короля Собіескаго, который въ 1683 году выручилъ осажденную Турками Вѣну.

Теперь принадлежитъ онъ молодому *Станиславу Потоцкому*.—Это подлинно Королевскій замокъ! Какое величіе въ расположеніи, въ зодчествѣ, въ уборахъ! Стѣнная живопись прекрасна. Лепной работы множество. Двѣ большихъ галлереи наполнены картинами, въ числѣ которыхъ есть прекрасныя, драгоцѣнныя; на прим. Пуссеневы сельскіе виды; все семейство Собіескаго: самъ онъ на конѣ. Прелестная Собіескаго жена представлена здѣсь въ разныхъ видахъ: въ одномъ мѣстѣ видишь ее прекрасною пастушкою, сидящею надъ чистымъ ручьемъ и въ зеркалѣ водъ его поправляющею свой цвѣточный нарядъ; въ другой картинѣ видите вы ее прелестнымъ Ангеломъ, летающимъ подъ голубыми небесами. Жаль, что нѣтъ здѣсь картины, представляющей самаго Собіескаго въ торжествен-

ный часъ *освобожденія Вѣны*.—Здѣсь болѣе всего портретовъ. Прекрасныя женскія лица стоятъ подлѣ усатыхъ, желѣзными латами покрытыхъ и лаврами увѣнчанныхъ Поляковъ. Въ такомъ нарядѣ они были героями. Вмѣстѣ съ латами и кунтушами сложили они съ себя древнее мужество и твердость душъ.

Варшава.

Обширный, садами окруженный и гуляньями наполненный городъ. Лѣтомъ можетъ она назваться цвѣтущею. Есть много огромныхъ палатъ, дворцовъ; но мало такихъ, которыхъ бы наружность поражала своимъ блескомъ и великолѣпіемъ. Слѣды времени не заглаживаются здѣсь стараніемъ людей. Одно только мирное время сзываетъ искусства для украшенія и обновы городовъ; а Варшава съ дав-

нихъ лѣтъ уже, какъ древо на высокой скалѣ, была жертвою бурей и непогодъ. — Лучшіе трактиры: Виленскій, Гамбургскій, Англинскій и Дрезденскій.—Всѣ знатные оставили столицу, хотя Русскіе и вошли въ нее, какъ друзья.—Днемъ народъ толпится на площадяхъ; по вечерамъ пустота и унынie пугаютъ въ улицахъ.—

29.

Силягинъ возвратился отъ Государя съ Владиміромъ на шеѣ. Онъ заслужилъ сію награду неусыпными трудами и прилѣжаніемъ къ важной своей должности.—Государь былъ восхищенъ сдачею Варшавы; Онъ обнималъ Князя Свѣтлѣйшаго— войска кричали: *ура!* — Генералъ Милорадовичъ получилъ вензловыя изображенія имени Государя на эполеты, съ лестнымъ правомъ нахо-

диться при Особѣ Его Императорскаго Величества.—Князь Свѣтлѣйшій сопроводилъ сей Монаршій даръ, пріятнѣйшимъ письмомъ, въ которомъ въ свойственныхъ краснорѣчію его выраженіяхъ говоритъ между прочимъ, относясь къ лицу Генерала Милорадовича: „Великія заслуги ва„ши столь много сблизили васъ „съ Всеавгустѣйшимъ Императо„ромъ нашимъ, что сіе даруемое „Имъ вамъ преимущество нахо„диться при Особѣ Его Императо„рскаго Величества, сдѣлалось не„обходимымъ для *васъ* и для Него.“

Напрасно ожидали мы отдыха въ Варшавѣ: войскамъ велѣно выступить въ походъ; чрезъ три дня поспѣшимъ и мы за ними. Разспаться съ Варшавою не насладясь, это в е равно, что въ жаркій день только прикушать воды изъ студенаго колодца и, не утоля па-

лящей жажды, идти далѣе въ знойный путь.—

Вчера Генералъ Милорадовичъ съ великолѣпнымъ конвоемъ проѣзжалъ Варшаву: народъ тѣснился въ улицахъ и кричалъ ему: *виватъ!*—Пріятно было видѣть, что въ домахъ, на улицахъ и рынкахъ все было покойно: никакія занятія, работы и упражненія не прерывались. Сами жители сознаются, что при Французахъ, пріятеляхъ ихъ, не такъ было.—

Извѣстный дарованіями своими Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Фуксъ* написалъ по случаю занятія Варшавы, нѣсколько слѣдующихъ строкъ:

„И такъ паки повергаетъ Варшава главу свою къ стопамъ Августѣйшаго Александра Перваго. — Герцогство Варшавское принадлежитъ Россіи.—Тѣ же ключи, которые поднесены были нѣкогда без-

смертному Суворову, подносятся знаменитому сподвижнику Италійскаго Милорадовичу. Суворовъ, принявъ ихъ, возблагодарилъ Бога, что не орошены они были кровію, и Милорадовичь по полямъ, трупами усѣяннымъ, по кровавымъ токамъ туда притекшій, пріемлетъ ключи сіи съ такими же теплыми ко Всевышнему моленіями. Вѣкъ Екатерины сливается съ вѣкомъ Александра и пророчество великаго мужа свершается. Суворовъ сказалъ: „Милорадовичь будетъ славнымъ Генераломъ!“ —

30.

Теперь понимаю, для чего не оставляютъ войскъ въ Варшавѣ. Она могла бы сдѣлаться для насъ тѣмъ, что *Капуя* для Аннибаловыхъ. Прекрасныя трактиры, театръ, лазенки и всякаго рода удоволь-

ствія могли бы очаровать, разнѣжить *закаленныхъ въ бояхъ* и заставить ихъ забыть, что война еще не кончилась; ибо Европа еще не спасена! —

Варшава.

Я былъ въ театрѣ. Онъ довольно великъ для всякаго другаго города, кромѣ Варшавы; ибо Варшава столица. Ложи въ пять ярусовъ. Лучшій актеръ и содержатель театра *Дмушевскій* — Я былъ въ *лазенкахъ*. Это бани или ванны, гдѣ купаются. Одинъ изъ нихъ близъ Прагскаго моста — на судахъ. — Какая роскошь купаться въ лазенкахъ! Входишь въ прекрасную комнату, убранную зеркалами и диванами, гдѣ изготовлено все нужное: полотенце, гребень, мыло, губка и даже подставка для удобнѣйшаго снятія сапогъ. Опускаешься въ глу-

бокую, внутри свинцомъ обложенную ванну. Отворяешь кранъ — льется теплая вода; другой—брызжетъ прямо изъ Вислы студеная. Вы можете составить себѣ ванну, какую хотите: лѣтнюю, осеннюю или зимнюю. Вода спанетъ мутна; попляните за снуркомъ — и она изчезнетъ! Свѣжая льется изъ кранова. Теплой очень довольно; холодной—хоть поль-Вислы выпустите! и все это стоитъ 2 злота (120 коп. мѣдью)

Я видѣлъ Вислу въ прекрасную лунную ночь. Золотые лучи сыпались на хрустальный ледъ. На другомъ берегу, за длиннымъ мостомъ, мелькала Прага. — Висла прекрасная, широкая рѣка, не уже Невы. Жаль, что жители Варшавы менѣе всего занимались ею. Естьлибъ берега сей рѣки одѣты были камнемъ,

какъ въ Петербургѣ; естьлибъ какой-нибудь волшебникъ, собравъ всѣ лучшіе 4-хъ этажные домы, разсѣянные по всему городу между лачужекъ и грязныхъ переулковъ, выдвинулъ ихъ на набережную; естьлибъ высокіе холмы, въ одномъ концѣ Варшавы лежащіе, украсились хорошими строеніями и садами: то Варшава была бы однимъ изъ первѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ!

Естьлибъ Висла, какъ *Волга* и *Нева*, покрыта была торговыми лодками, барками и галіотами, то Польша была бы щастлива. Торговля! торговля! сія душа царствъ не существуетъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ. Наполеонъ задушилъ ее раздоромъ своимъ съ Англіею. Бывало пшеница степной Украйны, сила воловъ плодоносной Волыни и произведенія Подоліи шли въ Данцигъ, который отплачивалъ ви-

нами, сахаромъ и прочими потребностями, сдѣлавшимися необходимыми. „Прежде, говорилъ намъ одинъ обыватель, нагрузивъ галіотъ свой въ Варшавѣ пшеницею и поташомъ, я ѣхалъ по Вислѣ въ Данцигъ и привозилъ оттуда чистое золото. — А теперь все бѣдно!“ Прежде Литва снабжала степи лѣсомъ; степи отдаривались лучшими изъ своихъ произведеній.

Варшава была нѣкоторымъ образомъ *средоточіемъ торговли*. Отъ того-то Поляки были такъ богаты, не смотря на всѣ разоренія войны,— богаты! . . . Все это было не такъ давно. Подъ правленіемъ Прусскимъ торговля цвѣла—и Варшава благоденствовала. — Наполеонъ все отнялъ! Жители Герцогства стонутъ о потерѣ своей торговли. Колоніальные товары здѣсь ужасно дороги. —

Какъ ведутъ себя Русскія войска въ Варшавѣ? — Какъ самые благородные рыцари Баярдова времени .— Щедрость Офицеровъ нашихъ особенно удивительна. Въ трактирахъ сыплютъ деньги. Приходитъ, напримѣръ, спаричъ. съ дочерью: онъ играетъ на скрыпкѣ. а она на арфѣ: сыграла, пропѣла нѣсколько арій—и куча серебра очутилась предъ нею! — Приходитъ бѣдная монахиня, одна изъ Сестръ Милосердія, — проситъ , чтобъ ей заказали какую нибудь работу—и *Милорадовичъ* (1) даетъ ей *тысячу рублей* и велитъ сшить себѣ три манишки! ... За то Поляки дивятся Русскимъ и народъ полюбитъ насъ чрезвычайно. Подумаешь , что всѣ Офицеры у насъ богачи ; напро-

(1) Ротмистръ Маріупольскаго Гусарскаго полка.

тивъ самэя большая часть изъ нихъ очень не богаты — но тароваты.—Вчера Генералъ *Вильсонъ*, провождающій время по большой части у насъ въ авангардѣ, угощалъ прекраснымъ обѣдомъ Генераловъ нашихъ въ практирѣ *Лондонѣ*. —

Я сказалъ, что народъ насъ любитъ; а вельможи? —Называютъ Сѣверными варварами; а сами любятъ, чтобъ ихъ называли *Сѣверными Французами!!!* Но теперь, кажется, то и другое можно почесть браннымъ словомъ.—Бѣдные крайне свѣтуютъ здѣсь на богачей „Они недовольны тѣмъ, гово„рятъ они, что слѣпое счастіе „отдало имъ всѣ преимущества, „которыя должны быть равно по„дѣлены въ обществѣ людей. Они „живутъ, какъ боги, въ велико„лѣпныхъ палатахъ, разъѣзжаютъ „въ раззолоченныхъ каретахъ; а

„мы гнѣздимся въ дымныхъ лачуж-
„кахъ и скитаемся по улицамъ какъ
„отверженные. Дѣти ихъ родятся
„Графами и Князьями; рожденіе
„ихъ празднуется великолѣпными
„пирами; ихъ младенчество лелѣет-
„ся въ шелкахъ и богатыхъ тка-
„няхъ: выростутъ и всѣ почести,
„всѣ преимущества, всѣ выгоды
„жизни — ихъ собственность. А
„наши дѣти родятся въ горести,
„возрастаютъ окропляемые слеза-
„ми; не рѣдко умираютъ отъ недо-
„статка молока въ груди матерей,
„голодомъ истомленныхъ. Ихъ
„удѣлъ—нищета; ихъ жизнь—боре-
„ніе съ нею! и въ довершеніе всего
„вельможи подружились съ раззо-
„рителями Европы, вздумали *во-*
„*скрешать усолшій край Польской;* дань-
„ми и налогами изсосали изъ насъ
„послѣднюю собственность, сами
„разъѣхались; а насъ оставили *горе-*

„*зять* какъ *мухъ безъ крыльевъ!*“ — Такъ сѣтуютъ бѣдные противу богатыхъ и вельможъ, хотя вельможи въ Польшѣ и довольно благотворительны; ибо они воспитываютъ на свой счетъ бѣдныхъ молодыхъ дворянъ, часто замѣняютъ мѣсто отцовъ сиротамъ, нескупы на подаянія и устроиваютъ много богоугодныхъ заведеній. — Скажу тебѣ, что на сихъ дняхъ прибылъ въ Варшаву Министръ Полиціи Александръ Дмитріевичъ Балашевъ. Для прочности здѣшняго порядка необходимо присутствіе человѣка, имѣющаго его умъ, дѣятельность и опытность. —

1 Февраля. —

У васъ конечно еще тонутъ въ снѣгу; стѣны трещатъ отъ мороза и въ окны бьетъ вѣюга. А

здѣсь весна! здѣсь солнце свѣтитъ въ полномъ блескѣ, сады начинаютъ оживать, въ домахъ открываютъ окна и самый благоразпворенный воздухъ нѣжитъ чувства. Варшава находится подъ 52° 14′ 28″ сѣверной широты —Весна! весна! прелесть Природы! какая сладость разливается въ мірѣ! Какъ пріятно жить и дышать въ это время! Ахъ, естьлибъ я былъ на родинѣ, съ друзьями!.....Но родина далеко; а мы идемъ впередъ, идемъ въ *Калишъ*, идемъ въ Силезію, на Одеръ къ крѣпости *Глогау*. — Въ Варшавѣ есть липовая улица, которая въ лѣтнее время должна придавать большую красу городу и освѣжать воздухъ. — Прежняя Королевская улица удостоена нынѣ названіемъ—Наполеоновой!....., Здѣсь есть люди, которые живутъ въ *новомъ свѣтѣ*—такъ называется

одна изъ улицъ Варшавскихъ. . . . — Костелы *Варшавскіе* извнѣ огромны, высоки, но мрачны; внутри красивы и богаты. Церковное служеніе ихъ пышно и затѣйливо; музыка сильно дѣйствуетъ на чувства. На стѣнахъ видно много портретовъ, усопшихъ и надписей въ честь имъ. Вотъ надпись одному вельможѣ; она заключается сими словами: „дай Боже ему небо; а Польшѣ „болѣе такихъ гражданъ!“ ——

2 Февраля. —

И такъ взглянувъ только на Варшаву, едва коснувшись ея наслажденій, я уже долженъ сказать ей: прости!—и можетъ быть навсегда! . . . . Уже мы выѣзжаемъ изъ Варшавы, удаляемся отъ нее. Уже исчезаетъ она, какъ великолѣпное сновидѣніе изъ глазъ нашихъ, но не изъ памяти! . . . . .

Все таетъ вокругъ насъ. Снѣга превращаются въ воды, — воды шумятъ по необозримымъ долинамъ. Мы ѣдемъ на колесахъ, или лучше сказать, плывемъ въ бричкахъ.—

Дорожныя записки.

3 Февраля.—Съ восходомъ солнца услышали мы голосъ жаворонка — вспомни, что это 3 Февраля! . . . . Мы ночевали въ мѣстечкѣ *Блонѣ*. Очень порядочная площадь съ колодцемъ и фонтаномъ, красивые домы, ее окружающіе, ратуша, гостиный дворъ и башня съ часами съ перваго взгляду доказываютъ намъ, что это мѣстечко мѣсто не Литовское, а той части Польши, которая въ сосѣдствѣ Пруссіи и получила уже отъ мудрой сосѣдки своей нѣкоторое образованіе. — Далѣе на дорогѣ прекрасно обстроенное село

Неборовъ, Княгини *Радзивиловой*. Въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда ея же—*Аркадія*. Достойна сего имени.—На прекрасномъ мѣстѣ, прекрасный Англинскій садъ, украшенный развалинами. Изъ всѣхъ поддѣланныхъ я отъ роду не видалъ лучше этихъ. Они готическіе, и пусты и заросли травою и совы гнѣздятся въ нихъ и вѣтры воютъ.—Кто-то выбралъ себѣ одинъ уголокъ сихъ развалинъ и отдѣлалъ въ немъ одну комнатку. Не разбитое стекло, съ бѣлою занавѣскою, дѣлаетъ пріятную противуположность съ пустотою необитаемыхъ стѣнъ. Длинная мостовая въ саду съ столпами, пирамидами и тріумфальными воротами, представляетъ бѣгъ или ристалище древнихъ Грековъ, описанное Гомеромъ и Пиндаромъ воспѣтое. —Лучше всего здѣсь *сельской*

домикъ во всей простотѣ; на рѣзныхъ воротахъ представлены серпъ, коса и прочія полевыя орудія. Войдите въ него — первая комната проста — это хижина; но далѣе видно превращеніе. Какая-то волшебница, можетъ быть въ благодарность за ласковое гостепріимство, захотѣла преобразить сію хижину въ великолѣпнѣйшій чертогъ. Она махнула жезломъ — и чудо вполовину совершилось. Явились хрустальныя стѣны и одна изъ величайшаго цѣльнаго зеркала, явились мраморные столпы; золото, серебро и фарфоръ украсили все прочее. — Но въ одномъ углѣ среди зеркалъ, хрусталей, мрамора и золота, къ удивленію, видите вы простые полу-согнившіе брусья, сквозь которые торчитъ солома и слышно воркованіе горлицъ. Что бы это значило? — А вотъ что—Бо-

гиня или волшебница, превращія хижину въ храмъ, замѣнила въ одномъ простѣнкѣ гнѣздо голубей и—чтобъ не обезпокоить сихъ невинныхъ тварей.—оставила гнѣздо и брусья, въ которыхъ оно заложено, неприкосновенными. И теперь среди великолѣпнѣйшихъ предметовъ роскоши служитъ оно напоминаніемъ прежней простоты и неложнымъ знаменіемъ совершившагося чуда. — Какова выдумка! Видно, что хозяйка имѣетъ воображеніе и читала Аріоста и *Тасса* — Такія-то чудеса могутъ творить богачи! О! естьлибъ они дѣлали такія же превращенія съ бѣдными хижинами своихъ сосѣдей!—Богачь, имѣющій вкусъ, есть уже человѣкъ; но богачь-благотворитель—есть Ангелъ!—Въ одномъ изъ здѣшнихъ гротовъ можно видѣть со-

браніе самыхъ рѣдкихъ древностей изъ *Архипелага*.

Далѣе по сей же дорогѣ городъ *Ловичъ* имѣетъ также красивую площадь и очень хорошее каменное строеніе. Хозяинъ, у котораго мы ночевали, разсказывалъ, что Французы возвращаясь изъ Россіи, горько жаловались на судьбу свою и ругались надъ портретомъ *Наполеона*. Разсказываютъ, что Король Саксонскій, пріѣзжавшій въ Герцогство Варшавское, плакалъ о погибели столькихъ тысячь войскъ Польскихъ и своихъ. Сколько отцовъ! сколько матерей! сколько невѣстъ, вмѣстѣ съ нимъ плачутъ и клянутъ войну и завоевателей! . . . . .

4 Февраля. Получено извѣстіе, что Графъ Платовъ, обложившій Данцигъ, разбилъ сдѣланную изъ

онаго большую вылазку. — Часть Герцогства за Вислою покрыта лѣсами; здѣшняя полиста. Почва земли, по большой части, каменистая. Народо-населеніе не малое. Много господскихъ домовъ мелькаетъ около дороги. Городъ Ловичь и съ цѣлымъ округомъ своимъ принадлежитъ, или лучше сказать, принадлежалъ Маршалу *Давусту*. Онъ здиралъ съ него 700.000 *злотыхъ* годоваго дохода. Почти все Герцогство роздано было такимъ образомъ Маршаламъ Французскимъ и всѣ серебреные источники Польши поглощались пучиною Французской ненасытности.—Наводненіе здѣсь повсемѣстно. Дорога представляется рѣкою. Ѣдущій изъ Варшавы примѣчаетъ склоненіе плоскости земной къ Сѣверу по теченію *Вислы*. Можетъ быть тому причи-

ною близость моря. Всѣ сіи мѣста могутъ назваться понизовыми; наводненіе же оныхъ происходитъ отъ тающихъ снѣговъ на лѣсистыхъ горахъ близъ *Ченстохова*. — Весною артиллеріи и даже легкимъ войскамъ проходить здѣсь очень трудно. Удобнѣйшее время для войны въ болотистомъ Герцогствѣ Варшавскомъ есть *зима*. Во всѣхъ даже бѣднѣйшихъ домахъ видимъ портретъ *Кастюшки*.

5 Февраля. Мы обѣдаемъ во *Пѣонткѣ* въ *Пятницѣ*; а здѣсь есть середа, четвергъ и воскресенье. Кому-то вздумалось помѣстить, по *Калишской д*[illegible] цѣлую недѣлю. —

5 Февраля. Ночлегъ въ *Вартковицѣ*. Прекрасный домъ, окруженный садами и большимъ разливіемъ водъ, принадлежитъ Графу Залужскому, который живетъ здѣсь съ семействомъ своимъ и очень

привѣтливо принимаетъ Рускихъ Офицеровъ. Войска наши безпрестанно идутъ по сей дорогѣ — и обыватели спокойны. —

6. Ночлегъ въ *Унеіовѣ*. Это мѣстечко при рѣкѣ Вартѣ. Ренье, бѣгущій съ остаткомъ корпуса своего, сжегъ здѣсь большой мостъ. Ледъ тронулся и въ переправѣ великое затрудненіе. Обозы и полки обходятъ нѣсколько верстъ лѣвѣе на мѣстечко Варту, гдѣ мостъ уцѣлѣлъ. — На другой сторонѣ развалины замка Архіепископа Гнѣзденскаго.—За нѣсколько предъ симъ лѣтъ мѣстечко сіе было очень богато. Здѣсь было много людей живущихъ и пріѣзжающихъ; были иностранныя конторы и деньги звенѣли въ каждомъ домѣ. Догадываешься, что это было въ благословенныя времена торговли. По Вартѣ гоняли лѣсъ и прочее въ Пруссію; барышъ съ

избыткомъ награждалъ трудъ и издержки. Прервалась торговля и мѣстечко опустѣло — праздность, уныніе и пустота заступили мѣсто дѣятельности шума и движенія. —

7. Дорога за Вартою чрезъ песчаные боры мѣстами наводнена.

8. Городъ *Калишъ* при рѣкѣ *Проснѣ*. Очень красивый, по большой части Нѣмцами населенный городъ. Здѣсь за 4 предъ симъ дня сражался Генералъ Баронъ *Винценгероде*. Двѣ тысячи плѣнныхъ, 8 пушекъ и два знамя суть трофеи одержанной имъ надъ непріятелемъ поверхности. Послѣ сего сраженія Ренье, какъ говорятъ, ускакалъ въ Саксонію; а остатокъ войскъ его присоединился къ *Понятовскому*, запершемуся въ *Ченстоховѣ*.

9. Движенія войскъ останавливаются. Причиною сему здѣшнія

дороги, на которыхъ все вязнетъ. Корпуса и отряды располагаются на временныхъ, или такъ называемыхъ *кантониръ - квартирахъ*.—

22 Февраля. Мѣстечко Ярочево.

Погода была прекрасная, воды шумѣли и окрестности разцвѣтали, когда Генералъ и мы пріѣхали верхами въ сіе мѣстечко. Все обѣщало намъ весну; всѣ надѣялись наслаждаться ею. Но надежды обманываютъ часто. — Вотъ уже десять дней, какъ мы стоимъ здѣсь и десять дней скучаемъ. Вѣтры сливаются въ бури и воютъ въ воздухѣ. Со всѣхъ сторонъ сходятся тучи и, то сыплютъ снѣгъ, то льютъ дожди. Рыхлая здѣшняя земля вездѣ разступается. Прощайте прогулки! грязь не дозволяетъ выходить изъ квартиръ.—Я свою

въ маленькой комнаткѣ у Ксенза: Генералъ въ довольно большомъ на образецъ Голландскихъ, построенномъ господскомъ домѣ. — Желѣзныя печи нагрѣваютъ его. Хочешь знать, какъ проводимъ мы здѣсь время? — Довольно не скучно, при самой скучной погодѣ. По вечерамъ сбираемся къ доброму почтенному нашему Полковнику Синягину, пьемъ чай и всѣ вмѣстѣ идемъ къ Генералу. Тамъ читаютъ, говорятъ, шутятъ. Снисходительность начальника и пріятная свобода въ обращеніи украшаютъ сіи вечернія бесѣды. Не правда ли, что у васъ очень часто какой нибудь штатской Совѣтникъ представляетъ лицо великаго человѣка, требуетъ всеобщаго уваженія и холодною важностію своею застужаетъ бесѣды, гдѣ сердца хотятъ разкрыться для искренности и пріязни. А

здѣсь полный Генералъ, Генералъ самъмъ и дѣлами, славный въ Россіи, извѣстный въ Европѣ, такъ ласковъ, великодушенъ, любезенъ!.... За то всякой подчиненный его любитъ; уважаетъ его въ душѣ и умереть съ нимъ почитаетъ удовольствіемъ.—

Самъ Генералъ Милорадовичъ большую часть времени проводитъ въ чтеніи. Во все это время перечитывалъ онъ Плутарха. Онъ встрѣчается съ великими людьми его, какъ съ давними своими знакомцами, и много занимается ихъ дѣлами и участію.—„Найди мнѣ," сказалъ онъ мнѣ однажды, „хотя нѣсколько великихъ полководцевъ, которымъ бы отдали полную справедливость прежде смерти и которые умерли бы безъ огорченій, довольны жизнію и судьбою своею!" — Правду сказать,

что съ такимъ условіемъ трудно найти и одного. Неблагодарность народовъ, несправедливость Государей, зависть, клевета и происки сопровождаютъ *великихъ* отъ колыбели и до гроба. Жизнь ихъ есть безпрестанное бореніе. Гдѣжъ награда ихъ?—Въ потомствѣ, въ исторіи! . . . .

25 Февраля.

Послѣ десятидневнаго заключенія мы перемѣнили квартиры и все дежурство наше переѣхало въ *Жуни*. Это очень маленькой, но очень красивый и чистый городокъ на самой границѣ *Силезіи*.—Завтра Генералъ ѣдитъ въ *Калишъ* благодарить Государя за пожалованные ему вензеля на эполеты.—

Марта 1. Городъ Фрауштатъ.

Я ѣздилъ съ Генераломъ въ Калишъ, гдѣ имѣлъ удовольствіе познакомиться съ историкомъ великаго Суворова Егоромъ Борисовичемъ Фуксомъ. Тамъ также представился мнѣ случай сдѣлаться извѣстнымъ Графу Матвѣю Ивановичу Платову. Онъ удостоилъ меня особеннаго вниманія и благосклонности своей. — Изъ Калиша проѣхали мы прямо чрезъ красивый пограничный городокъ *Равичъ* въ Фрауштатъ. Какой прекрасный городъ! Онъ безъ сомнѣнія одинъ изъ лучшихъ въ цѣломъ Варшавскомъ Герцогствѣ. Большая здѣшняя улица не уступаетъ въ красотѣ ни Варшавскимъ, ни бывшимъ Московскимъ; а это даже и не главный, но просто окружный городъ въ префектурѣ Познанской. Тутъ остановится, и кажется

надолго, главная квартира авангарда Генерала Милорадовича. Крѣпость *Глогау* отсюда въ двухъ миляхъ; часть войскъ подъ командою Князя Волконскаго и Графа Сентпріеста облегла ее.

Марта 3.

Здѣсь есть и театръ! Каждый вечеръ наполняется онъ зрителями. Правда, что здѣшній театръ малъ какъ вертепъ; но актеры на немъ не куклы. Три актера и двѣ актрисы не изпортили бы ни на какомъ столичномъ театрѣ въ комическихъ роляхъ. — Католической Костелъ здѣсь по огромности, великолѣпію и древности своей заслуживаетъ вниманіе путешественниковъ. Въ семъ Костелѣ погребено семейство Гуровскихъ; противъ каждой могилы на стѣнѣ надпись и портретъ усопшаго.

Таковъ здѣшній обычай! Между прочими портретами видите вы прекрасныя лица, плѣняетесь цвѣтущею молодостію и красотою, и невольно вздыхаете, вспомнивъ что они уже—во гробѣ!....— Но отъ мрачнаго великолѣпія Костела, пройдя прекрасную площадь и большую улицу, заглянемъ на мою квартиру.—Вотъ прекрасная чистая комната, украшенная живописью, зеркалами и диванами. Хозяинъ одѣтъ очень опрятно; пьетъ по утрамъ кофе, имѣетъ вкусный столъ, ходитъ въ театръ, читаетъ книги и судитъ о политикѣ — кто онъ таковъ? — Угадай! — Дворянинъ, ты думаешь — нѣтъ!—богатый купецъ—скажешь: —и то нѣтъ. Ктожъ?—Мѣщанинъ —цырюльникъ! — Я предчувствую удивленіе твое и раздѣляю его съ тобою. Развѣ у насъ нѣтъ цырюль-

никовъ; но они живутъ въ хижинахъ, въ лачужкахъ. Отъ чего же здѣсь люди такъ достаточны? — Это тайна *образа жизни* Нѣмцовъ. — P. S. На сихъ дняхъ пріѣхалъ къ намъ изъ *Кенигсберга* бывшій Адъютантъ Графа Остермана молодой *Сакенъ*, котораго отецъ состарѣлся и умеръ въ службѣ. Генералъ беретъ его къ себѣ въ Адъютанты. Это прелюбезный молодой человѣкъ.

10 Марта.

У насъ здѣсь танцуютъ и веселятся подъ громомъ Глогавскихъ пушекъ. Вчера *Полковникъ Силягинъ* удивилъ и забавилъ городъ великолѣпнымъ баломъ. Дѣвушекъ было очень много, и много хорошихъ; угощеніе прекрасное и гости веселились до бѣлаго дня. —

Жизнь авангардная, при всѣхъ трудахъ и опасностяхъ, имѣетъ свои наслажденія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ голосъ смерти, раздаваясь съ выстрѣлами, поражаетъ часто слухи и невольно напоминаетъ о краткости жизни, въ томъ мѣстѣ дружба должна быть искреннѣе, откровенность непритворнѣе, всѣ связи надежнѣе. Въ авангардѣ конечно болѣе, нежели гдѣ нибудь, спѣшатъ жить и наслаждаться; но тамъ помнятъ также и то, что, какъ говоритъ Горацій, хороши только тѣ наслажденія, за которыми не слѣдуетъ раскаяніе, иначе въ сладкихъ напиткахъ нашли бы горечь и не уснули бы покойно подъ звукомъ близкой стрѣльбы. Всякой день послѣ развода и передъ вечернею зарею играетъ у насъ на площади музыка; народъ толпится слушать ее. Великодушное сни-

схожденіе начальника удаляетъ строгую взыскательность. Пріязнь и свобода украшаютъ авангардную жизнь Офицера. —

13 Марта.

Я желалъ бы, чтобъ ты былъ у насъ вчера и вѣрно восхитился бы авангардными нашимъ празднествомъ. Отъ хладныхъ странъ Сибири до Немана, Вислы и Одера праздновали вчерашній день повсемѣстно; это былъ день Возшествія на Престолъ Государя Императора.

Войска и жители, безъ всякаго предварительнаго условія, приготовились къ общему празднеству. Съ восходомъ прекраснаго весенняго солнца движеніе и дѣятельность зашумѣли въ городѣ. — Карауль Кексгольмскаго полку готовился къ разводу. Въ 10 часовъ смѣнилъ онъ карауль Перновскаго.

Прекрасные солдаты того и другаго полка обратили на себя всеобщее вниманіе. Бодро и весело проходили они по улицамъ, наполненнымъ зрителями. Послѣ развода всѣ пошли въ особый домъ, гдѣ Генералъ Милорадовичъ приказалъ приготовить великолѣпный обѣденный столъ на 200 особъ. — Русской полковой Священникъ служилъ молебенъ. Кромѣ военныхъ чиновниковъ и почетнѣйшіе изъ гражданъ присутствовали при ономъ. Я не могу описать восторга, который овладѣлъ сердцами, когда Священникъ произнесъ молитву, *чтобы Господь положилъ всѣхъ враговъ подъ столы Государя нашего.* Они уже лежатъ у ногъ Его! — думалъ каждый — и слезы умиленія сверкали у многихъ на глазахъ. — Какъ сладко тѣмъ, которые за годъ предъ симъ видѣли грозныя

тучи бѣдъ на горизонтѣ своего отечества; видѣли бездну, въ которой вихри ужасныхъ случаевъ влекли его, которые съ сердечнымъ стономъ предавали въ жертву пламени матерь городовъ своихъ, позволяли врагу простирать хищность, мечь и цѣпи даже до береговъ Оки; какъ сладко, говорю я, было имъ мыслить, что отечество ихъ уже свободно, не только мыслить, но и быть въ семъ увѣрену—и гдѣжъ? Стоя твердою ногою на берегахъ *Одера!*... Всѣ вообще съ необычайнымъ усердіемъ преклоняли въ сей день колѣна и молились Вышнему блюстителю Царей и Царствъ. При пѣніи *многія лѣта* Государю, рота Полковника Мерлина палила изъ всѣхъ своихъ пушекъ. *Глогавцы* также сего дня стрѣляли. Громъ ихъ пушекъ сливался съ шумомъ нашего торже-

ства. Эти осажденные, также какъ и *Молдинцы*, не щадятъ зарядовъ. Вскорѣ, по отпѣніи молебна, Подпрефектъ, Бургомистръ и прочіе чиновники города съ немалымъ числомъ окрестныхъ дворянъ вмѣстѣ съ военными сѣли за столъ. Офицеры угощали ихъ. Около двадцати Генераловъ, украшенныхъ блистательнѣйшими знаками отличія, возвышали присутствіемъ своимъ сіе торжество. Изобиліе щедрою рукою потчивало гостей. — Въ продолженіи обѣда окна въ домѣ были отворены и музыка гремѣла.— Народъ большими толпами собрался на улицѣ. Офицеры вздумали повеселить его. Намѣняли мѣлкихъ полу-серебряныхъ денегъ и начали бросать, сказавъ: „молитесь за здоровье Александра Перваго! — *Ура!*“ Громкія восклицанія раздались по всѣмъ улицамъ; деньги безпрестан-

но сыпались, и народъ неумолчно кричалъ: *ура!* — Тутъ же представили подписку для поддержанія здѣшняго театра. — Въ нѣсколько минутъ авангардная щедрость ссыпала такую сумму, которая удивила и ощастливила бѣдныхъ актеровъ. За то въ вечеру они утѣшили насъ удачною игрою въ драмѣ: *Государь, скрывающій санъ свой.* — Предметъ и содержаніе оной прекрасны. Переодѣтый Государь путешествуетъ съ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ ему Министровъ, обозрѣваетъ землю свою. Что представляется глазамъ его? — Тьма несправедливостей! . . . Сильные давятъ слабыхъ; богачи играютъ судьбою бѣдныхъ; добродѣтель влечется въ заключеніе, порокъ смѣется слезамъ ея; золото и происки кривятъ повсюду *вѣсы правосудія;* невинность стонетъ; заслуга, покры-

тая сѣдинами, томится въ нищетѣ; праздность отдыхаетъ на шелковыхъ перинахъ. Добрый Государь пылаетъ негодованіемъ, хочетъ все преобразить — и многое исправляетъ. Каждый порывъ его сострадания; каждое слово его приноситъ цѣленіе недугамъ Государства.—Государь, взирающій на народъ свой только съ высоты престола, есть то же, что лекарь, пользующій заочно. Чтобъ излечить раны, должно къ нимъ прикасаться. — Въ заключеніе драммы появился *вензель* Александра Перваго, лаврами увѣнчанный и разноцвѣтными огнями освѣщенный. Молодая актриса говорила поздравленіе Безпрерывное рукоплесканіе одобряло усердіе и игру актеровъ.—Съ наступленіемъ ночи весь городъ запылалъ разноцвѣтными огнями. Множество плошекъ укра-

шало домы и улицы. Въ разныхъ мѣстахъ блистали разныя прозрачныя картины въ честь знаменитому дню. — По всемъ площадямъ и улицамъ играла музыка. И Нѣмцы, у которыхъ привычка гасить огонь въ 10 часовъ вечера, сдѣлалась почти закономъ, разхаживали толпами по городу и учились у Русскихъ кричать: *ура!*—Сонъ въ сей освѣщенной ночи уступилъ мѣсто веселости, и не прежде одержалъ надъ нею верхъ, какъ съ утреннею зарею.—

Конецъ седьмой книжки.

РУСКОЙ ВѢСТНИКЪ

НА 1814 ГОДЪ.

Книжка 8.

ПИСЬМА
РУСКАГО ОФИЦЕРА.

Марта 15.

Я тебѣ еще очень мало говорилъ о Фраушштатѣ, гдѣ мы такъ долго стоимъ.—По Нѣмецки Фрауштатъ, а по Польски *Всхова*, есть послѣдній или, какъ Одуна и Равичь, пограничный городъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ. За Одеромъ начинается Силезія. Въ семъ Польско-Нѣмецкомъ городѣ видишь смѣшеніе лицъ, нравовъ и обычаевъ. Противуположность замѣтнѣе въ женщинахъ. — Эта томная, блѣдная, но веселая, острая, легкая, шутливая, роскошная, блестящая царица на балахъ, повелительница

въ обществахъ, крылатая въ *мазуркѣ*, страстная любовница и не совсѣмъ надежная жена—это *Полька!* — А эта полная, бѣлая, румяная, благоразумная, но не остроумная, трудолюбивая, заботливая хозяйка, вѣрная жена, добрая мать семейства — это *Нѣмка!* Ее вѣчно видишь въ домашнихъ трудахъ; на балахъ танцуетъ она только тихій *вальсъ*.—Даже и въ малыхъ дѣтяхъ видна сія разница: тотчасъ можно отличить Польку отъ Нѣмки. Впрочемъ здѣсь, какъ видно, доставляютъ дѣтямъ прекрасное воспитаніе. Десятилѣтнія дѣвочки восхищаютъ своимъ умомъ и талантами.

Фрауштатъ. Марта 18.

Здѣсь самое лучшее время, совершенная весна. Въ полѣ такъ

весело! воздухъ такъ свѣжъ, такъ сладокъ! Его глотаешь какъ нектаръ. Пѣніе жаворонковъ такъ и льется подъ небесами! Окрестности Фрауштата живописны. Открытыя поля, холмы, начинающіе зеленѣть, гремящая Глогау, длинное протяженіе синѣющагося Одера, отдѣленнаго лѣсами: все сіе вмѣстѣ составляетъ прелестную картину для глазъ. Здѣсь начинаютъ уже копать огороды и садить цвѣты. Какъ пріятно гулять по здѣшнимъ полямъ! Чистый воздухъ, картинная природа, уединеніе — такъ услаждаютъ чувства, такъ нѣжатъ душу, такъ располагаютъ ее къ дружбѣ, къ любви и добру. Но, увы! можно ль предаваться симъ нѣжнымъ чувствамъ въ то время, когда война сгущаетъ громовыя тучи и смерть машетъ надъ нами косою? —

22 Марта.

Мы получили повелѣніе идти въ *Бунцлау*, за Одеръ, въ Саксоніи. Войска двинулись, обозы потянулись. Сего дня были мы здѣсь въ послѣдній разъ въ театрѣ. По окончаніи оперы *Сельской праздникъ*, вдругъ появились два генія, держащіе щитъ, въ которомъ вкругъ вензеля Генерала Милорадовича изображены были побѣды его въ *отечественной войнѣ* и нарисованъ *мечъ за спасеніе Букареста*. Внизу пылали слова: „Честь и слава побѣдоносному Рос„сійскому *авангарду* и знаменитому „Вождю *Милорадовичу!*“ Въ слѣдъ за симъ появилась молодая актриса, прочла стихи и бросила Генералу букетъ цвѣтовъ съ сими словами: „незабвенному Милорадовичу!“ — Завѣса поспѣшно спустилась; но громкія рукоплесканія долго продолжались. — Прощай въ Фраушштатѣ!

Завтра рано отправляемся мы въ Бунцлау. Многіе изъ нашихъ уже въ пути; Генералъ приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ.

Замѣчанія.

23. Изъ Фраушпата чрезъ мѣстечко *Шлиссенгейлиъ*, подъѣзжаемъ къ Одеру, и переправясь черезъ оный, ѣдемъ до Полковица, гдѣ ночуемъ, оттуда чрезъ *Гайнау* въ Бунцлау.

Что это за прелестная сторона! Нѣтъ уголка, который бы не былъ осмотрѣнъ, обработанъ и украшенъ. Какое волшебство превратило болотистыя Силезскія долины въ плодоноснѣйшія поля, провело возвышенныя *насыпныя дороги*; обсадило ихъ липами, тополями и даже плодовитыми деревьями; какое искусство превра-

шило дикіе лѣса вѣ рощи; рощи вѣ сады; деревни вѣ мѣстечки; мѣстечки вѣ города? — Все это сдѣлалось трудомъ жителей и дѣятельностію *правительства*.

Подлѣ каждаго почти дома, сельскаго и городскаго, вижу виноградъ. Онъ распускаетъ вѣтьви свои по всей стѣнѣ, подымаясь до самой кровли. Выглянешь въ окно — и полныя виноградныя кисти сами просятся въ роть! —

Посмотрите на эти высокія каменныя строенія, съ огромными конюшнями, скотными дворами, огородами, прекрасными садиками, цвѣтущими бесѣдками — какъ думаешь, что это? — Вѣрно господскіе домы, домы Князей и Бароновъ — нѣтъ! — Это деревня, гдѣ живутъ *Силезскіе крестьяне*. — Дивишься, — но вѣрьте! —

Пріѣхавъ 24 го, мы пробыли 6 дней въ Бунцлау. Это старинный городъ, очень недурной, имѣющій высокіе домы и двѣ превысокихъ башни.—Онъ стоитъ въ ямѣ. Одинъ изъ здѣшнихъ плотниковъ сдѣлалъ маленькій механическій театръ, гдѣ представляются *страсти Христовы*. . . . . — Въ другомъ мѣстѣ показываютъ сдѣланный предъ спмъ за 50 лѣтъ горшокъ, вышиною въ четыре аршина, куда входитъ 60 гарнцовъ крупъ. — Вотъ рѣдкости Бунцлавскія! —

Какъ умѣютъ Нѣмцы всемъ пользоваться и угождать всѣмъ необходимымъ нуждамъ. Куда ни посмотришь, на площадяхъ и улицахъ вездѣ фонтаны чистой воды. Въ однихъ поятъ лошадей, другіе доставляютъ городу воду, нарочно трубами проведенную.

Около всѣхъ почти огородовъ и садовъ, городу принадлежащихъ, проведены каналы, прегражденные заставками; каждый хозяинъ отворяетъ свои—и огородъ ею наводняется. — Здѣсь *засуха* не страшна. —

Окрестности Бунцлау картинны. Множество деревень, мѣстечекъ, каменныхъ домовъ и нѣсколько замковъ пестрѣютъ въ отдаленности. Впереди Дрезденская дорога. Вправо покатыя поля Пруссіи; а влѣво величественнѣйшая картина—*Исполинскія горы*, сливающіяся съ облаками и ярко блестящія бѣлизною снѣговъ, ихъ покрывающихъ. —

Бунцлау, 28 Марта. Пожаръ.

Въ 12 часовъ ночи закричали Нѣмцы: Feuer! — и все всполохнулось. Пожаръ былъ верстахъ въ 8-ми

за городомъ. Генералъ захотѣлъ тамъ быть; приказалъ осѣдлать лошадей и мнѣ велѣлъ ѣхать съ нимъ. Пріѣзжаемъ и видимъ стѣны высокаго дома, конюшни, скотные дворы, сараи: словомъ, огромное хозяйственное заведеніе пылаетъ въ огнѣ. — Чей это домъ, не господской ли? — Нѣтъ! это простаго крестьянина *Вильгельма Сакса*. Порядокъ при потушеніи пожара удивительный. Три исправныя трубы — замѣтьте, что это въ деревнѣ — брызжатъ ручьями воду — сраженіе двухъ стихій ужасно — но огонь долженъ уступить усердію искусныхъ Нѣмцовъ. На пожаръ сбѣгаются только тѣ, кому назначено; прочіе въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ горящаго дома очень покойны. Отъ чего же они покойны? Отъ увѣренности, что всѣ мѣры

уже приняты къ потушенію пожара и сбереженію ихъ домовъ. И самъ хозяинъ, который всего лишился, не стонетъ и семья его не плачетъ, не вопитъ—они какъ будто надѣются, что домъ ихъ будетъ фениксомъ и возродится изъ пепла. Здѣсь такая надежда позволительна. Здѣсь всякой нещастный можетъ полагаться на помощь сосѣдей и правительства. Сосѣди примутъ пострадавшаго отъ пожара съ семействомъ его въ свои домы, успокоятъ, утѣшатъ его, сдѣлаютъ на первый разъ ему денежный сборъ; а правительство построитъ ему прекрасный домъ и вознаградитъ большую часть убытковъ. Гдѣ же правительство возметъ на все это денегъ? — У поселянъ же. Каждый платитъ извѣстную подать, очень небольшую, изъ которой составляютъ *пожарныя* и прочія *суммы*.—

Въ *Пруссіи* благодѣтельное правительство, подобно въ семъ случаѣ солнечнымъ лучамъ, которыя извлекаютъ влагу изъ земли для того только, чтобы послѣ оживлять ее же благотворными дождями. Генералъ Милорадовичъ, принимающій всегда участіе въ нещастныхъ, приказалъ Козакамъ, за нами пріѣхавшимъ, помогать жителямъ тушить пожаръ; говорилъ много съ самимъ *Саксомъ*, далъ ему *горсть червонцевъ*—и мы уѣхали.

29 Марта. Бунцлау.

Саксонія, прелестная Саксонія отворяетъ намъ врата и объятія свои. Мы идемъ къ Эльбѣ. Скоро можетъ быть встрѣтимся съ непріятелемъ и обагримъ кровью разцвѣтающія долины прекрасной земли.—Готовясь къ походу, у насъ

поютъ авангардную пѣсню, которую къ тебѣ за новость посылаю.

Авангардная пѣсня. (На голосъ: *Въ чистомъ полѣ подъ шатромъ.*)

1.

Скоро зовъ послышимъ къ бою
И пойдемъ опять впередъ;
Милорадовичь съ собою
Насъ къ побѣдамъ поведетъ!—

2.

Надъ Дунайскими брегами
Слава дѣлъ его гремитъ;
Гдѣ ни встрѣтится съ врагами,
Вступитъ въ бой—враговъ разитъ.

3.

Вязьма, Красной, Ней разбитый;
Будутъ вѣкъ гремѣть у насъ;
Лавромъ мечь его обвитый
Букарестъ отъ бѣдствій спасъ.

4.

Чтобъ летать въ огни, въ сраженье,
И стяжать подѣдъ вѣнецъ,

Дай одно лишь мановенье
Вождь полковъ и Вождь сердецъ! —

5.

Другъ солдатъ! служить съ тобою,
Всѣ желаніемъ горятъ;
И въ трудамъ, готовымъ къ бою,
Общимъ гласомъ говорятъ:

6.

„Милорадовичь гдѣ съ нами,
„Лавръ повсюду намъ цвѣтетъ;
„Съ *вѣрой*, съ *нимъ* и со *штыками*
„Руской строй весь *свѣтъ* пройдетъ!...“

Марта 31. Саксонскій городъ Геплицъ.

Восхищенный прекраснымъ мѣстоположеніемъ *Геплица*, забылъ я всю усталость; проѣхавъ рысью отъ Бунцлау до сюда 40 верстъ верхомъ въ 6 часовъ времени. Какой прекрасный городокъ!... Онъ

уже въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ живописные, картинные виды восхищали насъ издали. Городъ на высокихъ холмахъ. Свѣтлая рѣка *Нейзе*, въ обработанныхъ, какъ садъ, берегахъ своихъ, извивается у подошвы ихъ. По всей крутизнѣ берега домы, одни выше другихъ въ амфитеатрѣ построенные, составляютъ прелестнѣйшую для глазъ картину. Главная улица въ городѣ очень широка, и, равно какъ и всѣ прочія, вымощена камнемъ. Домы превысокіе, въ 4, 5 и 6 этажей. Почти во всѣхъ свѣтъ входитъ съ самаго сверху во внутреннiе коридоры, какъ будто съ неба въ глубокую пещеру. — Женскій полъ здѣсь прекрасенъ. Поселянки, съ алыми повязками на головѣ, румянцемъ, бѣлизною лицъ и даже самою одеждою походятъ на нашихъ Приволжскихъ красавицъ. — Изъ

Бунцлау по дорогѣ въ *Герлицъ* виды перемѣняются, какъ Китайскія тѣни. Сперва ѣдешь полями, потомъ встрѣчаешь лѣса; а далѣе безпрестанно видишь цѣпь исполиновъ. —

Въ теченія шести часовъ были мы въ трехъ разныхъ державахъ: въ Силезіи, Богеміи и Саксоніи. Прилежащая здѣсь часть Богеміи лѣсиста и мало населена.

Лишь только успѣлъ я написать къ тебѣ сіи строки, какъ послышался на улицахъ страшный шумъ; Нѣмцы звонили въ колокола и кричали: Feuer! —Пламя вспыхнуло въ предмѣстіи и вѣтеръ началъ раздувать его. Но дѣятельность Нѣмецкая и бывшіе тутъ Ахтырскіе гусары вскорѣ утушили пожаръ. Генералъ Милорадовичъ особымъ приказомъ благодарилъ Ахтырцовъ за расторопность и усердіе ихъ.

Между тѣмъ, какъ Александръ Первый идетъ потушить всеобщій пожаръ Европы, западными вѣтрами развѣваемый; войска Его гасятъ пожары городовъ и селъ: подданные достойны Государя!...

По извѣстіямъ видно, что *Наполеонцы* отступаютъ за Эльбу. Партизаны: Давыдовъ, Орловъ и Гейсмаръ отнѣснили непріятеля отъ Дрездена, и первый изъ нихъ вступилъ въ столицу сію съ своимъ отрядомъ.—Французы, кажется, дышатъ разрушеніемъ! Изящнѣйшіе памятники искусствъ и художествъ, нощаженные стихіями и временемъ, не избѣгаютъ ихъ злости. Давустъ велѣлъ подорвать прекраснѣйшій въ Европѣ Дрезденскій мостъ. Исторія пишетъ имя его на свинцовой скрижалѣ своей подлѣ именъ *Герострата* и *Омара*.

Какое печальное извѣстіе! Говорятъ, что Свѣтлѣйшій Князь очень занемогъ и пріостановился въ *Бунцлавѣ*. Но лучшіе Доктора при немъ: *Вилье*, извѣстный искусствомъ и великою опытностію своею; Гуфландъ, такъ прекрасно писавшій о возможности продолжать жизнь человѣческую, и прочіе. О! да продлятъ врачи сіи дни мудрѣйшаго и щастливѣйшаго Полководца нашихъ временъ! Россія и войска молятъ о семъ. Сего желаетъ Европа; а мы будемъ надѣяться! —

Дрезденская дорога очень не широка, но вездѣ, гдѣ грунтъ песчанъ, вымощена камнемъ — сколько трудовъ! —

Естьлибъ какая-нибудь волшебница захотѣла потѣшить васъ и выдвинуть на дорогу, по которой будете ѣхать, какъ можно болѣе господскихъ домовъ, прекрасныхъ

городковъ, садовъ, прелестныхъ деревень, картинныхъ видовъ: то все это не было бы лучше—*Дрезденской дороги.*—

Поздо вечеромъ пріѣхали мы въ Бауценъ, также прекрасивйшій городокъ, имѣющій болѣе 5000 жителей. Старшины города встрѣтили Генерала, и вмѣстѣ съ ними явилась прекрасная музыка. Бауценъ имѣетъ 500 человѣкъ городовой Гвардіи, въ прекрасные зеленые мундиры одѣтой.

2 Апрѣля.

Сего дня по утру является къ намъ городской гвардейской солдатъ, и проситъ очень учтиво, чтобы отпустить четырехъ лошадей, которыя привезли вчера чемоданы наши; а на мѣсто оныхъ вызывается представить намъ

тотчасъ свѣжихъ, которыя уже заготовлены въ городѣ. Былоль бы кому-нибудь дѣло до обывательскихъ лошадей въ другой землѣ?—

Въ Польшѣ, на примѣръ, объ нихъ совсѣмъ забыли, надобно самому кричать и требовать; а безъ того лошади и подводчикъ прежде умрутъ съ голоду, нежели ихъ перемѣнятъ. А здѣсь солдаты обходятъ нарочно всѣ квартиры и вездѣ сами перемѣняютъ лошадей. Какая заботливость! какой порядокъ! Нѣтъ ни ссоръ, ни взятокъ, ни притѣсненій. Солдатъ, такъ много заботящійся о пользѣ и спокойствіи гражданина, заслуживаетъ уваженіе, хотябъ и никогда не былъ на полѣ сраженія.

Въ Саксоніи теперь нѣтъ ни Короля, ни Министровъ: они всѣ уѣхали; а все идетъ такъ хорошо! Во всемъ удивительный порядокъ!

Отъ чего бы это?—Объ этомъ надобно писать пространныя разсужденія. Главная жъ причина есть та, что всякой твердо знаетъ должность свою и привыкъ оную исполнять.

Каково намъ здѣсь теперь?

Климатъ лилѣетъ насъ. По прекрасной дорогѣ, среди прелестныхъ видовъ, подъ пѣніемъ птицъ, ѣдемъ мы далѣе и далѣе впередъ. Насъ встрѣчаютъ, какъ избавителей. Входишь въ домъ, на квартиру, все готово. Добрые хозяева принимаютъ насъ, какъ любезнѣйшихъ гостей. Неотступно спрашиваютъ, что угодно ѣсть и пить, въ которомъ часу прикажешь завтра будить себя, какой приготовить завтракъ и на сколько особъ?

Въ комнатахъ все такъ порядочно, чисто! Прелестная хозяйская дочь играетъ на фортепіано, на гитарѣ, поетъ, показываетъ свой альбомъ и рисунки — и вдругъ потомъ очутится на кухнѣ, помогаетъ готовить кушанье — таковы Нѣмки! У насъ это странно; но къ нимъ очень пристало: это дѣлаетъ прекрасныхъ еще прелестнѣе. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь нѣтъ женщины, которая не была бы прекрасна, естьли не лицомъ, то стройностію стана и множествомъ пріятностей.—

Въ Бауценѣ течетъ *Шпрея* еще въ младенчествѣ, ручейкомъ; истокъ ея въ Богеміи; а въ Берлинѣ имѣетъ она красу и величіе рѣки. Почти во всей Саксоніи на каждой квадратной милѣ считается по 4000 жителей: каково населеніе!

Наши занимавшели квартиръ уже въ Дрезденѣ. Нѣкоторые изъ Адъютантовъ нашихъ ѣдутъ прямо въ Дрезденъ; иду сей часъ просить у Генерала позволенія ѣхать туда же. Хочу взглянуть на столицу Саксоніи прежде, нежели придутъ въ нее войска и суеты. —

Апрѣля 23, по утру рано. Дрезденъ.

Дрезденъ, Дрезденъ хочу я видѣть! сказалъ я вчера самъ себѣ: сѣлъ на быстраго Донца и помчался вмѣстѣ съ другими по прекрасной дорогѣ въ столицу Саксоніи. Перо и кисть выпадутъ изъ рукъ, естьли станешь описывать ближайшія окрестности Дрездена. Чтобъ имѣть о немъ понятіе, представь, что самъ *Робертсонъ*, со всею своею *фантасмагоріею*, лепитъ передъ тобою и раздвигаетъ одну

за другою прелестнѣйшія картины. Вотъ прекрасная роща! вотъ тучная, свѣжая долина! вотъ пространное зеркало воды, спокойно лежащее на шелковой зелени луга! вотъ оврагъ глубокой, берега его круты и скалисты; онъ наполненъ прекраснѣйшими плодовитыми деревьями. Какъ восхитительна здѣсь природа своею величественною угрюмостію, священною мрачностію; но *искусство* закралось въ ея святилище; оно провело дорожки—и онѣ бѣлѣютъ; послало цвѣтущіе ковры зелени—и они улыбаются; разбросало по рѣчкамъ и ручейкамъ красивые мостики — и они очаровываютъ взоръ!—Прибавь къ сему дворцы, палаты, въ древнемъ и новомъ вкусѣ—и будешь имѣть, хотя очень темное понятіе объ окрестностяхъ Дрездена, великолѣпному

саду подобныхъ. При въѣздѣ въ городъ нѣтъ ни огромныхъ старинныхъ воротъ, ни черныхъ башенъ, ни стѣнъ, ни валовъ. Мы вошли *въ Нейштатъ гуляючи*, какъ въ лѣтній садъ. Свѣтлая луна, какъ будто любуясь прекрасною столицею, смотрѣла на нее полнымъ лицемъ и щедро разсыпала серебреные лучи свои. Широкія улицы, домы, одни другихъ прекраснѣйшіе, и длинныя алеи каштановыхъ и вишневыхъ деревъ манятъ насъ въ себѣ. Прелестная Эльба издали улыбается; подходишь ближе, и слышишь шумъ и ропотъ ея: она жалуется на жестокость Французовъ, сорвавшихъ самыя *лучшія перла изъ ея ожерелья.* — Вотъ этотъ удивительный мостъ! Изъ дикаго гранита, на высочайшихъ сводахъ, съ желѣзною рѣшеткою. Сколько Эльба украшаетъ

окрестности Дрездена, столько мостъ сей украшаетъ Эльбу. Но время кончитъ: кладу перо. Ъдемъ *встрѣчать войска.*—Прощай!—

Дрезденъ. 9 Апрѣля.

Всѣ лучшія картины и драгоцѣннѣйшія рѣдкости увезены изъ Дрездена въ извѣстный по неприступности своей замокъ Кенигъ-Штеинъ. Я спѣшу, въ свободныя отъ должности минуты, заглянуть въ лучшіе здѣшніе сады. — Сего дня были мы въ саду и домѣ кабинетъ Министра Графа Марколини. Садъ сей очень пріятенъ, потому что очень простъ. Въ немъ отличается огромный водометъ, украшенный колосальною группою баснословныхъ статуй: морскіе кони, дельфины и проч. льютъ и брызжутъ воду рѣками. Такая же

группа, въ маломъ размѣрѣ, сдѣлана изъ фарфора въ стеклянной галлереи дома. — Домъ Министра украшенъ также однимъ вкусомъ и простотою: роскошь изгнана изъ него. Подъ окнами огромныя клѣтки, съ серебреными и золотыми фазанами; послѣдніе, съ пламенно-розовыми перьями на груди, съ лазоревыми крыльями и золотыми гребнями, прелестны.—Въ одной залѣ нарисованы на стѣнахъ всѣ важнѣйшіе случаи въ жизни самаго Марколини. Въ одномъ мѣстѣ видишь, какъ онъ застрѣлилъ дикаго кабана, уже бѣжавшаго его разтерзать. Въ другомъ представлено опасное паденіе его съ лошади, которая испугалась дикаго звѣря на охотѣ.— Далѣе въ горахъ Италіи Марколини, застиженный разлитіемъ водъ, оставляя свои экипажи, съ женою и прекрасною дочерью своею пере-

правляется чрезъ горные протоки на мулахъ. Вотъ способъ напоминать себѣ достопамятнѣйшіе случаи своей жизни.

Народъ Саксонскій принимаетъ Русскихъ съ почтеніемъ и сердечною радостію. Все Русское входитъ здѣсь въ употребленіе. На многихъ домахъ надписи Нѣмецкія написаны Русскими словами, а на иныхъ и совсѣмъ по Руски, на примѣръ: „Потѣшныя палаты Его Королевскаго Высочества, Герцога Максимиліана.“ — Это Королевской братъ. Неоспоримо, что слава народа придаетъ цѣну и блескъ *языку* его. Слава сія утверждается побѣдоноснымъ оружіемъ. Теперь уже всякой Саксонецъ имѣетъ ручной Россійской словарь — и скоро, скоро можетъ быть, — какъ сладко мечтать о семъ! — богатый языкъ великаго отечества нашего загремитъ на бере-

гахъ Эльбы — и тамъ, гдѣ побѣда украшаетъ лаврами знамена народа Рускаго, станутъ читать Рускихъ писателей; станутъ дивиться Ломоносову, восхищаться Державинымъ, учиться у Шишкова, плѣняться Дмитріевымъ. . . .

Генералъ Милорадовичъ устроилъ такъ, чтобъ авангардъ нашъ въ теченіи трехъ дней разными отрядами проходилъ чрезъ Дрезденъ, дабы тѣмъ увеличить число войскъ въ глазахъ жителей. Отрядъ Графа Сентъ-Пріеста, Кавалерія и пѣхота, въ три разные дня имѣли три торжественныхъ входа въ городъ. Самъ Генералъ Милорадовичъ каждый разъ выѣзжалъ на встрѣчу войскамъ, сопровождаемый блестящимъ и многочисленнымъ конвоемъ. Жители бѣгали толпами и кричали: *ура!* — Сіе трекратное прохожденіе войскъ показало ави-

гардъ нашъ весьма многочисленнымъ. Но въ самомъ дѣлѣ духъ бодрость и свѣжесть войскъ не замѣняетъ ли многочисленность?

Извѣстный Прусскій Генералъ Блюхеръ, Генералъ Винценштейнъ и всѣ Партизаны наши сосредоточиваются за *Эльбою*. Нашъ авангардъ займетъ *Фрейбергъ* и *Хемницъ*. Наполеонъ уже опять при своихъ войскахъ—скоро можетъ дойти до дѣла.—Но покуда услышимъ въ близи ревъ смерти и свистъ пуль, сходимъ въ великолѣпную Католицкую церковь послушать превосходной музыки — сего дня ихъ страстная суббота.

10 Апрѣля. Дрездень.

Всѣ войска авангардомъ уже пошли къ *Хемницу*. Генералъ Милорадовичъ

и мы всѣ спѣшимъ въ слѣдъ за ними. Завтра или чрезъ два дня прибудетъ сюда самъ Государь съ главною арміею, и Свѣтлѣйшій Князь, естьли ему станетъ легче, не умедлитъ обрадовать народъ и войско прибытіемъ своимъ сюда же. — Я сей часъ отъ Генерала. Онъ велѣлъ подать хозяину трактира щотъ за пять дней; денегъ надо было платить много! трактирщикъ за все почти ставилъ въ двое; Генералъ приказывалъ платить безпрекословно. Трактирщикъ кланялся очень низко, загребалъ деньги и увѣрялъ, что Французскіе Маршалы не имѣютъ даже понятія о таковомъ великодушіи: они пользуются по всюду правомъ войны! . . . У Генерала завтракалъ Министръ Балашовъ. Въ разговорахъ о заведеніяхъ, свойствахъ и обычаяхъ Нѣмцовъ онъ сдѣлалъ одно весьма остро-

умное замѣчаніе о медлительности ихъ въ умственныхъ соображеніяхъ. „Войдите въ лавку къ Нѣмецкому купцу, прекрасно одѣтому и воспитанному въ какомъ нибудь Университетѣ; возьмите у него разныхъ товаровъ на сто талеровъ; велите сдѣлать щотъ, и ему нужно четверть, а иногда и полчаса для вычисленія: онъ считаетъ и пересчитываетъ, тогда, какъ Русской бородачь поводитъ перстами по щетамъ, и въ пять минутъ скажетъ вамъ, сколько ему слѣдуетъ.“ Нѣтъ ничего справедливѣе такого замѣчанія.

Невольно отдашь справедливость и тому, кто сдѣлалъ его. Всякой Руской душевно порадуется, что Министръ его отечества съ такимъ вниманіемъ всматривается въ нравы, обычаи, образъ жизни и учрежденія чуждыхъ народовъ, за-

мѣчая все могущее быть полезнымъ для своего. — Богъ одарилъ Русскихъ острымъ умомъ, а Россію всѣми дарами своими.—Она должна быть щастлива! —

14 Апрѣля. Хемницъ.

Изъ Дрездена ѣхали чрезъ *Герцогсъ-Вальдъ*, *Фрейбергъ*, *Одеранъ*, *Хемницъ*. — *Фрейбергъ*, кромѣ бывшаго при немъ сраженія въ 17, достопамятенъ еще славными рудокопами. Горное искусство доведено тамъ до высшей степени. Профессора преподаютъ науку о ископаніи рудъ. Изъ разныхъ частей свѣта пріѣзжаютъ ей учиться. Здѣсь цѣлый *горный народъ*. 6000 Безпрестанно роются подъ землею. Дѣти наслѣдуютъ отцамъ въ ихъ искусствѣ и въ ихъ болѣзняхъ; ибо всякой

горной работникъ—*Бергманъ* — въ придцать лѣтъ получаетъ уже *горную чахотку*. Это доказываетъ, что для блага человѣка несравненно полезнѣе обрабатывать поверхность земли, нежели рыться въ глубинѣ ея! —

Хемницъ, прекрасный городокъ, славится рѣдкими своими фабриками и красотою женщинъ. Здѣсь есть также, какъ въ *Варшавѣ*, *ванны;* но съ тою выгодою, что можно купаться въ какой вамъ угодно водѣ: въ *Теплицкой*, *Карлсбадской*, *Пирмонтской*, и *проч.* Сего дня купались мы въ морской ваннѣ; завтра будемъ купаться въ желѣзной; а пьемъ всякой день Зельцерскую воду. Кто захочетъ, можетъ нѣжиться въ ароматныхъ ваннахъ. — Но теперь не время нѣжиться: уже гремитъ труба, зовущая насъ въ огни сраженій.

Правда, роскошные осаждатели Трои, какъ говоритъ Гомеръ, изъ купаленъ ходили на бой и послѣ боя погружались въ ароматъ ванны. Но то было время, если оно когда нибудь было—а теперь иное! Грязное поле, труды и непогоды: вотъ наша участь! —

15 Апрѣля. Хемницъ.

Я былъ въ механическомъ мірѣ. Что за чудеса искусства! Какое облегченіе въ ручныхъ работахъ, какая польза для промышленности та прядильная машина, которую я сего дня видѣлъ. Огромнѣйшее зданіе, въ нѣсколько этажей, занято сею машиною. Входите и удивляетесь, видя такое множество бездушныхъ вещей въ движеніи. Тамъ крутятся колеса, тамъ

обращаются валы, тамъ стучатъ берда и гребни; множество ремней, какъ облака, волнуются въ верху подъ потолкомъ и помогаютъ движенію валовъ и колесъ. Сотни веретенъ, въ быстромъ движеніи, прядутъ очень тонко хлопчатую бумагу. Шумъ, трескъ, стукъ и скрыпъ наполняютъ все зданіе. Здѣсь все ходитъ, движется, живетъ; а причиною движенія — большое *горизонтальное колесо*, весьма не сильною водою, изъ небольшаго озера вытекающею, въ движеніе приведенное. Сіе-то колесо заставляетъ крутиться въ 3 хъ этажахъ множество валовъ, шестерней, безконечныхъ винтовъ и тысячи веретенъ. Каждое отдѣленіе имѣетъ по нѣскольку становъ, каждый станъ по нѣскольку десятковъ веретенъ и колесо, движущее его. Здѣсь вѣсятъ, бьютъ, очища-

тотъ, прядутъ и подводятъ подъ пробу бумагу.—Прекрасное заведеніе, прекрасная работа; но всего прекраснѣе—работницы! это прелестныя молодыя дѣвушки изъ Хеминица.....Каждая изъ сихъ трудолюбивыхъ красавицъ можетъ получать до 2 хъ талеровъ въ недѣлю: въ два, три года можетъ составить себѣ прекрасное *приданое*. Вотъ рѣдкая выгода для нравовъ! вотъ способъ для предохраненія беззащитной невинности отъ нищеты, ведущей къ разврату. Скромная дѣвушка работаетъ нѣсколько лѣтъ на фабрикѣ, получаетъ чрезъ то приданое, выбираетъ молодаго человѣка по сердцу, выходитъ за него по любви и приученная къ трудамъ, становится попечительною хозяйкою, вѣрною женою и доброю, заботливою матерью семейства. Праздность, ро-

скошъ и разсѣянность не заражаютъ ее своими отравами. Фабрика, нами видѣнная, принадлежитъ Господину *Бекеру*. У него же и синцовыя, которыя не уступаютъ Англинскимъ, фабрики.—Вездѣ торжество промышленности, труда, искусствъ и художествъ.

Все движется! . . . Главная квартира авангарда переходитъ въ *Пенигъ*, три мили въ право отъ *Хемница*, конечно для того, чтобъ сосредоточиться болѣе съ *Блюхеромъ*, находящимся въ *Альтенбургѣ*. — Французскіе аванпосты между рѣками *Салою* и *Ельстеромъ*. Маршалъ Нейвъ Веймарѣ. Наполеонъ самъ при войскахъ своихъ.—

Посмотри на карту, ты увидишь, что Хемницъ, Пенигъ и про-

чіе Саксонскіе городки означены небольшими кружками; разпространи ихъ воображеніемъ своимъ, наполни прекрасными домами, садами, фабриками, окружи картинною цѣпью холмовъ и насели добрѣйшими людьми—и ты будешь имѣть понятіе о таковыхъ городкахъ, изъ числа которыхъ есть и Пеннигъ, гдѣ мы только ночевали.—

Апрѣля 18. Альтенсбургъ.

Оставя въ *Пеннигѣ* всѣ обозы, всѣ тяжести, мы подвинулись еще въ право въ *Альтенсбургъ*, съ тѣмъ, чтобъ занять близъ него *позицію* и нажидать непріятеля. — Альтенсбургъ, огромный, красивый и великолѣпный городъ Герцога Гот-саксkаго. Всего примѣчательнѣе огромный старинный замокъ, поставленный

на высочайшей скалѣ и въ основаніи своемъ имѣющій цѣлый холмъ дикаго гранита. Въ семъ замкѣ показываютъ въ числѣ прочихъ рѣдкостей *окно*, чрезъ которое украдены были малолѣтные *Альбертъ* и *Эрнестъ*, дѣти Герцога. Случай сей достопамятенъ въ Саксонской исторіи; ибо отъ нихъ произошли двѣ наслѣдственныя линіи: Альбертинская и Эрнестинская.—

19 Апрѣля по утру. Альтенсбургъ.—

Наконецъ сбылись мрачныя предчувствія, оправдались печальныя догадки; неумолимой судьбѣ или непостижимому Провидѣнію угодно было лишить насъ великаго человѣка!... Его уже нѣтъ!... Въ Бунцлавѣ прекратилась жизнь его.— Давно ли, вызванный изъ глубокаго

уединенія общимъ голосомъ народа, возсталъ онъ отъ бездѣйствія и ополчился великимъ умомъ своимъ на защиту отечества? Давно ли грады и области называли его спасителемъ, матери несли младенцевъ и внуки вели дѣдовъ своихъ, чтобъ удостоиться его лицезрѣнія? Давно ли самъ Государь назвалъ его Свѣтлѣйшимъ и Фельдмаршаломъ?—Еще не обсохла кровь враговъ, пролитая имъ на поляхъ Бородинскихъ; еще не изтлѣли трупы ихъ, которыми устлалъ онъ великое пространство отъ Оки до Немана; еще блестятъ трофеи, имъ собранные, зеленѣютъ лавры, имъ пожатые; еще не успѣла обтечь кругъ земной слава, гремящая о немъ.... А его уже нѣтъ!

Чтожъ значитъ въ мірѣ семъ слава? что значитъ величіе людей?..... Поэты земли Русской!

передайте потомству стоны сэотчичей своихъ въ печальныхъ звукахъ вашихъ лиръ! —

Взглядъ на движеніе авангарда предъ Люценскимъ сраженіемъ.

Около половины Апрѣля непріятель началъ показываться въ большихъ силахъ близъ города *Наумбурга*, извѣстнаго въ 30-*лѣтней войнѣ*, когда оружіе *Гусситовъ* гремѣло въ Германіи; отряды и передовые посты его разпространялись между рѣками Салою и Эльстеромъ. Намѣреніе его, устремиться на *Лейбцигъ*, для разхищенія славной ярмарки, часъ отъ часу становилось болѣе явнымъ. А посему и всѣ Россійско-Прусскія войска сосредоточивались въ окрестностяхъ сего города. Въ сіе время авангардъ главной арміи, подъ начальствомъ

Генералъ отъ Инфантеріи *Милорадовича*, изъ разположенія своего при *Хемницѣ*, предпринимаетъ косвенное движеніе въ право. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, слѣдуя сему направленію, и движеніемъ своимъ прикрывая всѣ дороги въ Дрезденъ ведущія, *авангардъ* разсылаетъ впередъ отряды до *Цвихау*, *Плауена*, *Гофа*, *Лобенштейна* и *Геры*, для развѣдыванія о непріятелѣ; а между тѣмъ постепенно приближаясь къ *Лейбцигу*, занимаетъ *Пеннигъ*, *Альтенсбургъ* и *Цейцъ*, болѣе или менѣе останавливаясь въ каждомъ изъ сихъ мѣстъ.

20 Апрѣля, въ 2 часа по полудни.

Съ первымъ лучемъ зари выступили мы изъ Альтенсбурга въ Цейцъ. Едва прошли милю, какъ услышали пушечные выстрѣлы.

Чѣмъ далѣе подавались впередъ, тѣмъ слышнѣе становились они; наконецъ облака дыма на краю горизонта, блескъ обширнаго зарева и всѣ признаки великаго сраженія представились глазамъ нашимъ. — Тамъ на дорогѣ въ Наумбургъ, близъ *Люцена*, гдѣ уже одинъ разъ въ 1652 году рѣшалась судьба Германіи и гдѣ путешественники привыкли останавливаться надъ памятникомъ великодушнаго *Густава Адольфа*; тамъ сражались, теперь за жребій всей Европы. Наполеонъ съ великими силами ломился въ сердце Пруссіи. Россійско-Прусскія арміи, подъ начальствомъ Графа Витгенштейна и Генерала Блюхера, встрѣтили его — и они сражаются! . . . . Авангардъ нашъ, съ поспѣшностію достигнувъ *Цейца*, сталъ въ боевомъ порядкѣ на выгодныхъ высотахъ вокругъ онаго.

Жители изъ города и окрестныхъ деревень, идутъ толпами въ лагерь, неся добровольно солдатамъ нашимъ вареное кушанье и вина. — Солдаты готовы сражаться за такихъ добрыхъ людей и за прекрасную землю ихъ.

Въ 6 часовъ по полудни.

Съ высоты древняго и прекраснаго замка въ Цейцъ смотрѣли мы на сраженіе, кипѣвшее за двѣ отсюда мили. Долго громъ раздавался на одномъ мѣстѣ; наконецъ дымъ и выстрѣлы начали отдаляться — и всѣ сердца наполнились пріятнѣйшимъ предчувствіемъ, что непріятель отступаетъ. Генералъ Милорадовичъ во все сіе время не сходилъ съ балкона, прилѣжно наблюдая въ зрительную трубу и взглядывая на карту; еще въ пер-

вый разъ въ жизни смотрѣлъ онъ на сраженіе, не участвуя въ немъ. Нѣсколько разъ объѣзжалъ онъ полки, спрашивалъ солдатъ, хотятъ ли они драться — и всеобщій голосъ былъ: ура! готовы впередъ! Я не знаю для чего мы оспаемся праздными свидѣтелями общаго сегодняшняго дѣла: 15.000 лучшихъ солдатъ, 80 пушекъ и Генералъ-Милорадовичъ могли бы сдѣлать немалый переѣздъ. — Но говорятъ, что непріятель отрядилъ сильную колонну на ту дорогу, которую мы заслонили — послѣдствіе все объяснитъ.—Громъ пушекъ опять усиливается, небо дымится! Народъ и войска молятъ Бога, да благословитъ Онъ оружіе правыхъ, да увѣнчаетъ славою побѣды Императора и Короля.—

Въ сію минуту получилъ Генералъ Милорадовичъ отъ Партизана

Полковника Орлова рапортъ, кото
рый стоя съ отрядомъ своимъ н
высотахъ близъ деревни *Вебау*, ви
дѣлъ все сраженіе и въ коротких
словахъ увѣдомлялъ, что непрія
тель, безпрестанно получавшій сі
курсы, принужденъ однакожъ был
уступить намъ на цѣлую мил
пространства; но къ нему подоспѣ
ли еще свѣжія войска, и сражені
воскипѣло съ новымъ жаромъ. —

12 Ночи.—

На городской башнѣ бьетъ пол
ночь; но спокойствіе не водворяет
ся въ городѣ. Все тоскуетъ и вол
нуется. Войска готовятся къ по
ходу. Кавалерія гремитъ по мо
стовымъ, проходя чрезъ городъ.
Пѣхота еще въ лагерѣ. Съ наступ
леніемъ ночи Генералъ Милорадо
вичъ приказалъ развести большіе

огни, дабы внушить непріятелю нѣкоторое опасеніе видѣть на крылѣ своемъ новое войско. Съ нашей стороны огни въ лагерѣ, съ противной пылающія окрестности Люцена, все небо обагрили заревомъ. Лошади наши осѣданы; мы готовы. Два часа дозволено намъ задремать; а съ разсвѣтомъ должны быть въ полѣ и въ дѣлѣ.—Прощай! —

22 Апрѣля. Мыстечко Фробургъ. Рано утромъ.

Весь вчерашній день провели мы въ движеніи. Будучи посланъ въ разныя мѣста, я проскакалъ болѣе 60 верстъ, и въ вечеру едва не падалъ съ лошади, которая и сама готова была упасть. Въ позднюю ночь уже войска наши сдѣлали весьма большой переходъ: чрезъ горы, ущелины и лѣса прибыли на-

конецъ къ *Фробургу*, гдѣ непріятель не могъ насъ ни откуда отрѣзать. Авангардъ нашъ становится опять арріергардомъ; ибо армія отступаютъ. Генералу Милорадовичу поручено, прикрывая ихъ, удерживать упорное стремленіе непріятеля.

Генералъ-Адъютантъ Князь Волконской извѣстилъ Генерала Милорадовича, что Государь поручаетъ ему учредить опять *Партизанскую войну*, для дѣйствія на сообщеніе непріятеля въ пространствѣ отъ *Ієны до Лейбцига*. — Съ сего времени не ожидай пространныхъ описаній. Мы въ арріергардѣ, слѣдственно въ безпрерывныхъ прудахъ и опасностяхъ. Не сходить по цѣлымъ суткамъ съ лошадей, валяться на сырой землѣ, не имѣть сна и хлѣба: вотъ что насъ ожидаетъ и что намъ уже не ново. Хотя Саксонія

и неменѣе прелестна, какъ древняя *Калу*; но мы не разпаяли въ роскоши какъ Ганнибаловы воины, и съ прежнею бодростію готовы терпѣть и сражаться. —

22, Поздно. Мьстечко Гейльд-гейнъ.

Соединенныя арміи отступаютъ за Эльбу; Наполеонъ ведетъ съ собою великія силы и тѣснитъ. Армія отступаетъ довольно покойно: арріергардъ выдерживаетъ весь напискъ; пока-мѣстъ отдѣлываемся кое-какъ перестрѣлками; скоро дойдетъ дѣло до сраженій. — Мой другъ! самая бурная осень не такъ обнажаетъ природу, какъ война опустошаетъ цвѣтущія области! Что сдѣлалось съ Саксоніею? мы не узнаемъ ее! Какая разительная во всемъ перемѣна! Домы пусты; лица мрачны; у насъ голодъ, у жителей стонъ. . . . . Уже Французы въ

Лейбцигѣ! . . . Опасность и тревога разпространяются по всюду. Всѣ ужасы войны постигаютъ прекраснѣйшую изъ странъ Германіи.— Нѣтъ больше силъ писать — сонъ давитъ меня. Каждая минута дорога. . . . Перо падаетъ изъ рукъ, а другъ твой на солому . . . Прощай! . . . .

23 Апрѣля, вечеръ. Городъ Вальдгеймъ.

Сей часъ только вышли мы изъ жаркаго дѣла. — Пальба началась еще съ самаго утра. Непріятель стремился овладѣть пространствомъ, отдѣлявшимъ насъ отъ Прусаковъ; захватить Вальдгеймъ, гдѣ сходятся дороги. Генералъ Милорадовичъ, быстрымъ разпоряженіемъ войскъ, уничтожилъ намѣренія его. Отрядъ Графа Сенп-Пріеста, неся непріятеля на плечахъ, дѣлалъ все то, что только могутъ

храбрые солдаты, имѣющіе благоразумнаго начальника — Генералъ Карпенко, всегда неразлучный съ передовою цѣпью своихъ стрѣлковъ, удерживалъ непріятеля по лѣсамъ и въ тѣсныхъ мѣстахъ. Кіевской полкъ, подъ командою Полковника Писарева, и нѣкоторые баталіоны другихъ гренадерскихъ полковъ, нѣсколько разъ пролагали себѣ путь штыками сквозь колонны, отрывавшія у нихъ дорогу. Самъ Генералъ Милорадовичъ такъ часто появлялся во всѣхъ мѣстахъ сраженія, что казалось, будто онъ былъ вездѣ. Полковникъ Сипягинъ не выѣзжалъ изъ подъ-пуль и съ такимъ же хладнокровіемъ разпоряжалъ движеніями войскъ въ огнѣ, какъ бы въ покойной комнатѣ. Наконецъ неуступчивость нашего арріергарда и удачное дѣйствіе пушекъ Полковника *Нилуса* остановили непрі-

ящеля версты за двѣ отъ *Вальдгейма*.—Потеря его весьма значительна, наша непримѣтна. —

Всѣ обозы и артиллерія тянутся за городъ, дабы заранѣе высвободиться изъ дефилей. Прочія войска расположены предъ городомъ. Ярко пылаютъ огни бивуаковъ. Добрые Саксонцы даютъ намъ послѣдніе куски зачерствѣлаго хлѣба: голодъ приправляетъ самую скудную пищу ; а удовольствіе побѣды заставляетъ забывать о всемъ претерпѣнномъ.—Что покажетъ завтрашній день? Отзовется-ль громомъ сраженія? — Сего дня слава Богу!—Прощай!—

24, Въ сумерки.

Сего дня Принцъ Евгеній Виртембергскій, командуя передовымъ отрядомъ , выдержалъ жаркой бой близъ деревни *Этсдорфа* и опроки-

нулъ несравненно превосходнѣйшаго въ силахъ непріятеля. Принцъ сей есть конечно одинъ изъ храбрѣйшихъ и любезнѣйшихъ Принцовъ въ Европѣ. Помня о службѣ и обязанностяхъ своихъ, онъ, кажется, вовсе не помнитъ о санѣ, чинѣ и высокой породѣ своей. Онъ уменъ, слѣдственно не гордъ. Часто разговаривать съ солдатами, ласкать Офицеровъ и жить на бивакахъ: вотъ обыкновенное его дѣло.—

24, Очень поздо.—Мыза близъ Носсена.

Непріятель остановился отсюда верстъ за пять. Генералъ Милорадовичь, Генералъ Уваровъ, командующій кавалеріею, Англинской Генералъ Вальсонъ, который ѣздитъ прогуливаться въ сраженія и не пропускаетъ ни одного почти аван-

гардскаго дѣла, всѣ вмѣстѣ заняли пространный, прекрасно убранный домъ. Я, будучи посланъ съ приказаніемъ, пріѣхалъ нѣсколько позже другихъ. Всѣ наши радовались свѣтлой и покойной квартерѣ. Одни играли на фортопіянахъ, другіе смотрѣли библіотеку. Я подумалъ было, что этотъ домъ, естьли не Князя, то по крайней мѣрѣ какого-нибудь Барона; но мнѣ сказали, что владѣлецъ его даже *не дворянинъ!* Крайне бы удивился сему, естьлибъ это было не въ Саксоніи. Двѣ прекрасныя дѣвушки, *Вильгельмина* и *Шарлотта*, играли на фортопіянахъ, пѣли, показывали свои рисунки, альбомы и въ то же время суетились по хозяйству; сами накрывали на столъ Генералъ, заботились о кухнѣ и вездѣ поспѣвали.—Онѣ разумѣли Французской языкъ, читали лучшія книги

на своемъ и сверхъ того были такъ добры, такъ любезны, что не льзя было не восхищаться воспитаніемъ сихъ *недворянокъ!* — Съ невинною простотою спрашивали объ сестры у Генераловъ: будетъ ли завтра здѣсь сраженіе? — Будетъ, отвѣчали имъ, и очень жаркое.—Такъ мы на зарѣ убѣжимъ къ нашей тетушкѣ въ горы, говорили онѣ, и просили только *охранной бумаги.*—

25. Въ 8 часовъ утра.

Уже раздалась пушечная пальба (обыкновенный ежедневный вызовъ къ бою), и мирныя окрестности застонали. Дождь ливмя льетъ. Наши богатые домосѣды въ такую пору и на охоту не выѣзжаютъ; а мы должны ѣхать — на сраженіе. Бѣдная *Вильгельмина* и *Шарлотта*, получа *охранной листъ*, бѣгутъ въ

горы; такъ спасаются невинныя горлицы отъ лютыхъ ястребовъ! Всѣ въ домѣ плачутъ; поселяне съ имуществомъ скрываются въ лѣса; матери уносятъ дѣтей: всѣ спасаютъ жизнь; а мы спѣшимъ — жертвовать ею!—Прощай!—

25, Въ вечеру. Городъ Вильсдруфъ.

Все платье на насъ хоть выжми! Цѣлый день были подъ дождемъ. Непріятель съ самаго утра началъ сбивать передовые посты. Мы предполагали защищать тѣсныя дефилеи по дорогѣ; но онъ не шелъ ими, а тянулся въ право по полямъ. Ему удалось поставить батарею на правомъ нашемъ крылѣ; орудія его были морскія и ядры хватали ужасно далеко. Мы уступали, сражаясь до самаго Вильсдруфа. Почти при началѣ сраженія стрѣлки Французскіе ворвалмсь въ ту мызу,

гдѣ мы ночевали, и начали все грабить и жечь.—

26. Дрезденъ. Вечеръ.

Вотъ мы опять въ Дрезденѣ, или лучше сказать, въ *Нейштатѣ*. Колонны авангарда, разными дорогами, быстро подвигались къ Дрездену; непріятель преслѣдовалъ слабо. День былъ прекрасенъ и солнце сіяло въ полномъ великолѣпіи. Быстро обскакали мы Дрезденъ, спѣша переправиться чрезъ понтонной мостъ; ибо большой горѣлъ. Каштановыя алеи цвѣли; въ воздухѣ разливалось благоуханіе. Великолѣпный Дрезденъ, увѣнчанный цвѣтами и зеленью садовъ, уподоблялся жертвѣ, обреченной на закланіе!—

Около 2 го часа по полудни Французы толпами ворвались въ городъ и какъ вода, разлились по улицамъ;

прибѣжали къ мосту, и, казалось, хотѣли перескочить черезъ Эльбу, чтобъ грабить Нейштатъ, который мы охраняли. Но не могши сего сдѣлать, начали стрѣлять; наши егери, засѣвшіе въ развалинахъ моста, отвѣчали имъ, и перестрѣлка не умолкала. Вскорѣ раздался по всему Дрездену колокольный звонъ и возвѣстилъ прибытіе *Наполеона*. И такъ въ сію минуту владычество Александра и противника его раздѣляла только одна рѣка. По сю сторону благословляли добродѣтельнаго защитника правъ Европы, по ту, со стономъ покорялись извергу. Французскіе офицеры, богато одѣтые, разположа въ разныхъ мѣстахъ музыку, прогуливались въ набережномъ саду съ Дрезденскими женщинами. Они конечно хотѣли осуществить мечту о золотомъ вѣкѣ и доказать, что тигры

могутъ гулять съ агнцами! Хотя съ ихъ и съ нашей стороны стрѣляли только вдоль по мосту: однако пули и картечи хватали далеко черезъ и свистали по улицамъ. Съ нашей стороны на концѣ моста возвышенъ былъ земляной *траверзъ*. Пули жужжали какъ пчелы; вездѣ носилась смерть. Можно было быть убиту на гуляньѣ, у окна; переходя изъ улицы въ улицу, сидя въ кругу мирнаго семейства; за столомъ, за стаканомъ мороженаго. . . .

Опасность была одинакова для обѣихъ сторонъ. Многіе изъ Французскихъ Офицеровъ, подходившіе на линію выстрѣловъ, упадали мертвыя къ ногамъ своихъ красавицъ. Музыка мѣшалась съ пальбою; стоны умирающихъ съ пѣснями веселящихся; жизнь съ смертію; многіе граждане, даже женщины и

малыя дѣти были ранены: вотъ въ какомъ состояніи была прелестная столица Саксоніи! . . . К вечеру, когда пальба начала нѣсколько затихать, вздумали мы взойти на мостъ, гдѣ такъ часто наслаждались весенними сумерками. Едва дошли до половины, какъ Французы открыли по насъ огонь; пули засвистали. . . . Мы сѣли на каменную скамью подлѣ желѣзной рѣшетки; щедрые пріятели на каждаго изъ насъ троихъ выпустили десятка по два пуль; большою частію онѣ летѣли чрезъ насъ, иныя однакожъ попадали въ рѣшотку подлѣ головъ нашихъ; наконецъ смерклось, все утихло, мѣсяцъ началъ посребрять городъ и мы пошли въ свою квартиру.—Но и тамъ немногіе безопасны были отъ пуль и картечь; ибо домъ, гдѣ стоялъ Генералъ Милорадовичъ, былъ на са-

вомъ берегу; ему старались дать сіе замѣтить: но Генералъ сей, хранимый своимъ Ангеломъ, надѣющійся на Бога какъ Суворовъ, не зналъ страха и спалъ спокойно подъ тучею смертей. За великіе труды, понесенные имъ въ теченіи послѣднихъ дней, къ нему по всей справедливости можно примѣнить стихъ славнѣйшаго изъ поэтовъ нашихъ, что: —

Свѣтило дня и звѣзды ночи,
Героя видятъ на конѣ. . . .

Безсонница и заботы подѣйствовали на его здоровье. Онъ заболѣлъ, извѣстилъ о семъ Главнокомандующаго Графа Витгенштейна, созвалъ всѣхъ Генераловъ и сдалъ командованіе арріергардомъ старшему по себѣ Князю Горчакову. И такъ мы на нѣсколько дней будемъ покойны.—Ночь и безмолвіе уже повсемѣстны; свѣча догора-

етъ, полно писать: задремлемъ, пока еще возможно! . . . .

28. Деревня Вейсигъ.

Вчера имѣли мы жаркое сраженіе. Оно началось тѣмъ, что Французы, подъ прикрытіемъ сильнаго картечнаго огня съ бастіона, на ихъ сторонѣ находившагося, нося фашины и доски къ пролому большаго моста, показывали видъ, будто хотятъ переправиться въ городъ, и до тѣхъ поръ толпились на мосту, пока нѣсколько удачныхъ нашихъ выстрѣловъ не смели ихъ дочиста съ онаго. Это была ложная переправа. Въ самомъ же дѣлѣ Наполеонъ, подвинувъ армію свою за четыре версты въ лѣво, приказалъ ей переправляться въ глазахъ своихъ подъ покровительствомъ великаго множества пушекъ, которыми унизанъ былъ высокой

въ томъ мѣстѣ берегъ. Съ нашей стороны Графъ Сенъ-Пріестъ, съ отрядомъ своимъ оставленъ былъ въ самомъ городѣ; а прочія войска небольшаго арріергарда нашего поспѣшали сопротивляяшься многочисленнымъ войскамъ Наполеона. Роты артиллеріи Нилуса и Башмакова подоспѣли туда же — и сраженіе загорѣлось. Непріятель засыпалъ насъ бомбами, гранатами и картечью. Наша артиллерія дѣйствовала искусно и удачно Солдаты дрались съ неимовѣрною храбростію. Оторванныя руки и ноги во множествѣ валялись на берегу, и многіе Офицеры и солдаты, лишась рукъ и ногъ, не хотѣли выходить изъ сраженія поощряя другихъ примѣромъ своимъ. Цѣлый день кипѣло сраженіе; но Наполеонъ не переправлялся. Къ вечеру бой укротился, и мы возвратились

по прежнему въ Нейштатъ ночевать. Мы бы могли еще держаться; но въ общемъ планѣ положено не удерживать, а только замедлить переправу Французовъ. Посему-то мы отступили и стоимъ теперь верстахъ въ 10 отъ Дрездена *въ деревнѣ Вейссигѣ*, Французы не безпокоятъ насъ сегодня. На передовыхъ постахъ все тихо. —

Вчера, во время самаго жаркаго дѣла, поселяне ближайшихъ окрестностей пахали землю; еще страннѣе: ѣдучи къ Графу Сенп-Пріесту съ приказаніемъ, я видѣлъ въ одной алеѣ, очень недалеко отъ того мѣста, куда падали ядра, порядочно одѣтаго человѣка, спокойно читающаго книгу подъ страшнымъ громомъ сраженія: должна быть очень любопытная книга! —

Оттуда я къ.

Нѣсколько изъ нашихъ Адъютантовъ заняли пустую избу. Всѣ поселяне, боясь Французовъ, ушли въ ближнія горы; но узнавъ, что не Французы, а Русскіе къ нимъ пришли, многіе хозяева возвратились въ домы; въ томъ числѣ былъ и нашъ. Добрый Вильгельмъ принесъ съ собою хлѣба, досталъ спрятанное въ землѣ масло, кофе и подчивалъ насъ съ истиннымъ усердіемъ. Вчера я самъ слышалъ, что, когда солдаты наши, утомленные сильнымъ жаромъ, просили у жителей воды, добрые люди сіи говорили имъ: „у насъ есть еще для васъ *пиво*, съ Русскими готовы дѣлиться послѣднимъ: вы наши защитники!“ Вотъ какъ обходятся съ нами Саксонцы. — Между прочими книгами въ библіотекѣ нашего хозяина, нашли

мы одну книжку, подъ заглавіемъ: Политическіе разговоры Европейскихъ Государей. Она была написана Нѣмецкими стихами и въ лицахъ. Разумѣется, что Наполеонъ занималъ здѣсь первое мѣсто; всѣ Государи благоговѣли предъ великимъ могуществомъ великаго народа и великой арміи. Вотъ какими средствами дѣйствуетъ Наполеонъ на души и умы всякаго состоянія людей. Хозяинъ нашъ прочиталъ намъ почти всю сію книжку наизусть; однакожъ онъ не считалъ Наполеона великимъ, а только — страшнымъ. —

29. Въ окрестностяхъ Бишефсъверды —

Сего дня въ часъ по полудни непріятель началъ затрогивать наши передовые посты. Ча съ въ два продолжалась перестрѣлка; потомъ

великими силами началъ онъ тѣснить отвсюду нашъ авангардъ. Мы отступали по узкой мощеной дорогѣ, имѣя съ права и лѣва лѣсъ, холмы и болота. Артиллерія наша занимала каждую выгодную высоту и непріятель чувствовалъ искусное дѣйствіе ея. Вопреки всѣмъ его усиліямъ, онъ подвигался впередъ, только на такое пространство, какое Генералъ Милорадовичъ, по довольномъ защищеніи, за благо разсуждалъ уступать ему. Стрѣлки непріятельскіе въ великомъ множествѣ, какъ рои, разтекаясь въ густотѣ лѣса, обходили наши фланги и не рѣдко заставляли даже резервы вступать въ дѣло. Но сіи храбрецы лѣсные останавливались при первой полянкѣ. Русской штыкъ и поле всегда имъ страшны. —

1 Мая.—Деревня Ротъ-наустицъ.

Вчера дрались мы цѣлый день, защищая дорогу. Не могши сбить насъ долго съ одной высопы, непріятель вздумалъ было обойти долиною. Сіе покушеніе дорого ему стоило. Генералъ Милорадовичъ, показывая будто не примѣчаетъ его движенія, сдѣлалъ нужныя распоряженія. Едва спустилось нѣсколько колоннъ въ лощину, какъ вдругъ, давъ имъ пройти, со всѣхъ сторонъ открыли по нихъ страшную пальбу изъ потаенныхъ и открытыхъ батарей. Колонны, потерпѣвъ великой вредъ, тотчасъ разсыпались и побѣжали въ лѣса.—Непріятель, полагая, что мы будемъ держаться въ *Бишофъ-Вердѣ* пустилъ на нее тучу бомбъ и гранатъ—и въ мигъ нещастный городокъ сей претворился въ огромный столпъ огня и дыма.—Сегодня мы опять покойны.—Непріятель перевязываетъ вчерашнія раны. —

Вчера неустрашимый Полковникъ нашъ *Силягинъ*, замедля нѣсколько въ городѣ, въ то время, когда уже всѣ войска наши изъ онаго выступили, вдругъ былъ отрѣзанъ толпою ворвавшихся Французовъ. За нимъ ѣхалъ Александровскаго Гусарскаго полка Поручикъ *Пороховниковъ* и *Лубянскаго Гусарскаго* карнетъ *Григорьевъ*. Двѣ колонны пустили по нихъ баталіонный огонь: они были въ дождѣ пуль—и остались невредимы! —Это нерѣдко случается однакожъ въ войнѣ.—

По словамъ плѣнныхъ, непріятель потерялъ очень много убитыми и ранеными въ послѣдніе два дня. Равномѣрно, по сказанію ихъ, весьма важна потеря, которую претерпѣлъ онъ, почти въ повседневныхъ дѣлахъ съ 21 Апрѣля по 1 Маія.

Слова плѣнныхъ:

„Пропиву насъ командуютъ Магдональдъ и Вице-Король Италіянской Войска имѣютъ они въ своемъ авангардѣ 40.000, да сверхъ того большія колонны вправо и влѣво.“ —

Передовые караулы наши и отрядъ Графа Сенетъ Пріеста предъ мѣстечкомъ Бишевскъ-Вердою: а въ 4хъ верстахъ за онымъ и весь небольшой арріергардъ нашъ расположенъ при деревнѣ *Ротъ-Наустицъ.*—

2 Маія. Тамъ же.

Здѣсь жители не такъ смѣлы, какъ въ Дрезденѣ всѣ ушли въ горы; сел. ы опустѣли. У насъ все покойно; непріятель сталъ воздержнѣе въ преслѣдованіи насъ и до сихъ поръ ничего еще не предпринимаетъ. Со времени выступле-

нія нашего изъ Дрездена, въ цѣлые *пять дней* непріятель не вдругъ при великой превосходности силъ его не могъ отдвинуть насъ болѣе 4хъ здѣшнихъ миль или 28ми нашихъ верстъ; слѣдственно мы уступали ему не болѣе 5ти верстъ въ день . . . . Притомъ, не смотря на повседневныя сраженія съ 21 Апрѣля и по сіе время, арріергардъ имѣлъ самый малый уронъ въ людяхъ и во множествѣ тѣсныхъ проходовъ по самымъ труднымъ путямъ, не потерялъ ни одной повозки изъ своихъ обозовъ. По сему можешь судить, сколь искусно пользовался мѣстоположеніемъ, сколь храбро сражался и съ какою твердостію отражалъ всѣ усилія непріятеля арріергардъ нашъ. Такой арріергардъ доставляя всевозможныя выгоды, время и спокойствіе арміи, которую онъ отстаиваетъ грудью,

пріобрѣтаетъ полную благодарность оной и обращая на себя вниманіе даже самаго непріятеля, по всей справедливости заслуживаетъ мѣсто въ воинскихъ лѣтописяхъ будущихъ временъ. —

12 Маія. Тамъ же.

Сей часъ привезли Генералу Милорадовичу Высочайшій Рескриптъ, въ которомъ Его Императорское Величество за *важныя услуги* его Отечеству, Всемилостивѣйше жалуетъ его и съ будущимъ потомствомъ Графомъ Россійской Имперіи. *Рескриптъ* наполненъ лестнѣйшими выраженіями, какими только можетъ великодушнѣйшій изъ Монарховъ ощастливить вѣрнѣйшаго изъ подданныхъ. Одинъ Суворовъ получалъ таковые Рескрипты отъ

Великой Екатерины въ блистательный вѣкъ Ея. (1)

И такъ Герой, осіянный славою дѣлъ своихъ, получаетъ теперь новый блескъ съ новымъ достоинствомъ. Весь арріергардъ радовался сему, какъ собственному благополучію. Солдаты окружали новаго Графа, и кричали ему: ура!.. Самъ же онъ, кажется, болѣе радовался милостивому Рескрипту Государя, нежели новому титлу, и сожалѣлъ, что представленные имъ къ на-

(1) Рескриптъ сей вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ авангардныхъ и арріергардныхъ дѣлъ напечатанъ будетъ въ особой книгѣ, подъ заглавіемъ: „Подробное описаніе дѣйствій войскъ, подъ начальствомъ Генерала Графа Милорадовича, въ 1812 и 1813 годахъ.“—Тамъ объяснятся не запрудительные случаи, въ которыхъ войска сіи находились и какъ благоразуміе, мужество и военный глазомѣръ начальствующаго ими, доставлялъ имъ побѣды.

награжденіямъ отличившіеся Офицеры не прежде его получили оные.—

3 Маія, въ вечеру. Городъ Бауденъ.

Въ 6 часовъ по утру передовой отрядъ нашъ атакованъ. По упорной перестрѣлкѣ непріятель сильными колоннами началъ обходить оба фланга его, имѣя однакожъ болѣе направленія на лѣвый. Передовый отрядъ, сходственно съ повелѣніемъ, уклонился къ выгодной *позиціи* арріергарда, гдѣ непріятель былъ встрѣченъ перекрестными выстрѣлами всѣхъ нашихъ батарей, дѣйствіемъ которыхъ и остановленъ. Онъ опять-было устремился на лѣвый флангъ нашъ къ горамъ; но стремленіе его не имѣло никакого успѣха. Генералъ-Маіоръ *Юзефовичъ*, съ частію кавалеріи, ударилъ въ пра-

вый флангъ непріятеля столь счастливо, что тотъ часъ опрокинулъ оный. Таковой же успѣхъ имѣли и на правомъ флангѣ кавалерійскія атаки Князя Трубецкаго и Генералъ Маіора Лисаневича. Вообще вся кавалерія, подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта *Уварова*, показала въ сей день, сколь великой вредъ можетъ претерпѣть непріятель отъ блистательной храбрости ея въ стремительныхъ, смѣлыхъ и удачныхъ нападеніяхъ. Харьковской и Каргопольской драгунскіе полки наиболѣе въ сей день отличились. Изтребленныя колонны и много плѣнныхъ были плодами кавалерійскихъ атакъ. Извѣстный отличною своею службою Генералъ-Маіоръ *Емануель*, дѣйствуя въ сей день изъ горъ въ правый флангъ непріятеля, взялъ также 500 плѣнныхъ, сверхъ коихъ много переко-

лано.—Получа новое подкрѣпленіе, непріятель съ большимъ стремленіемъ началъ развивать сильныя колонны свои въ право и въ лѣво, угрожая опять обойти наши фланги. Уступая превосходству силъ, но сражаясь однакожъ за каждый шагъ земли, арріергардъ медленно отступалъ къ *городу*, предъ которымъ расположился на бивакахъ, заставивъ и непріятеля сдѣлать тоже.—По словамъ плѣнныхъ, въ одномъ изъ ихъ пѣхотныхъ полковъ уронъ простирался до 300 человѣкъ; вся же потеря непріятеля въ сей день достигала до 4000. Съ нашей стороны уронъ не превышалъ 250 человѣкъ. Вотъ выгоды оборонительнаго отступленія. Уступая пространство, сохраняешь людей. — Смотря теперь на солдатъ нашихъ, отличающихся не одними минутными порывами хра-

бростии, но постояннымъ мужествомъ, твердостію духа и безропотнымъ терпѣніемъ, нельзя не признаться, что *война образуетъ войско.*

Въ теченіи священной отечественной войны и настоящаго похода за границу, солдаты наши совершенно привыкли къ трудамъ и опасностямъ. Они бодры, терпя голодъ и нужду; въ самомъ пылу сраженія, подъ ядрами и гранатами наблюдаютъ совершенную стройность въ движеніяхъ и отступая, увѣрены въ побѣдѣ. Всего важнѣе то, что солдаты наши вовсе перестали бояться Французовъ. Въ сраженіе 3 Мая Полковникъ *Кернъ* хотѣлъ было смѣнить цѣпь стрѣлковъ, бывшихъ уже нѣсколько часовъ въ дѣлѣ: „не смѣняйте насъ!— кричали солдаты: мы еще можемъ стоять до вечера: пришлите

только намъ *патроновъ!* — При многихъ атакахъ кавалеріи, пѣхота спѣшила бѣгомъ подкрѣплять ее и довершала истребленіе непріятельскихъ колоннъ штыками. Штыкъ и сабля теперь въ совершенномъ согласіи. Сраженіе 3 Мая примирило пѣхоту съ кавалеріею. Такимъ образомъ опытъ, примѣръ и внушенія храбрыхъ и благоразумныхъ начальниковъ дѣйствуютъ къ возвышенію духа и усовершенствованію солдатъ.—И послѣ сего можно уже понять, отъ чего *горсть войска*, составлявшая арріергардъ, могла быть столь полезною для своей и столь страшною для непріятельской арміи.—Я забылъ тебѣ сказать, что армія наша давно уже стояла за Бауценомъ, отдыхала и укрѣплялась на высотахъ.—

4 Мая, 5 часъ по полудни.

И такъ мы опять въ Бауценѣ, въ томъ прекрасномъ Бауценѣ, гдѣ я имѣлъ такую покойную квартиру, такого ласковаго хозяина, который разговаривалъ со мною о тридцати-лѣтней войнѣ, о Гусситахъ. . . . . Но вотъ выстрѣлъ! . . . Еще другой! . . . Пальба! — Видно непріятель наступаетъ. Бросаю перо и сажусь на лошадь: прощай! —

Тамъ же — вечеромъ.

Непріятель сдѣлалъ только попытку, или говоря военнымъ языкомъ, онъ сдѣлалъ сильную *рекогносцировку* на нашъ лѣвый флангъ и центръ. Колонны его подходили на пушечный выстрѣлъ къ городу и

нѣкоторыя батареи наши дѣйствовали по нихъ.

5 Мая. Бауценъ.

Чрезъ цѣлый день, съ обѣихъ сторонъ все было покойно. Примѣчено только въ войскахъ непріятельскихъ безпрестанное движеніе. Колонны ихъ двинулись то въ право, къ *Хемницу*, о чемъ извѣщалъ Партизанъ *Давыдовъ*. то на лѣвый нашъ флангъ къ горамъ. Съ нашей стороны занимались дѣланіемъ батарей на правой сторонѣ города.

6 Мая.

Лишь только старая хозяйка наша принесла намъ кофе и хотѣла наливать, какъ раздался громъ пушекъ; окны въ домѣ затряслись, у доброй старушки задрожали руки и кофейникъ выпалъ изъ нихъ. Между тѣмъ народъ суетился и кон-

ные взадъ и впередъ скакали по улицамъ; мы тотъ часъ на лошадей и за Графомъ къ батареямъ. Но дѣло кончилось ничѣмъ; непріятель выглянулъ и опять скрылся за гору. Движеніе въ войскѣ его не прекращается; видно онъ затѣваетъ дѣло не на шутку. По вечерамъ видны большіе огни и слышны музыка и пѣсни. Сосѣди наши живутъ весело, только не слишкомъ сыто: по словамъ плѣнныхъ, они крайне нуждаются въ хлѣбѣ и фуражѣ. Разныя сборныя дружины въ войскѣ Наполеоновомъ крайне неохотно ходятъ въ дѣло. Многіе, какъ сказываютъ, сами себя ранятъ, чтобъ имѣть причину выдти изъ рядовъ. *Кроаты* уходятъ цѣлыми ротами.—

7 Тамъ же—надъ вечеръ.

Въ 4 часа по полудни весь авангардъ нашъ сталъ подъ ружье; нѣкоторыя батареи изрѣдка дѣйствовали и стрѣлки заводили перепалку. Все это было сдѣлано для того только, чтобъ привлечь на насъ вниманіе непріятеля и тѣмъ способствовать Генералу Барклаю де *Толли* поражать идущій на соединеніе корпусъ *Лористона* далеко отъ насъ вправо.—Сегодня наслаждался я пріятнѣйшимъ зрѣлищемъ. Я въ первый разъ видѣлъ Короля, котораго народъ любитъ, какъ отца. Король Прусской еще не старъ, свѣжъ, бодръ и имѣетъ весьма пріятное лице. Рядомъ съ нашими и своими Офицерами стоялъ онъ опершись на батарею и пристально смотрѣлъ въ трубу на движенія непріятеля, ни мало не заботясь о томъ, что ядра летали

надъ самою головою его. — Вотъ Государь, о которомъ, пройдя всю Южную Пруссію, нигдѣ, начиная отъ хижины и до палатъ, не слыхалъ я худова слова!...Вездѣ называютъ его добрымъ Государемъ, отцомъ или другомъ народа. О! какъ плѣнительны въ Монархѣ кротость и благость душевная!—Изчезнутъ съ лица земли грозные *Цари-завоеватели!* Они прейдутъ въ ничтожество, какъ призраки окровавленные!.... Исторія оцѣнитъ дѣла Государей по пользамъ и счастію ихъ народовъ! Пройдетъ слава *грозныхъ* какъ буря мимо шумящая, и въ *зеркалѣ потомства* отзарится слава однихъ мудрыхъ и добрыхъ *Государей.*—

8 Рано по утру.—

Среди безпрерывной работы въ авангардѣ мы заросли-было боро-

дами; сей часъ цырюльникъ Нѣмецъ выбрилъ, остригъ и причесалъ насъ. Вдругъ слышимъ выстрѣлы!... Велимъ подавать лошадей.—И такъ мы сего дня непремѣнно подражали великому Ксенофонту, который всегда щеголевски одѣвался передъ сраженіемъ. Но можетъ быть дѣло кончится опять рекогносцировкою, пушечною *лальбом*.....

13 Мая. Д. Зейхау.

Вотъ гдѣ-ужъ отозвался я тебѣ!—5 дней молчалъ!.. 4 дня были мы въ самыхъ жаркихъ сраженіяхъ; адъ, со всѣми огненными бурями своими, свирѣпѣлъ около насъ; голодъ, безсонье и усталость отнимали у меня способность мыслить, не только писать. Теперь мы въ тишинѣ, въ деревнѣ; я сижу подъ липами у свѣтлой воды и могу писать. Какъ очушились мы

здѣсь, разскажу послѣ; а теперь опишу по порядку что, что было.— Нѣтъ! не *рекогносцировка* была 8 числа у Бауцена, но самое жаркое, упорное дѣло. Въ 9 часовъ утра множество колоннъ Французскихъ вдругъ изъ за-горы двинулись къ Бауцену; одни бросились штурмовать городъ, другіе обходили его. Ядра и гранаты посыпались какъ самый сильный градъ.

Графъ Милорадовичъ имѣлъ предписаніе отъ Главнокомандующаго, чтобы не давая окружать себя въ городѣ, оставить оный и уклониться къ твердой позиціи главной арміи, наводя на оную непріятеля. Такъ было сдѣлано предъ великимъ сраженіемъ Бородинскимъ. Наши и здѣсь вызывали непріятеля на общее или *Генеральное* сраженіе. — Вскорѣ непріятель овладѣвъ одною высотою на правомъ флангѣ, вы-

ставилъ большое число орудій и началъ дѣйствовать вкось. Другія батареи открылись за городомъ и выстрѣлы сдѣлались перекрестными, и не было мѣста, гдѣ бы не падали ядра, гдѣ бы не разрывало гранатъ. Я еще теперь не понимаю, какъ мы уцѣлѣли. Не смотря на все это, арріергардъ отступалъ медленно и въ обыкновенномъ порядкѣ. — Около половины дня Государь Императоръ самъ изволилъ выѣхать и стать на одномъ высокомъ холмѣ, чтобъ быть очевиднымъ свидѣтелемъ сраженія. Между тѣмъ непріятель взвезъ пушки на одну высоту, которую мы ему только что уступили — и ядра начали доставать до того мѣста, гдѣ стоялъ Императоръ. — Уѣхали ли Государь? — спросилъ Графъ. Нѣтъ, отвѣчали ему; онъ стоитъ неподвижно подъ ядрами. Можноль

было попускать далѣе опасность!— „Впередъ!“ закричалъ Графъ, и во всю прыть своей лошади поскакалъ къ самымъ переднимъ колоннамъ; вскорѣ миновали мы картечный выстрѣлъ и очутились въ пуляхъ у стрѣлковъ, и Графъ сталъ на *одной чертѣ опасности* съ Прапорщикомъ. Но какое неописанное дѣйствіе производитъ присутствіе великаго Генерала! Я видѣлъ артиллерійскихъ Офицеровъ, у которыхъ пыль и порохъ запекались на лицахъ, которые едва стояли на ногахъ отъ усталости, вдругъ оживотворившихся какъ бы новою силою и подвигавшихъ пушки свои впередъ. Я видѣлъ, какъ раненые возвращались назадъ и становились въ ряды; слышалъ, какъ кричали Офицеры и солдаты: „Графъ „велитъ идти впередъ; посмотри„те, онъ самъ здѣсь!—Его ли здѣсь

„мѣсто?“ говорили многіе и цѣпи стрѣлковъ, одинъ другихъ перегоняя, кричали: ура! бѣжали впередъ; артиллерія подкрѣпляла ихъ. Въ сію минуту можноб было взять Бауценъ штурмомъ; но это совсѣмъ не нужно было. Графъ велѣлъ стрѣлкамъ остановиться. Съ длинымъ султаномъ на шляпѣ окруженный конвоемъ, долго разъѣзжалъ онъ подъ страшнымъ дождемъ пуль и картечь, и сраженіе кипѣло на одномъ мѣстѣ. „Стойте крѣп„ко!“ кричалъ Графъ солдатамъ: „Государь на васъ смотритъ!“— Они стояли, и непріятель не могъ выиграть ни аршина земли. — Во все сіе время Государь Императоръ не оставлялъ прежней высоты. Когда начали падать ядра, онъ приказалъ свитѣ своей удалиться, а самъ остался! — Народъ Русской! какъ содрогнутся сердца

твои, когда ты узнаешь, что *Государь, надежда твоя*, сколь великимъ опасностямъ подвергаетъ себя! Усугубь моленія и жертвы твои во храмахъ Божіихъ: да сохранитъ десница Всевышняго неоцѣненную жизнь Отца народа, друга человѣчества, освободителя царствъ! — Около 3 или 4 часа по полудни непріятель пріостановился и сраженіе начало угасать..... Вспорхнулъ жаворонокъ, вылетѣлъ изъ дымнаго облака и запѣлъ прекрасную пѣснь свою въ высотѣ. За часъ на семъ мѣстѣ свистали пули. Въ сторонѣ, гдѣ стоялъ нашъ лагерь, въѣхалъ крестьянинъ обрабатывать поле. Бѣдный! думалъ я, обманутый мгновенною тишиною, ты не знаешь, что скоро опять загремятъ перуны, и нива твоя потонетъ въ крови!.... Французы въ цѣлодневъ

помъ сраженіи, обыкновенно приостанавливаются на часъ времени, чтобъ съ сугубымъ потомъ стремленіемъ возобновить нападеніе. Такъ запыхаетъ огнедышущій вулканъ, готовясь поглотить цѣлую область!...—Къ вечеру большія колонны ихъ засѣли у подошвы горъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Намѣреніе непріятеля было овладѣть сими горами, съ высоты которыхъ онъ могъ бы стрѣлять вдоль *главной нашей позиціи* и сбивать цѣлые полки. Семилѣтняя война, *Гохкирхенское сраженіе* и сами собою горы сіи показывали, сколь *они важны*. Тамъ стоялъ корпусъ Принца Виртембергскаго. Но непріятель потянулся къ горамъ, какъ грозная туча, съ силами ужасными, и Графъ Милорадовичъ долженъ былъ послать еще нѣсколько полковъ въ подкрѣпленіе

нашимъ, разтянувъ, между тѣмъ, по всѣмъ противулежащимъ холмамъ баталіоны пѣхоты и эскадроны конницы. Извѣстно, что издали каждый баталіонъ, стоящій на гребнѣ холма, можетъ показаться *колонною* — и это называютъ Французы: (faire paroitre les masses) выдвидупь *толлы*, чтобъ показать, что *у насъ много!*..... Часто мѣра сія останавливаетъ непріятеля въ дерзкихъ его намѣреніяхъ обходить фланги и проч. — Графъ Милорадовичъ, привыкшій сражаться съ Французами, не рѣдко поражаетъ ихъ—ихъ же оружіемъ.—Въ горахъ началось самое жаркое дѣло. Спустились сумерки, и мѣлкой огонь заблисталъ въ нихъ. Громъ, то возвышался, то сходилъ внизъ, по мѣрѣ, какъ непріятель занималъ высоты, или наши сбивали его съ оныхъ. Мрачная ночь сошла и стала

между тѣми и другими: сражающіеся съ обѣихъ сторонъ такъ близко одни отъ другихъ разположились на ночлегъ, или лучше сказать, отъ усталости попадали на землю, что одна только *темнота* раздѣляла ихъ.—Графъ остановился на бивакѣ въ Лубенскомъ храбраго Генерала Мелисино полку, которымъ на то время командовалъ Полковникъ Давыдовъ; развели огни, и мы безъ силъ попадали около нихъ. Кусокъ хлѣба былъ тогда великою драгоцѣнностію. — Привели *плѣннаго;* Графъ велѣлъ мнѣ разпросить его, и этотъ Сержантъ 7 го линейнаго пѣхотнаго полка объявилъ, что въ горы послано вдругъ 8 большихъ колоннъ; что они въ потьмахъ стрѣляли по своимъ; что потеряли въ одномъ этомъ мѣстѣ до 5000, и наконецъ, что *Наполеонъ* былъ самъ, провожалъ сіи колонны,

разъѣзжая на маленькой бѣлой лошадкѣ въ простой солдатской шинелѣ съ краснымъ воротникомъ. Сей же плѣнный увѣрялъ, что они цѣлые 3 дней не имѣли хлѣба, (слова свои подтверждалъ онъ, съ жадностію пожирая полусырые картофли, бывшіе у огня); что войска не хотѣли драться; что *Наполеонъ* разпустилъ слухъ, что заключилъ перемиріе, вывелъ будто для *общаго смотра*, обѣщалъ хлѣба и вдругъ, указавъ на Бауценъ, сказалъ: „возьмите его!“ — Въ полночь почти пріѣхалъ къ намъ нашъ Полковникъ Сипягинъ, который, пробывъ все время въ обыкновенномъ своемъ мѣстѣ—*у стрѣлковъ* на лѣвомъ флангѣ и въ горахъ, чудеснымъ образомъ уцѣлѣлъ въ сей день: объ полы, шапка и на груди его сертукъ были *прострѣлены*; свертокъ бумаги, бывшій у него въ боковомъ

карманѣ, сберегъ ему жизнь—онъ получилъ только — *контузію*. Вотъ какъ близко бываютъ къ смерти и живутъ! . . . .

Напрасно трусъ бѣжитъ, смерть гонится за нимъ;
Герой ее презрѣлъ, сталъ въ бой—и невредимъ!—

---

9 Маія. Было у насъ общее большое сраженіе, о которомъ подробное описаніе будешь ты читать въ газетахъ и потомъ въ журналѣ о дѣйствіяхъ большой арміи, когда оный будетъ сочиненъ. Я не распространюсь даже и въ описаніи отличныхъ дѣйствій, покрывшаго себя въ день блистательнѣйшею славою *лѣваго фланга*, которымъ командовалъ Графъ Милорадовичъ; ибо и о семъ будетъ особо напечатано. Но не могу вытерпѣть, чтобъ не заплатить дани удивленія

неимовѣрной храбрости Графа Остермана, командовавшаго войсками въ горахъ. Генералъ сей, извѣстный своею неустрашимостію, превзошелъ самаго себя въ сей день. Не выходя изъ опасности, забывъ о смерти, ни на шагъ отъ цѣпи стрѣлковъ, а часто даже опережая оную, онъ дорого продавалъ непріятелю каждый сажень земли. Будучи тяжело раненъ въ плечо, онъ не далъ даже порядочно перевязать себѣ раны и съ пулею въ тѣлѣ сражался еще три часа, пока его вывели полумертваго. Генералъ Милорадовичъ и Князь Сибирскій, находясь во все время при немъ, участвовали вмѣстѣ съ нимъ въ опасностяхъ сраженія и въ славѣ побѣды.—Въ началѣ дѣла Графъ Милорадовичъ, объѣзжая полки, говорилъ солдатамъ, чтобъ они помнили, *что сражаются въ день Свя-*

таго Николая; что сей Угодникъ Божій всегда даровалъ Русскимъ побѣды, и теперь взираетъ на нихъ съ Небесъ!... Въ самомъ дѣлѣ лѣвый флангъ стоялъ съ необыкновенною твердостію. Дѣло, бывшее на семъ флангѣ, можетъ почесться *отрывкомъ Бородинскаго сраженія. Флангъ сей*, отразивъ всѣ усилія непріятеля, готовъ былъ самъ идти, атаковать его и разбить. Уже Графъ Милорадовичъ заготовлялъ большую колонну, которую самъ съ бывшими тутъ Генералами хотѣлъ вести прямо на городъ. . . . Непріятель съ своей стороны показывалъ великое искусство и точность въ движеніяхъ. Колонны его передвигались, какъ Театральныя кулисы. Въ одномъ мѣстѣ толпы сгущались, въ другомъ рѣдѣли. . . . Казалось, что всѣмъ этимъ управляла какая-то невидимая рука и двигала людьми

какъ куклами. Въ самомъ же дѣлѣ все сіе производилось посредствомъ *ракетъ*. На центрѣ подымалась ракета;—на лѣвомъ флангѣ понимали ее, отвѣчали таковою же и потомъ исполняли, что слѣдовало, *приступъ*, *отступленіе* и проч. Надо признаться, что Французы большіе мастера драться въ общемъ сраженіи; но *Веллингтонъ* и *Кутузовъ* изобрѣли другаго рода *тактику*, противъ которой они устоять не могутъ.—Теперь не рѣдко *малая война* побѣждаетъ *большую*.—На учебныхъ маневрахъ только можно видѣть такое стройное отступленіе, какое совершили войска наши, въ бѣлый день, въ глазахъ непріятеля. Такъ уклоняется левъ отъ толпы охотниковъ.

Графу Милорадовичу опять поручено было остаться въ арріергардѣ и прикрывать отступленіе

армій.—Колонны наши пошли боковою дорогою на *Лебау*, чтобъ выдти потомъ у Рейхенъ-Баха на большую Герлицкую дорогу. Мы проходили *Гохъ-Кирхенъ*, и достопамятное 1758 года сраженіе живо представилось воображенію нашему.—Другія колонны шли большою дорогою, которыя, перемѣняя ихъ, прикрывалъ извѣстный Генералъ *Раевской* съ гренадерами.—

Къ ночи непріятель совсѣмъ остановился и мы отъ него далеко ушли. — Графъ Милорадовичъ уѣхалъ къ Государю, который вблизи оттуда находиться изволилъ. Французы зажгли свои биваки и окрестныя деревни. Все небо обложилось багрянцомъ. Пѣхота наша медленно тянулась; мы могли нагнать ее во всякое время; голодъ мучилъ насъ; недалеко въ сторонѣ показался неразоренный господской

домѣ, и мы въ четверомъ рѣшились заѣхать туда попросить куска хлѣба. — По счастію, хозяинъ, добрый Саксонецъ, имѣлъ еще кое-что болѣе. Онъ далъ намъ бутылку вина и миску картофельнаго супу. Надобно не ѣсть два дни, чтобъ почувствовать, въ какой цѣнѣ приняли мы этотъ даръ. Бѣдныя лошади наши приводили насъ въ жалость: двое сутокъ онѣ ничего не ѣли, кромѣ гнилой соломы съ старыхъ шалашей, и двое сутокъ, день и ночь, были въ ѣздѣ. Сострадательный хозяинъ вынесъ имъ охабку сѣна, и мы остались на часъ покормить. Между тѣмъ усталость наша такъ была велика, что всякой изъ насъ, какъ будто отъ какого волшебнаго прикосновенія, кто гдѣ сидѣлъ, такъ и уснулъ. Различныя смѣшенныя сновидѣнія: кровь, огонь, громъ пу-

тенъ и поля сраженій представлялись возпревоженному воображенію моему. Вдругъ раздался трескъ; необыкновенный свѣтъ блеснулъ въ глаза—и я проснулся. Вышедъ на крыльцо, я увидѣлъ, что ближайшая деревня загорѣлась и по всѣмъ окрестностямъ Бауцена пламя разливалось, какъ море!... Народъ, выбѣжавъ изъ домовъ, стоялъ толпами; мущины съ пожитками, матери съ грудными дѣтьми на рукахъ, старцы, бѣлѣющіе въ сѣдинахъ, и кучи малыхъ дѣтей, въ какомъ-то ужасномъ оцѣпенѣніи, безъ воплей и безъ слезъ, смотрѣли на сгарающую землю и раскаленное небо. — Глубокая ночь, повсемѣстный пожаръ, войска, проходящія мимо, какъ тѣни, и длинный рядъ блестящихъ вдали штыковъ, представляли какую-то смѣшанную картину ужасовъ.

10 Мая.—

Хотя по разпоряженію Главнокомандующаго, Графу Милорадовичу и можно было оставаться въ Лебау до половины дня и соединиться съ Раевскимъ у Рейхенъ-Баха около вечера; но Графъ, разсмотрѣвъ внимательнѣе карту, и поговоривъ съ жителями, почувствовалъ, что непріятель, а особливо такой, какъ Французы, можетъ прервать на вѣрное сообщеніе его съ большою дорогою и отрѣзать его отъ оной. Посему, не теряя времени, повелъ войска, привыкшія не знать съ нимъ усталости. Путь отъ мѣста сраженія при Бауценѣ, на *Лебау*, почти вдвое далѣе прямой дороги, оттуда же чрезъ *Вюршенъ* въ *Рейхенъ-Бахъ*.—

Счастливое *соображеніе* Графа было спасительно для арріергарда и корпуса Раевскаго; ибо непрія-

тель точно покусился раздѣлить ихъ и отрѣзать. Наполеонъ, какъ говорятъ плѣнные, взбѣшенъ будучи столь малымъ успѣхомъ великаго Бауценскаго сраженія, укорялъ Маршаловъ своихъ, для чего не взяли они у насъ ни одного даже значка, ни одной пушки, и въ горячности сказалъ имъ: „я вамъ покажу какъ бить Русскихъ и отнимать у нихъ трофеи!“ Сказалъ и повелъ самъ отборныя войска. Гвардейская кавалерія его, вовсе неучаствовавшая во вчерашнемъ дѣлѣ, пущена была впередъ. Перестрѣлка началась съ разсвѣтомъ; Генералъ Раевскій отражалъ по возможности превосходныя силы непріятеля; но будучи сильно утѣсненъ при *Вейсенъ-Бергѣ*, ускорилъ нѣсколько отступленіе свое, и потому не могъ уже быть на одной высотѣ съ Графомъ Милорадо-

вичемъ. Но сей между тѣмъ сближась къ пункту соединенія, удалялся отъ опасности быть отрѣзаннымъ. Ничего не зная, что дѣлается съ Раевскимъ, арріергардъ нашъ, состоявшій изъ корпуса полка Виртембергскаго и кавалеріи Князя Трубецкаго, пришелъ къ Рейхенъ-Баху около полудня и началъ располагаться на отдыхъ въ глубокой долинѣ, отъ которой высота горы заслоняла большую дорогу. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ нашихъ Адъютантовъ, взъѣхалъ я на гору, чтобъ взглянуть на городъ и дорогу—и какъ удивились мы, увидя такъ рано корпусъ Раевскаго уже подлѣ насъ! Все показывало, кажется, смятеніе. Войска поспѣшно проходили. Храбрый Полковникъ *Криштафовичъ*, (1)

(1) Онъ теперь произведенъ въ Генералъ-Маіоры за сраженіе при *Кульмѣ*, гдѣ былъ раненъ двумя пулями въ руку. —

покрытый потомъ и пылью, ведя свой Екатеринославской полкъ, остановился и разсказалъ намъ, что они несутъ непріятеля на плечахъ; что Генералъ Раевской, со всею храбростію и благоразуміемъ своимъ, едва могъ избѣгнуть, чтобъ не быть окруженнымъ. А это что за кавалерія скачетъ по долинѣ? „Это Французы!“ говорилъ онъ; „они нѣсколько разъ уже старались перерѣзать намъ дорогу.“—Наполеонъ послалъ сію кавалерію съ повелѣніемъ втѣснится между двухъ дорогъ и, укрываясь подъ закрытіемъ лѣсистыхъ горъ, пробраться къ самому Рейхен Баху, чтобъ захватить его прежде насъ. — Намѣреніе было хитро и дерзко, но неудачно! — Графъ Милорадовичъ, свѣдавъ о прибытіи Раевскаго, даетъ ему знать о себѣ и въ минуту дѣлаетъ разпоряженіе. Кавалерій-

скіе полки наши, разположившіеся для отдыха, поспѣшно садятся на лошадей, кричатъ: *ура!* идутъ впередъ и опрокидываютъ непріятеля, который увидѣлъ тогда, что и самъ попалъ *въ западню!*—Войска становятся въ ружье. Всю пѣхоту взводятъ на высоты; на выгоднѣйшихъ изъ нихъ ставятъ батареи. Непріятель остался въ самомъ жару своего стремленія. Городъ Рейхенъ-Бахъ былъ вовсе неудобенъ къ защищенію; всѣ войска переведены за оный на лучшія высоты. Корпусъ гренадеръ поставленъ въ резервѣ.—

Солнце было еще высоко; непріятель, безпрестанно показываясь въ новыхъ силахъ, тянулъ съ лѣва пѣхоту свою по лѣсамъ, а кавалерію велъ съ права по долинамъ. — По всѣмъ обстоятельствамъ ожидали великаго дѣла и въ ожиданіи семъ не ошиблись. Оно

началось сильнымъ съ обѣихъ сторонъ дѣйствіемъ батарей. — Непріятель, сосредоточивая орудія, ставилъ по 40 и болѣе пушекъ вмѣстѣ. Бомбы вредили даже резервамъ нашимъ; гранаты и ядра осыпали высоты. Арріергардъ, упорно сражаясь, мало по малу отступалъ, занимая каждую высоту и на каждомъ выгодномъ мѣстѣ выдерживая жаркой бой. По словамъ плѣнныхъ, *три сильныхъ корпуса*, при личномъ присутствіи самаго Наполеона, дрались въ сей день противъ насъ. Но не взирая на стремительное наступленіе свѣжихъ войскъ, на жестокой огонь многочисленной артиллеріи, на быстрое движеніе колоннъ, безпрестанно обходившихъ наши фланги, арріергардъ выдержалъ весь натискъ и остановилъ непріятеля въ 6 верстахъ отъ *Гирляца*, вопреки

всѣмъ усиліямъ его, чтобъ занять сей городъ. Въ пылу самаго жаркаго боя *Наполеонъ*, раздраженный неуступчивостію нашихъ войскъ, спросилъ съ сердцемъ у своихъ: „кто командуетъ Рускимъ арріергардомъ?“ — „Генералъ Графъ Милорадовичъ!“ отвѣчали ему. Онъ нахмурился и началъ доказывать Маршаламъ, что насъ можно было отрѣзать. Но въ это самое время ядро, пущенное съ батареи нашей, *коснулось Маршала Мармонта, вырвало животъ Герцогу Фріульскому (Дюроку) и разшибло до смерти одного дивизіоннаго Генерала*. Такъ разсказывали плѣнные и послѣднее подтвердилъ послѣ Французской бюллетень.—Съ нашей стороны раненъ храбрый Генералъ Князь *Сибирской*. Въ сей достопамятный день кавалерія наша покрылась ранами и славою. Многіе отличнѣйшіе Офи-

церы, въ виду всѣхъ, водили отряды свои въ атаку. Ротмистръ *Орловъ*, съ эскадронами разныхъ полковъ, нѣсколько разъ дѣлалъ смѣлыя нападенія, рубился съ Французскими Офицерами и получилъ тяжелыя раны. Это братъ извѣстнаго Партизана Полковника Орлова; а другой братъ его Адъютантъ Его Императорскаго Высочества Константина Павловича, находился съ нами при Графѣ во всѣхъ арріергардныхъ дѣлахъ. Всѣ сіи Орловы, съ прекраснымъ воспитаніемъ и дарованіями, поддерживаютъ славу имени своего.—Большое число лошадей досталось побѣдителямъ, *пространное поле сраженія* покрыто трупами и два эскадрона лучшихъ Гвардейскихъ гусаръ, въ богатыхъ мундирахъ, взяты въ плѣнъ. —Сраженіе сіе, начавшееся въ 6 часовъ утра, продолжалось,

почти безпрерывно, до 10 вечера: слѣдственно — 16 часовъ! — Графъ Милорадовичъ и мы всѣ *третьяго дня*, *счера* и *сего дня* были въ огнѣ, не сходя съ лошадей, всякой день слишкомъ по 12 часовъ! . . .

Поздо уже замолкло сраженіе. Съ наступленіемъ ночи полилъ сильный дождь и мы пріѣхали въ *Герлицъ*. Я зашелъ съ товарищами къ прежнему хозяину, который съ такою же добротою, какъ и прежде, принялъ насъ къ себѣ. Съ нами сталъ вмѣстѣ Денисъ Васильевичъ *Давыдовъ*; читалъ намъ свои стихи, которыхъ красота заставляла всѣхъ насъ, забывъ усталость и шумъ сраженій, плѣняться ими.

Между тѣмъ, для избѣжанія тѣсноты по узкой дорогѣ и въ улицахъ города, Графъ Милорадовичъ приказалъ войскамъ тихо сняться и перейти на ту сторону го-

рода и рѣки *Нейса*. Впереди оставлены были только одни передовые караулы и Генералъ *Корфъ* съ легкою конницею.—

11 Мая.

Съ первымъ лучемъ свѣта выбрались мы изъ Герлица. Съ нами ѣхалъ *Полковникъ Давыдовъ* и показывалъ намъ подробную топографическую карту тѣхъ мѣстъ; на ней означенъ былъ весь театръ 7-лѣтней войны. Мы отыскивали и нашли близъ Герлица ту продолговатую гору, на которой дрался Генералъ *Винтельфельдъ*. Путешественники отыскиваютъ слѣды древнихъ зданій и городовъ. Умный и чувствительный *Морицъ* искалъ въ Италіи мѣста жилищъ Горація, Цицерона и Виргилія; а мы отыскиваемъ мѣста, гдѣ лилась кровь!... Всѣ почти поля сраженій означа-

ются на военныхъ и Историческихъ картахъ двумя накрестъ положенными шпагами (X). Скоро, кажется, вся карта Германіи изпещрится таковыми знаками; ибо нѣтъ почти мѣста, гдѣ бы въ ней не дрались. При одномъ *Ландсгутѣ*, гдѣ такъ славно дрался нещастный *Финкъ*, вносятъ три знака сраженія; тамъ дрались: въ 1745, въ 1757 и 1760 годахъ: сколько крови усырило шамотною землю! . . . . Германія есть *Классическая земля военныхъ дѣйствій*, такъ какъ Италія *земля древностей*. Читая творенія славнаго Жомини и смотря на тѣ мѣста, которыя мы теперь проходимъ, можно живо воображать семи-лѣтнюю войну. —

Непріятель сего дня сталъ наступать очень рано, но не съ тѣмъ уже жаромъ, какъ наканунѣ. Передовые посты, подкрѣпленные

артиллеріею, достаточны были къ удержанію его. Около перваго часа, начали колонны Французскія обходить городъ вправо и занимать оный. Но Генералъ Графъ Милорадовичъ успѣлъ уже въ сіе время передвинуть войска, фланговымъ маршемъ, съ *Бунцлавской* на Лаубанскую дорогу. Защищеніе большой Бунцлавской дороги предоставлено было Прусскимъ войскамъ; они должны были идти: на Бунцлау, Гайнау, Лигницъ, Іауеръ и Спригау; а Россійскія войска слѣдовали кратчайшею, параллельною сею дорогою чрезъ *Лаубанъ Левенъ-Бергъ, Гольдъ-Бергъ* — и далѣе. Цѣлію всеобщаго движенія и точкою соединенія армій — есть извѣстная разворенная Французами крѣпость—*Швейдницъ*. —

12 Дрались мы еще въ послѣдній разъ у *Лаубана*. А оттуда Графъ

Милорадовичъ, у котораго глаза совсѣмъ опухли отъ трудовъ и безсонницы, поѣхалъ въ главную квартиру, гдѣ Государь Императоръ милостиво приглашалъ его провести нѣсколько дней въ покоѣ. Начальство надъ арріергардомъ принялъ, отличный воинскими дарованіями своими, Графъ Палленъ.—И вотъ какимъ образомъ послѣ 20-дневнаго пребыванія подъ ядрами, очутились мы при главной квартирѣ, гдѣ все покойно и гдѣ бури авангарда слышны только издалека. Не могу описать тебѣ, какъ пріятна была та ночь, въ которую я могъ скинуть мундиръ и надѣяться, что никакая тревога не прерветъ сна!

Свистъ полевыхъ птицъ послѣ свиста пуль, казался райскимъ пѣніемъ. Не мудрено было заболѣть и Графу! Онъ каждыя сутки перемѣнялъ по 6 лошадей и каждая до-

ходила подъ нимъ до крайней усталости. Одинъ онъ, казалось, не уставалъ. — Случалось, что разославъ всѣхъ насъ, онъ самъ исправлялъ должность Адъютанта, отдавая изустно приказанія полкамъ. Онъ былъ вездѣ самъ. Туда только развѣ не ѣздилъ, куда отправлялъ за себя Полковника *Силягина*; ибо тамъ все шло хорошо!—

Не правда ли, что у васъ роскошные господа и на охоту не ѣздятъ по двадцати сутокъ сряду; а мы провели столько времени въ сраженіяхъ! — Но маловажній отдыхъ заставляетъ забывать величайшіе труды! Теперь, какъ я тебѣ сказалъ уже въ началѣ, сижу я подъ липами у ручья, и вынувъ изъ кармана *цѣлую Германію* (1), вспоминаю

(1) Это значитъ *карта Германіи*, напечатанная на платкѣ, которую можно носить въ карманѣ и мыть.

по ней о прошлыхъ тягостяхъ и опасностяхъ, какъ *Улиссъ* о своемъ странствіи по морямъ. — Наконецъ и *военное перо мое*, при всей *грубости своей*, изтупилось. Прощай! и не пѣняй на слогъ: право нѣкогда повторять *риторики* и *правилъ*.

Рейхенъ-Бахъ. Мая 25 дня перемирія.

Перемиріе утверждено. Всякой спѣшитъ отдыхать послѣ неописанныхъ трудовъ сей войны. *Графъ* уѣхалъ въ *Теплицъ*. Государь пожаловалъ ему на дорогу 1000 червонныхъ. *Силягинъ* отправляется туда же. Дай Богъ, чтобъ цѣлительныя воды Богеміи обновили здоровье ихъ. Они нужны Отечеству. Наши всѣ, кто куда, — кто въ *Альтъ-Вассеръ*, кто *въ Ландехъ*, иные въ окрестныя деревни дышать свѣжимъ воздухомъ и любоваться картинными видами горъ.

Я сижу въ тѣсномъ Рейхенбахѣ и роюсь въ бумагахъ. Мнѣ поручено составить: *описаніе дѣйствій авангардныхъ* и *арріергардныхъ войскъ* въ прошедшей и нынѣшней войнѣ. — Проводя дни въ безпрерывныхъ трудахъ, хожу и я по вечерамъ за городъ восхищаться величественною природою. Спѣшу также пользоваться *близкимъ сосѣдствомъ*, въ которомъ теперь случай помѣстилъ на время людей различныхъ чинами, состояніемъ, дарованіями и свойствами. Мы всѣ здѣсь — *одинъ послѣ другаго*. — Не рѣдко бываю у почтеннаго Егора Борисовича *Фукса*, и бесѣдуя съ нимъ, живо воображаю *величайшаго изъ Героевъ*. Вижу Суворова на высотахъ Альпійскихъ, въ борьбѣ съ бурными стихіями, съ врагами отечества и съ страстьми собственныхъ враговъ своихъ. — Видаюсь съ земля-

комъ нашимъ А. В. Энг. л. г. рт. м.— Я почитаю этаго человѣка за то, что онъ, имѣя всѣ средства *лохотиться на розахъ* и пріобрѣтя полное на то право съ лишеніемъ одной ноги, продолжаетъ однакожъ служить неутомимо и ревностно. Вотъ примѣръ для всѣхъ богачей праздно-любцевъ! — Но чаще всего дѣлю уединеніе мое съ человѣкомъ, котораго пріязнь, къ неописанному удовольствію моему, недавно только пріобрѣлъ. Я уже писалъ тебѣ о немъ. Ты легко угадаешь, что я хочу сказать объ Александрѣ Ивановичѣ Даниловскомъ. Въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, какъ онъ, не льзя соединять вмѣстѣ болѣе ума, опытности, учености и любезности.

Онъ разумѣетъ почти всѣ Европейскіе языки и почти всю Европу обѣхалъ съ замѣчаніемъ. Но

чаще всего говоримъ мы съ нимъ объ Италіи. И все то, что изображала кисть *Розы—Тиволя* и перо славнаго Морица, нахожу я въ живописныхъ и умныхъ его разсказахъ. Кажется, полетѣлъ бы знакомиться съ Италіянскою природою въ цвѣтущихъ садахъ ея долинъ, на берегахъ величественныхъ озеръ и на хребтахъ поднебесныхъ горъ ея. Съ какимъ восторгомъ обозрѣлъ бы я древнія области, прославленныя историками и стихотворцами!... Но мнѣлъ, *рыцарю пустова кошелька*, мечтать о семъ! Гдѣ способы, гдѣ средства? — Недаромъ нѣкоторые живописцы изображаютъ *бѣдность* въ видѣ крылатаго человѣка *съ гирями на ногахъ!* — Вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Данилевскимъ живутъ *Щ. рб н. н.*, служащіе при почтенномъ Генералѣ К. Ѳ. *Толлѣ*. Это умные,

любезные, молодые люди. Здѣсь нашлись и кадеты, наши любезные, добрые товарищи и прекрасные Офицеры: почтенный *Алек. Григор. Краснокутскій*, исправляющій важную должность при Графѣ М. И. Платовѣ; Н. В. Сазоновъ; братья *Г. бб.* и проч... и проч... — Съ нетерпѣніемъ ожидаю сюда прибытія *Д. И. Ахшарумова;* его дружба еще болѣе украситъ мое уединеніе. —

Порадую тебя извѣстіемъ, что скоро можетъ быть будешь ты читать прекрасный переводъ *Кесаревыхъ залисокъ.* Всѣмъ извѣстный Генералъ *Ал. Пет. Ермоловъ* переводитъ книгу сію съ Латинскаго. Онъ пролагаетъ себѣ *путь* къ *славѣ шпагою* и *перомъ.* Есть ли души *великихъ*, преселенныя въ вѣчность, пріемлютъ, какое ни есть, участіе въ произшествіяхъ нашего міра:

то Юлій Кесарь вѣрно восхищается *Рускимъ переводчикомъ своимъ.*— (1).

(1) Письма сіи писаны среди военныхъ бурь; среди трудовъ и безпокойствъ; они писаны урывкомъ гдѣ и какъ случалось: въ разоренныхъ избахъ, у дымныхъ полевыхъ огней и проч. Почти непрестанно находясь въ должности, сочинитель не имѣлъ времени ни выправлять, ни переписывать. Сіи письма вчернѣ списаны для напечатанія. Естьли Провидѣніе дозволитъ сочинителю возвратиться изъ за-Рейна, то въ новомъ изданіи представятся они въ новомъ и лучшемъ видѣ. —

Прим. Сочинит. Писемъ.

Въ Рускомъ Вѣстникѣ помѣщены нѣкоторыя только письма Рускаго Офицера; полное оныхъ изданіе вскорѣ особо напечатается.

Прим. Изд.

Конецъ осьмой книжки.

ГИ-Т-Ф-100096

1
350

РУСКОЙ ВѢСТНИКЪ

НА 1814 ГОДЪ.

Книжка 9.

140/6

Московскій Градоначальникъ

рафъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ

у насъ предъ Богомъ заступники Божія Матерь

Московскія чудотворцы; передъ свѣтомъ милосердый

Государь нашъ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ, а

предъ супостаты Христолюбивое воинство.

Москва 1812.

I.

Воспоминаніе о Московскихъ происшествіяхъ въ достопамятный 1812 годъ, отъ 11 Іюля до изгнанія враговъ изъ древней Руской Столицы.

Одиннадцатаго Іюля получено въ Москвѣ воззваніе Государя къ первопрестольной Столицѣ; въ тотъ же самый день повѣщено, что Государь прибытіемъ Своимъ осчастливитъ древнюю Столицу Рускихъ Царей.

Сильно были поражены Московскіе жители вѣстію о предстоявшей опасности всему Отечеству; но мысль, что чрезъ нѣсколько часовъ увидятъ Государя, сія сладостная мысль успокоила и наполнила восторгомъ души и сердца.

Не во дни благоденствія познаются любовь и приверженность сердечная; гдѣ и во дни злополучные горятъ души любовью и усердіемъ, тамъ непреоборимое владычество усердія и любви. Государь Александръ Первый во дни ужаснѣйшихъ бѣдствій узрѣлъ торжественно, что онъ Царь Отечества, Царь душъ и сердецъ.

Съ утра уже множество народа спѣшило за *Драгомиловскую заставу*, на Смоленскую дорогу. Внутри города священники въ облаченіи и со крестами стояли у своихъ приходовъ; въ Успенскомъ соборѣ собралось первостепенное духовенство и знатнѣйшіе чиновники. Градоначальникъ Московскій поѣхалъ на встрѣчу Государя.

Въ сіи часы радостнаго ожиданія, едва ли кто помнилъ, что врагъ строптивый губитъ землю

Рускую; всѣ пылали однимъ желаніемъ—узрѣть скорѣе Помазанника Божія. Гдѣ всѣ единодушны къ Богу и Царю, тамъ не торжество, но гибель врагамъ!

Живя недалеко отъ Драгомиловскаго моста, я около полудня пошелъ за заставу. Тысячи народа въ безчисленныхъ рядахъ тянулись непрестанно; съ сердечнымъ нетерпѣніемъ увлекали за собою другъ друга. Не было никакого особеннаго приказа; сердца и души всѣхъ и каждаго вели на встрѣчу Царя-Отца.

На *Поклонной горѣ*, откуда древняя Столица является во всемъ великолѣпіи; откуда *Наполеонъ* въ первый разъ увидѣлъ златоглавые верхи храмовъ Божіихъ; увидѣлъ—чтобы никогда уже не видѣть ни славы, ни торжествъ: на *Поклонной горѣ* сидѣло множество отды-

хающаго народа. Иные уклонясь съ дороги, разположились подъ тѣнью деревъ, и перечитывали другъ другу *воззваніе къ первопрестольной Столицѣ Москвѣ*. Между тѣмъ, какъ каждый отъ сего отеческаго воззванія кипѣлъ гнѣвомъ противъ врага люта́го и ревновалъ вѣрною грудью стать за градъ первопрестольный, вдругъ принеслась отъ заставы вѣсть, что *усердные Московскіе обыватели хотятъ изъ коляски Государевой выпрячь лошадей и нести на плечахъ до самаго Кремля*. Безъ всякаго посторонняго внушенія, жители, отдыхавшіе на *Поклонной горѣ* и въ рощѣ, единодушно воскликнули: *не уступимъ; мы впереди; мы прежде поспѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску Государеву. Ура! впредъ!* Съ симъ словомъ двинулось нѣсколько сотъ впередъ. Веселясь, что они скорѣе другихъ извѣстятъ

свое усердіе, при появленіи вдали кареты или коляски, радостно возглашали: *ура!* и не шли, но летѣли. Начинало уже смеркаться; на пятнадцатой верстѣ отъ заставы, узнали отъ проѣзжихъ изъ села *Перхушкова*, гдѣ Государь изволилъ отдыхать, что Его Величество на другой день осчастливитъ Москву Своимъ присутствіемъ....*Одиннадцатаго Іюля*, одно только горестное чувствіе посѣтило сердца Московскихъ жителей; то, что они нѣсколькими часами позже увидятъ Царя милосерднаго.

Все то, что относится къ изъявленію народнаго духа, все то достойно вниманія. Крестьяне деревни *Филей*, или села Покровскаго, находящагося въ трехъ верстахъ отъ заставы, по коренному Русскому обычаю, желая встрѣтить Государя съ *хлѣбомъ и солью*, послали

двухъ гонцовъ верхами въ *Перхушково*. Гонцы свое дѣло исполнили; посѣли увѣдомить, что Государь выѣхалъ, и хотя уже былъ двенадцатый часъ ночи, но священникъ *Григорій Гавриловъ* села Покровскаго, имѣлъ щастіе встрѣтить Государя на *Поклонной горѣ*. Священникъ былъ въ облаченіи, со крестомъ на блюдѣ; престарѣлый Дьяконъ держалъ свѣчу, разлившую блескъ среди ночи. Государь ѣхалъ въ открытой колясскѣ; при семъ благоговѣйномъ зрѣлищѣ тотъ часъ приказалъ остановиться; изъ рукъ священника принялъ блюдо со крестомъ и приложился съ глубокимъ вздохомъ. Царь Руской скорбѣлъ о народѣ Своемъ; Царь небесный услышалъ воздыханіе Своего Помазанника и спасъ Царя и Царство.

При встрѣчѣ Государя читаны *стихиры Пасхи*: „да воскреснетъ Богъ

„и расточатся врази его.“ Воскресъ Богъ Руской; расточились враги Царя благочестиваго!

По Ангельской Своей скромности, Государь уклонился *одиннадцатаго Іюля* отъ торжественныхъ народныхъ кликовъ; въѣхалъ подъ мракомъ ночи въ Столицу предковъ и остановился въ Кремлевскомъ Дворцѣ.

Двенадцатое Іюля.

Уже строптивый врагъ напоромъ всѣхъ своихъ силъ тѣснился къ предѣламъ Смоленска; уже мечталъ, что Руская земля, попираемая его ногами, отнынѣ и навсегда будетъ волѣ его рабствовать. Злодѣй, ослѣпленный буйною гордостью, и помыслить не могъ, что власть надъ сердцами сильнѣе всѣхъ властей, и что торжество вѣры и вѣрности есть торжество

природныхъ Государей, Помазанниковъ Божіихъ и отцевъ своихъ подданныхъ.

Двенадцатый день Іюля *тысяча восемь сотъ двенадцатаго года*, напечатлѣется въ лѣтописяхъ отечественныхъ торжествомъ любви Царя природнаго, надъ сердцами народа вѣрнаго.

Съ восходомъ солнечнымъ жители Московскіе начали стекаться въ Кремль. Тысячи народа шли за тысячами; на площади не оставалось свободнаго и слупня земли. Старцы воздвигались съ одромъ, желаніемъ узрѣть своего Царя, и матери съ младенцами безбоязненно тѣснились между безчисленными сонмами. Въ сей день каждый страшился только того, чтобы не опоздать къ тому мгновенію, когда выйдетъ изъ древнихъ царскихъ чертоговъ Царь право-

славный, прибывшій съ полей битвъ къ отрадѣ общенародной. Казалось, будто бы и природа согласовалась съ движеніемъ радостныхъ сердецъ: солнце въ полномъ блескѣ сіяло; но въ сей день, въ сіи часы, очи и души всѣхъ обращены были къ другому свѣтилу,— къ Царю-Отцу, который подъ мракомъ грозныхъ тучъ, озарялъ Свое Царство надеждою на Бога и довѣренностію къ Отечеству!

Вышелъ Царь Руской изъ палатъ предковъ Своихъ; какъ Ангелъ Божій, явился народу на Красномъ крыльцѣ. Раздался звонъ колокольный; воскликнули сотни тысячь голосовъ: *да здравствуетъ Царь Государь!* полетѣли шапки на воздухъ....Съ радостными возглашеніями: *ура!* мѣшались слезы и рыданія. Восторгъ, жалость, любовь къ Царю кроткому, гнѣвъ къ врагу

лютому: волновали души и сердца. Тысячи людей Русскихъ въ слезахъ и рыдая, кричали отъ избытка душевнаго: *Веди насъ Царь Государь! упрекъ, или истребитъ злодѣя!* . . . Съ того времени, когда Божіи Помазанники воцарились надъ народами, съ того самаго времени никто изъ Царей нигдѣ и никогда не былъ такъ встрѣченъ и привѣтствуемъ, какъ встрѣченъ былъ нашъ Царь, Отецъ подданныхъ и Царь сердецъ!

Что ощущало тогда сердце Царя Рускаго? Ему и Богу только извѣстно. Привѣтствуемый торжественными кликами, Государь остановился на Красномъ крыльцѣ; нѣсколько минутъ очи и сердце его обтекали сонмы народа вѣрнаго; потомъ шествовалъ къ Успенскому собору, и неоднократно останавливаемъ былъ порывами ревности и

усердія. Иные припадали къ стопамъ Государя; другіе хватались за одѣяніе, и всѣ близъ стоявшіе со слезами восклицали: *Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! да сохранитъ тебя Богъ!*

Между тѣмъ звонъ колокольный продолжался; клики народные гремѣли неумолчно. . . .

Преосвященный Августинъ, Викарій Московскій, во внутренности храма Божія повторилъ Государю въ разительныхъ изреченіяхъ то, что происходило въ сердцахъ народа при встрѣчѣ Царя - Отца. „Тамъ, вѣщалъ духовный витія: тамъ, среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій Своихъ, Ты мещешь перуны на дерзскаго врага; здѣсь воспламеняешь души наши любовію къ Тебѣ и Отечеству: тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы; здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюблен-

ной Россіи; тамъ казнишь, здѣсь покоишь: тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь." Въ сей день совершалось молебствіе о замиреніи съ Турціей. Государь Самъ былъ благовѣстителемъ мира. . . . . Да будетъ Онъ скорѣе въ древней Своей Столицѣ Ангеломъ благовѣстителемъ общаго избавленія Европы и человѣчества! . . .

Выходъ Государя изъ Успенскаго собора новыми сопровождался кликами. Всѣмъ казалось, всѣ были убѣждены, что Царь богобоязненный, поклонившійся гробамъ предковъ Своихъ, приложившійся къ Святымъ Мощамъ, изъ стѣнъ храма Божія выводитъ съ собою спасеніе Отечества! . . . Зрѣлище неописанное; зрѣлище, какимъ только въ землѣ Руской можетъ наслаждаться Царь благовѣрный: но и въ Руской землѣ едва ли когда

было подобное зрѣлище. Единодушное только избраніе на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова можетъ сравниться съ сими восхитительными часами. Сколь судьбы Божіи неисповѣдимы! За двѣстѣ лѣтъ передъ симъ, сынъ Великаго Патріарха Филарета, Михаилъ Первый возставилъ Отечество, врагами раззоренное; черезъ двѣстѣ лѣтъ потомокъ Михаила, Александръ Первый, удержалъ упадающее Отечество и спасъ народъ, которому коварный и лукавый врагъ несъ вѣчныя цѣпи, вѣчный позоръ!

Всѣ часы, всѣ мгновенія *двенадцатаго Іюля*, ознаменовывались усердіемъ и любовью народной. Обѣденное время представило новое пріятное зрѣлище.

Обыватели Московскіе всякаго званія, лѣтъ и пола, взошедъ на Красное крыльцо, обступили всѣ

окна, и пока продолжался столь не спускали глазъ съ Государя. Они радовались, они восхищались видя Рускаго Царя, вкушавшаго хлѣбъ-соль въ палатахъ предковъ и въ первопрестольной Столицѣ. Когда хотѣли отдалять народъ, Государь говорилъ: *не троньте! не троньте!* По сему случаю одинъ почтенный любитель Отечества сказалъ: *въ одной только Москвѣ можно насладиться столь восхитительнымъ сближеніемъ народа съ Государемъ. Добрые Рускіе Цари такимъ образомъ строили свои палаты, чтобы они могли всѣхъ видѣть и чтобы и люди Рускіе ихъ видѣли и къ нимъ приближались какъ дѣти къ отцамъ.*

Въ двенадцатый день Іюля *тысяча восемь сотъ двенадцатаго года*, на Красной площади, въ виду древнихъ чертоговъ, передъ лицемъ божественныхъ храмовъ, гдѣ почіетъ прахъ Рускихъ Царей; въ стѣнахъ

Кремля—воспріялъ новое пораженіе *Наполеонъ кровожадный*. На Красной площади, предъ лицемъ Царя благочестиваго, предъ лицемъ священныхъ соборовъ, изрекъ народъ православный клятву: *или умереть, или истребить врага нечестиваго!*

День двенадцатаго Іюля *тысяча восемь сотъ двенадцатаго года*, есть день *празднества* любви народной и день щастія Государя природнаго, Ангела вѣнценоснаго и Царя сердецъ.

Пятнадцатое Іюля тысяча восемь сотъ двенадцатаго года.

Каждый день пребыванія Государя въ первопрестольной Столицѣ, былъ днемъ торжества *любви народной*. Пятнадцатый день Іюля будетъ также достопамятенъ въ потомствѣ по любви Русскихъ къ

Царю Рускому. Въ сей день повѣщено было дворянству и купечеству въ девять часовъ утра собраться въ Слободскомъ Дворцѣ въ двухъ различныхъ комнатахъ. Стеклось множество дворянъ и гражданъ, готовыхъ въ нуждѣ Отечества, не только отречься отъ своихъ выгодъ, но и нужды свои забыть.

Блаженъ Царь, любимый народомъ! блаженъ и народъ, управляемый Царемъ природнымъ! Народъ вѣряетъ души свои Помазаннику Божію; а Сей посредникъ между Богомъ и Его людьми, открываетъ всю душу, все сердце Свое народу вѣрному, народу православному!...

Прибывъ во Дворецъ, Государь тотъ часъ пошелъ въ Дворцовую церковь, гдѣ совершаемо было молебствіе для испрошенія покровительства небеснаго. Моленія Царя-

Отца за подвластный ему народъ сердцами и душой; такія моленія восходятъ къ Престолу Царя Царей, заступнику правоты и карателю насильства.

По окончаніи молебствія, Государь посѣтилъ купеческое сословіе. При воззрѣніи на лица вѣрныхъ Московскихъ гражданъ, наполнилось жалостію Отеческое сердце Александра Перваго. Государь началъ говорить, и съ произношеніемъ перваго слова слезы показались въ очахъ его. Сильною священною ревностію завипѣли сердца всѣхъ гражданъ. Слезы Царя о народѣ, суть безцѣнный даръ! Градской голова, одушевленный ревностію, воскликнулъ: Государь! *мы всѣ готовы Тебѣ жертвовать имуществомъ и жизнію.* И въ то же мгновеніе начались пожертвованныя подписки,

Въ дворянскомъ и купеческомъ собраніи, еще до прибытія Государя во Дворецъ, читанъ былъ Высочайшій Манифестъ Государственнымъ Статсъ-Секретаремъ Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ. Когда же все купечество воспалялось соревнованіемъ въ пожертвованіяхъ, Московской Градоначальникъ вошелъ въ Дворянское собраніе и указывая на купеческую комнату, сказалъ: *вотъ оттуда будутъ щедрые дары на содержаніе ополченія; а намъ предоставилъ Государь выставить воиновъ.*

Гдѣ души готовы на пользу Отечества, тамъ не нужны многорѣчивыя пренія. Совѣщаясь между собою, усердные дворяне сказали: *все, что имѣемъ, принадлежитъ Государю и Отечеству. Надо отдать все; предлагаемъ въ ополченіе съ десяти душъ одного.* Вскорѣ прибылъ Государь, и

въ рѣчи Своей изъяснилъ, что хотя Онъ никогда не сомнѣвался въ усердіи дворянства, но при семъ случаѣ рвеніе дворянства превзошло даже Его ожиданіе; и заключилъ сими словами: *время всего дороже.*

По отбытіи Государя изъ Дворца, Московскій Градоначальникъ началъ начертаніе о составленіи и вооруженіи *ополченія.* Немедленно учредились два *комитета:* одинъ для пріема новыхъ защитниковъ Отечества; другой для пріема пожертвованій, приносимыхъ на олтарь Отечества.

Состояніе Москвы отъ отъѣзда Государя до Бородинскаго сраженія.

Государь отъѣхалъ въ Петербургъ 18 Іюля въ ночь. Начались выборы чиновниковъ въ ополченіе; принимались ратники и пожертвованія.

Между тѣмъ надлежало употребить дѣятельныя мѣры и неусыпную осторожность, къ сохраненію въ Москвѣ внутренняго спокойствія. До вооруженнаго нашествія Французовъ на Россію, *развратное* ихъ *нашествіе* уже около семидесяти лѣтъ гнѣздилось въ сердцѣ нашего Отечества. Изъ безбожной и вѣроломной Франціи стекались къ намъ толпы *обольстителей*, чтобы у насъ все разстроить и все покорить себѣ. Въ иномъ успѣли, въ другомъ домогались успѣть. Извергъ *Наполеонъ* во всѣхъ странахъ побѣждалъ не столько силою оружія, сколько происками *невидимаго войска*. Сіе войско пролагало ему входъ во всѣ города и *золотымъ ключемъ* отворяло ворота крѣпостей. Съ того времени, когда по словамъ *Посошкова*, иноплеменники прорубили различные входы

въ Россію, тогда и *невиданное войско развратителей* пробралось въ области Русскія, особенно въ Столицы. Разсыльщики *Наполеона* разглашали, что онъ идетъ въ Россію не воевать, но несетъ *свободу* и *равенство*. (1) Наполеонъ одно войско велъ *явно*, другимъ предводительствовалъ *тайно*.

Сверхъ того Русскіе города не въ томъ уже видѣ, въ какомъ были за два вѣка передъ симъ. Тогда въ цѣлой Россіи былъ только *одинъ литейный дворъ*, (2) нынѣ въ одной Москвѣ около трехъ сотъ различ-

---

(1) Разрушивъ законное правительство во Франціи—„всѣ повелѣвали, то тотъ, то другой здѣсь. Думали, что это будто *равенство* и *свобода*, а никто не смѣлъ рта разинуть, носа показать и судъ былъ хуже Шемякина.“ (Смот. Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ.)

(2) Смотр. Историческій лексиконъ Татищева, стр. 105.

ныхъ сходбищъ для праздности и пустословія. Отъ тѣснаго сношенія съ иноплеменниками и въ людяхъ Русскихъ произошла *шаткость* и разномысліе. Не тъ *друзья народа* которые величаютъ его для *своихъ личныхъ выгодъ;* тъ истинно любятъ народъ и отечество, которые берутъ всѣ предосторожности, чтобы народъ соблюлъ вѣру и вѣрность.

Градоначальникъ Московскій сталъ на неусыпную стражу Столицы, ввѣренной ему Государемъ въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ нашего Отечества. Первое попеченіе обратилъ онъ на тѣ сходбища, гдѣ отъ пустословія праздношатающихся происходитъ буйство, особливо въ обстоятельствахъ необычайныхъ. Въ. слѣдствіе сего Градоначальникъ Московскій отъ 10 Іюня далъ предписаніе Его Пре-

осходительству П. А. Ивашкину:(1) Для сокращенія разврата, пьянства, безобразія и гибели многихъ олодыхъ людей въ *трехъ стахъ вяноста двухъ домахъ*, подъ названіемъ герберговъ, ресторацій, сѣстныхъ трактировъ и харчевень, епоручаю Вашему Превосходительству всѣ оныя мѣста привести въ пристойное положеніе.“

Всѣ сіи сборныя мѣста отъ 10 оня стали запираться въ 10 часовъ по полудни. Тишина, порядокъ внутренняя безопасность соблюдены были въ Москвѣ до самаго ого дня, когда враги заняли Москву. Потомство отдастъ пол-

(1) П. А. Ивашкинъ, Оберъ-Полицмейстеръ Московскій, за понесенные труды въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ древней Руской Столицы, удостоился получить знаки Святаго Владиміра второй степени.

ную справедливость Московскому начальству, которое ежеминутно *безпокоилось* для нашего *спокойствія*.

Здѣсь по долгу благодарности, каждый Руской можетъ припомнить, что уже за нѣсколько лѣтъ до 1812 года, Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ посвятилъ всѣ помышленія свои къ поддержанію народнаго духа и къ обличенію коварства Французовъ. Свидѣтельствуюсь сочиненіемъ его, подъ заглавіемъ: *Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ.* Сего сочиненія въ 1807 году въ одной Москвѣ разошлось болѣе семи тысячъ книжекъ. Мѣщане, поселяне всѣ на перехватъ покупали; всѣ радовались, что Руской Вельможа говоритъ съ Рускими по *Руски* о вѣрѣ, вѣрности, о буйственныхъ шатаніяхъ мимо просвѣщенныхъ Французовъ. Онъ первый сказалъ, что *великій Наполе-*

опъ, въ войско Русское и въ *рекруты* не годится. Естьлибъ при самомъ началѣ затѣй *Наполеоновыхъ* въ Германіи, сей извергъ въ такомъ же бы ничтожномъ видѣ представленъ былъ Нѣмцамъ, тогда можетъ быть не пострадалибъ милiоны, и не пролилась бы кровь сотней тысячь! Подлые ласкатели, недостойные имени Германцевъ, величали и славили *Наполеона* на пагубу своихъ соотчичей. И нѣкоторые Французы признаются, что безбожные ихъ писатели развратными своими сочиненіями *зарядили пушки*, и *навострили штыки* буйныхъ Французскихъ полчищъ. Надлежало *разряжать пушки*, *притуплять* штыки увѣщаніями въ вѣрѣ и вѣрности. *Наполеонъ* особенно домогался развращать народы; къ предостереженію отъ разврата надлежало сближаться съ понятіемъ народ-

нымъ; надлежало всѣмъ и каждому представить *Наполеона* во всей гнусности его злодѣяній. Вотъ, что дѣлалъ Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ. За то *Наполеонъ*, убѣжавъ изъ Россіи, заставилъ по Нѣмецки сочинить книгу, въ которой клевещетъ: будто бы Московскій Градоначальникъ издержалъ все имущество свое на подкупленіе мѣщанъ и поселянъ, чтобы они не покорялись *Наполеону* и билибъ Французовъ. Мы согласны, что Графъ Ѳедоръ Васильевичъ *закупилъ сердца;* онъ закупилъ *цѣною* любви своей къ Русскимъ; *цѣною* ревностнаго усердія къ Отечеству и Престолу. Московской Градоначальникъ не только для общей пользы сносился съ Русскимъ народомъ, но и по душевному убѣжденію, что народъ Руской есть первый народъ по вѣрѣ къ Богу, по вѣрно-

сти къ природнымъ Государямъ, по любви къ родной странѣ. Чье сердце заблаговременно привыкло ко всему Рускому, тому и въ важнѣйшихъ отечественныхъ обстоятельствахъ не трудно было говорить сердцамъ людей Рускихъ.

Дружескія посланія Московскаго Градоначальника къ обывателямъ Московскимъ, и подъ грозною тучею, несшеюся отъ Смоленска къ Москвѣ, развеселяли души и сердца. Государевъ Градоначальникъ какъ другъ, какъ отецъ увѣщевалъ людей Рускихъ; и люди Рускіе въ восторгахъ благодарности обращались къ священнымъ стѣнамъ Кремля и крестясь, со слезами говорили: *благодаримъ Бога и Царя; у насъ крѣпкой слуга Государевъ: у насъ отецъ Москвы!* (1)

(1) Смотр. десятую книжку Рускаго Вѣстника 1812 года.

Всѣ посланія Московскаго Градоначальника къ народу, съ такимъ же стремленіемъ расхватывали, какъ и извѣстія о побѣдахъ. И дѣйствительно, сіи посланія были побѣдами надъ коварствомъ, лукавствомъ и злоухищреніемъ *Наполеона*. Уже ли то, что тогда имѣло *цѣну*, не должно теперь имѣть *цѣны?* и ужели неблагодарность должна быть наградою всѣмъ тѣмъ, которые для блага и спокойствія другихъ забываютъ себя и все личное свое? . . .

Между тѣмъ *Наполеонъ* часъ отъ часу ускорялъ наглый напоръ внутрь Отечества нашего: съ грозными и многочисленными полчищами явился онъ у стѣнъ древняго Рускаго града Смоленска. Не посрамило себя Руское воинство подъ стѣнами перваго отечест-

венаго града ; три дни, съ меньшими силами , полководцы Рускіе отражали всѣ силы *Наполеона ;* каждый разъ тысячи разнородныхъ полчищъ устилали поля Смоленскія. Но что значитъ потеря тысячъ для безчеловѣчнаго сердца Корсиканца? По рѣкамъ крови и по трупамъ жертвъ ненасытнаго своего честолюбія , *Наполеонъ* вторгся въ Смоленскъ....Руское войско отступило къ Москвѣ.

Воины ! падшіе подъ стѣнами Смоленска ; граждане ! по вѣрѣ и вѣрности учинившіеся воинами и на стѣнахъ родныхъ запечатлѣвшіе кровію любовь къ Царю и отечеству: какъ предки наши за двѣсть лѣтъ , такъ и вы подали всѣмъ Рускимъ городамъ примѣръ *мужественнаго* стоянія за вѣру и Отечество ! Утѣшьтесь въ небесахъ! . . . Въ сіе мгновеніе , когда

васъ воспоминаю, уже знамена Русскихъ, подъ предводительствомъ Царя Русскаго развѣваются у стѣнъ Парижа! . . .

Со взятія Смоленска, началось переселеніе *Русскихъ* въ *Россіи*. Съ родныхъ попелищъ множество престарѣлыхъ отцевъ семействъ, поруча себя Божію произволу, пустились—куда глаза глядятъ. Сыны ихъ сражались со врагами, а они въ скорби о родинѣ, въ скорби о сынахъ скитались по обширной Россіи. Иные *старцы Смоленскіе* умерли въ дорогѣ, лишась послѣдняго утѣшенія,—лечь на кладбищѣ праотеческомъ!

Не льзя описать картины, представленной въ Москвѣ пріѣздомъ семействъ, изгнанныхъ врагами изъ ихъ жилищъ! Въ сіи дни всеобщаго сѣтованія еще болѣе стали сближаться сердцами. Вихрь забавъ и

утѣхъ увлекаетъ другъ отъ друга; скорбь и чужихъ и своихъ сближаетъ. Нѣкоторые Смоленскіе помѣщики, жившіе въ Москвѣ во время ликованій Московскихъ, по *свѣтскимъ недосугамъ* едва ли когда встрѣчали одинъ другаго; погда каждый искалъ соучастника въ горести по родинѣ. Незабвенны будутъ безкорыстныя вспомоществованія, оказанныя добрыми сердцами *братіямъ страдальцамъ!* Мы узнали все горе, всю скорбь по *родной сторонѣ;* будемъ жить для *своихъ;* и *чужіе* не дерзнутъ нарушать миръ и щастіе нашихъ пепелищъ.

Нѣкоторыя изъ Смоленскихъ семействъ остались въ Москвѣ выжидать обстоятельствъ; другія отправились далѣе: въ слѣдъ за ними уѣзжали и жильцы Московскіе. Каждый часъ на улицахъ встрѣчались отъѣзжающіе.—Изъ Минска,

изъ Витебска и другихъ городовъ, нѣкоторые Русскіе чиновники или нѣмцы съ женами и дочерьми; но они еще были щастливы: они успѣли спасти и жену и дочерей. Другіе, въ неутѣшной скорби, выѣхали или выбѣжали, не имѣвъ даже времени проститься съ домашними. Одинъ изъ сихъ нещастныхъ отцовъ, оставя нечаянно въ Витебскѣ жену и нѣсколько человѣкъ дѣтей, записался въ Московское ополченіе. „Естьли Богъ, говорилъ онъ, не соединитъ меня съ женою и дѣтьми, пусть по крайней мѣрѣ умру за Отечество!“ И въ то же самое время, *Наполеонъ* о выходцахъ изъ городовъ, занятыхъ Французами, вопіялъ: *Русскіе варвары; Русскіе бѣгутъ отъ меня въ мразныя страны Сибири.*

Москва часъ отъ часу пустѣла; начальство, неусыпное о спокой-

ствіи жителей, часъ отъ часу усугубляло дѣятельность и осторожность. Благодаря Богу, Царю и Московскому начальству, *ни одно семейство*, жившее въ Москвѣ до 2го *Сентября*, 1812 года, то есть до входа враговъ въ древнюю Русскую Столицу; *ни одно семейство* не было потревожено и обезпокоено внутри Москвы.

Присутственныя мѣста отправлялись; вывозили казенныя вещи и все, что можно было вывезть изъ Монастырей и Церквей. Наружное благолѣпіе храмовъ Божіихъ, то, что ежедневно у всѣхъ было въ глазахъ, оставалось въ прежнемъ видѣ. Совершеннымъ опустошеніемъ Церквей опасались взволновать умы народа; а притомъ нужно было не открывать врагу того, что надлежало отъ него *таить*....Между прочимъ я слышалъ,

что покойный Преосвященный Платонъ сказалъ: *если рука нечестивцевъ прикоснется къ образамъ Божіимъ; они погибнутъ!*

Вмѣстѣ съ выходцами Смоленскими прибылъ въ Москву образъ Смоленской Божіей Матери. Переселеніе образовъ поражало души и сердца. 26 Августа, въ достопамятный день битвы Бородинской, изъ Успенскаго Собора вынесли Смоленскую Божію Матерь для препровожденія далѣе. Обыватели, стоявшіе на площади передъ Соборомъ, съ слезнымъ рыданіемъ припадая къ Образу, восклицали: *И Ты, наша Заступница! и Ты насъ оставляешь!* . . . Различные слухи носились по городу; раждалось какое-то недовѣріе другъ къ другу, даже непріязнь. Болѣе столѣтія нога иноплеменника не была на землѣ Руской; внутренняя война взволно-

вала умы и души. „Вѣмъ извѣстно," говоритъ краснорѣчивый проповѣдникъ *Θеофанъ*, „како пятчайшая брань есть въ предѣлахъ своего Отечества, нежели въ чуждихъ: внутренній страхъ и боязнь; разбѣгаются и кроются жители; престаютъ купли, оскудѣваютъ мытницы, Отечества имѣніемъ питается и богатѣетъ супостатъ, и ничего не щадитъ, яко чуждаго; но и кромѣ потребы и нужды своей, разграбляетъ и раззоряетъ."

Все сіе въ нашихъ глазахъ совершалось. Скрывались по лѣсамъ нещастные жители; прекратились торги; въ иныхъ мѣстахъ кусокъ хлѣба былъ *даромъ Небеснымъ*; не щадилъ ничего врагъ лютый. Въ неистовой ярости жегъ города, села, деревни; грабилъ, раззорялъ и алкалъ всю Россію превратить въ пустыню. Скорбь и сѣтованіе раз-

ливались по лицу земли Русской: ужасно тягостно бремя *внутренней войны!* но сіе бремя восприяла Россія на мощныя рамена свои къ спасенію Отечества, Европы, къ защитѣ вѣры, добродѣтели и человѣчества.

Съ приближеніемъ *Наполеона* къ Москвѣ усиливалось негодованіе Русскихъ противъ Французовъ. Московскій Градоначальникъ дорожа честію Русскихъ, не желая, чтобы и въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ первопрестольной Столицы, народъ предался какому-нибудь излишеству: онъ рѣшился заблаговременно удалить нѣкоторыхъ Французовъ, жившихъ въ Москвѣ. При отправленіи ихъ читано имъ по Французски увѣщаніе, котораго предлагаю здѣсь смыслъ:

„*Французы!* въ одномъ воззваніи къ городу *Парижу*, Наполеонъ сказалъ: *Французы! вы много разъ по-*

вторяли, кто меня любите. Желая убѣдить въ сей истинѣ, вы ревностно служили ему и въ Сѣверныхъ странахъ, гдѣ зима и опустошеніе спорятъ о владычествѣ. (1) Спокойствіе народа и личная ваша безопасность требуютъ вашего удаленія. Въ раздраженіи противъ вашихъ единоземцевъ, великодушный и благотворительный Руской народъ можетъ предаться исступленію. Нѣтъ! Богъ охранитъ Рускихъ отъ бѣшенства, которымъ Французы посрамили себя передъ лицемъ всего человѣчества. И такъ удалитесь; ступайте на берега Волги; живите среди мирныхъ жителей, отдаленныхъ отъ бурь военныхъ. На нѣсколько времени пере-

(1) Такими словами описываютъ Французы Россію; они называютъ ее жилищемъ волковъ и медвѣдей: за чѣмъ же ѣздятъ въ Россію?

Прим. Издат.

селитесь въ Азію. Пора вамъ изъ Французовъ негодяевъ сдѣлаться добрыми Русскими мѣщанами. Будьте покорны, или страшитесь жестокаго наказанія. Войдите въ барку, войдите въ самихъ себя; и не заставьте барку уплыть безъ возврата."

19 Августа, 1812 года.

Москва.

Состояніе Москвы отъ Бородинскаго сраженія до входа въ оную враговъ.

Послѣ Бородинской битвы слабые лучи надежды просіявали, и мгновенно изчезали. Много ходило радостныхъ вѣстей, но скорбь тяготила души. Между тѣмъ, чтобы дать время оттянуться къ Москвѣ казеннымъ и частнымъ обо-

замѣ, чтобы спасти сколько возможно раненыхъ, Рускія войска удерживали *шесть дней* сильный напоръ враговъ, къ которымъ подоспѣли свѣжія полчища послѣ Бородинскаго дѣла.

Какое жалостное зрѣлище представляла Москва въ послѣдніе дни Августа! Тысяча повозокъ тянулись съ ранеными; воины, еще не обсохлою кровію обагренные, лишенные рукъ и ногъ, страдали, но не роптали. Московскій Градоначальникъ и въ сіи слезныя минуты, зная доброту Рускаго сердца, увѣщевалъ обывателей посѣщать раненыхъ, кормить, одѣвать и облегчать ихъ болѣзнь Христіянскимъ соболѣзнованіемъ. Добродушные обыватели со всѣхъ рынковъ цѣлые латки калачей и хлѣба несли раненымъ. Московскій Градоначальникъ самъ нѣсколько разъ на-

вѣщалъ раненыхъ, къ каждому подходилъ, каждаго разспрашивалъ и съ изобиліемъ снабжая ихъ всѣмъ нужнымъ, говорилъ: *на здоровье, ребята! Государь вамъ жалуетъ!* Послѣднее свое гостепріимство, послѣднюю свою *хлѣбъ-соль*, предложила Москва раненымъ своимъ братьямъ, вѣрнымъ слугамъ Царя и Отечества.

Изъ стана Рускаго приходили разныя вѣсти. Говорили, что будетъ взято Смоленское предмѣстіе для построенія батарей.—Въ сіе время и въ войскѣ такъ были увѣрены о сраженіи подъ стѣнами города, что нѣкоторые изъ лагеря отправляли пожитки свои въ Москву, какъ въ безопаснѣйшее мѣсто. Въ ночь 31 Августа подъ Москвою запылали огни военные, которые соединяясь съ пожарами окрестныхъ деревень, среди мрака и темноты

осіявали небо обширнымъ заревомъ.

Наканунѣ 30 Августа, Московской Градоначальникъ издалъ воззваніе къ Московскимъ поселянамъ о защитѣ Москвы. Сіе воззваніе вразумило Московскихъ поселянъ въ томъ, что имъ надлежало дѣлать для первопрестольной Столицы, для матери, питавшей и хранившей чадъ своихъ. Не успѣла составиться особенная дружина; но по наглому входѣ враговъ въ Москву, составились тысячи Московскихъ дружинъ. Гдѣ же были сіи дружины? Вездѣ, гдѣ только были поселяне, вѣрные Богу, Царю и Отечеству. Но симъ поселянамъ надлежало внушить предварительно о возстаніи на враговъ. Для сего разосланы были нарочные по окрестнымъ деревнямъ. Во имя Бога и Царя и тогда уже множество поселянъ съ разныхъ

сторонъ готовы были итти на защиту матери городовъ Русскихъ.

Внезапное появленіе по большимъ дорогамъ множества каретъ и повозокъ, волновало умы жителей селъ и деревень. Въ жалости сердечной по Москвѣ и въ досадѣ, что ее оставляютъ, *выходцовъ Московскихъ* называли *измѣнниками*. Не льзя укорять за сей упрекъ; кому не жаль было Москвы? Но изъ нашихъ слезъ, изъ нашей скорби по Столицѣ первопрестольной возникло спасеніе Отечества, Европы и человѣчества!

Въ воскресенье 1 го *Сентября* все уже было въ смятеніи! Наканунѣ изъ Драгомиловской или Смоленской заставы, часто проскакивали конные чиновники, крича народу: *спасайтесь! спасайтесь!* Обозы воинскіе шли безпрестанно; лавки запирались; улицы и домы пустѣли.

Въ обширной Москвѣ, въ Столицѣ *прихотливой роскоши*, не льзя уже было найти даже и самаго необходимаго для жизни. Какая противуположность!...Лошадей не льзя было нанять ни за какія деньги; и за двѣ уже недѣли за тройку лошадей на пятдесятъ и шестьдесятъ верстъ, платили по *полутораста рублей*. Такое обстоятельство не важно было бы въ другое время; но оно важно стало потому, ибо показываетъ причину, отъ чего не всѣмъ Московскимъ жителямъ можно было выѣхать заблаговременно. (1) Въ достопамятный день 1 го *Сентября*, по случаю новыхъ разпоряженій непріятеля, пустившаго *двѣ*

---

(1) Отправленіемъ моего семейства изъ Москвы обязанъ я моимъ роднымъ братьямъ, пріѣхавшимъ изъ Смоленска. Да простятъ мнѣ, что о семъ говорю! Пріятно воспоминать о благодѣяніяхъ дружбы и любви.

новыя колонны по Звенигородской и Калужской дорогамъ, составился военный совѣтъ подъ стѣнами Москвы. Рѣшено: провести войска Русскія черезъ Москву. Въ десять часовъ по полудни получило о томъ свѣдѣніе Московское начальство. Какъ же было повѣстить, чтобы всѣ немедленно изъ Москвы выѣзжали? ударить ли въ *набатъ*? Но что бы произвелъ въ Россіи первый набатный Московскій колоколъ? Пусть рѣшатъ сей вопросъ тѣ, которые берутся разпоряжать *прошедшимъ*. А чтобы ни по какому случаю не было *набатнаго шуму*, въ разсужденіи того Московское начальство взяло всѣ предварительныя и всѣ нужныя мѣры. Отъ сей предварительной мѣры даже и 2 *Сентября*, когда врагъ вступалъ въ Москву, и когда по словамъ простолюдимовъ, *пошла вольная*

полойка: въ стѣнахъ осиротѣвшей Москвы все было тихо и спокойно.

Въ девять часовъ по утру, 2 го *Сентября*, войско Руское вступало въ Москву, и проходило черезъ нее, — для избавленія Россіи и для спасенія Европы отъ ига лютаго злодѣя. На челѣ великаго Рускаго Полководца, на лицахъ Рускихъ Героевъ изображалась скорбь и сокрушеніе. По пятямъ ихъ — шелъ врагъ разрушитель! Тѣ, которые любопытствовали о переходѣ войскъ, получали въ отвѣтъ: *мы идемъ въ обходъ*. Куда же? Этого никто бы не сказалъ и сказать бы не могъ. Общее воинское разпоряженіе извѣстно *одному* или *нѣкоторымъ*. Когда чрезъ Драгомиловской мостъ и въ бродъ прошло войско, братья мои и я — мы возвратились домой. Часовъ около трехъ по полудни услышали крикъ: *Французы идутъ!* Къ щастію

лошади наши были осѣдланы; съ *Благовѣщенья бережковъ* пробрались мы переулками на *Пречистенку*. Тамъ встрѣтили послѣдніе Русскіе полки, въ числѣ коихъ находился и *Любавской полкъ*, въ которомъ служитъ братъ мой, раненый подъ *Бородинымъ*. Мы пристали къ сему полку.

Наступалъ часъ вечерень; нигдѣ не слышно было звону колокольнаго. Мрачное безмолвіе повсюду царствовало. Встрѣчая у нѣкоторыхъ домовъ старыхъ господскихъ слугъ, мы говорили имъ: *Уходите изъ Москвы; непріятель вошелъ.* Они же отвѣчали: *не пойдетъ; мы должны охранять домы своихъ господъ: мы за тѣмъ и остались.* Подъѣзжая къ Кремлю набережною Москвы рѣки, увидѣли новое поразительное зрѣлище. Старики, женщины и отроки несли ружья и сабли. Мы

просили: *Гдѣ они взяли оружіе и куда оное несутъ?* Общій отвѣтъ былъ: *мы взяли оружіе въ Арсеналѣ и несемъ то домамъ,—чтобы бить Французовъ.* Въ истинѣ сихъ словъ свидѣтельствуюсь всѣми чиновниками Любавскаго полка.

Москва не была сдана Наполеону ни на какихъ *опредѣлительныхъ условіяхъ;* онъ впущенъ въ нее—для погибели буйныхъ его полчищъ. Я слышалъ въ тотъ же день, когда непріятель вошелъ въ Москву, что Генералъ Милорадовичъ, остановя передовыя Французскія войска, сказалъ: *естьли будетъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ, пока всѣ полки Русскіе перейдутъ черезъ Москву; то Русскіе станутъ драться въ улицахъ.* Перестрѣлка началась только тогда, когда за Рогожскою заставою и въ другихъ мѣстахъ вытянули цѣпь для прикрытія отступленія.

Вольно было *Наполеону, устроенное отступленіе* называть *бѣгствомъ*; вольно ему было мечтать, будто бы входомъ въ опустѣлую Москву завоюетъ *Россію, Европу* и *вселенную!*

Послѣдніе Русскіе полки разположились на ночлегъ въ пяти верстахъ отъ Москвы. Какая была противуположность между Русскими войсками и полчищами *Наполеона!* Въ сіи часы торжественно ознаменовалась сила устройства, порядка, повиновенія и любви Русскихъ къ Царю и Отечеству. Оглядываясь съ жалостью сердечною на горящую Москву, воины горестно восклицали: *Горитъ матушка Москва! горитъ!*... И при первомъ пламени Москвы, возгорѣлась въ сердцахъ воиновъ Русскихъ непреодолимая ревность, — отмстить за *матерь Русскихъ городовъ*; отмстить за вѣру и отечество!

Изъ Москвы удалилось все начальство, кромѣ начальника Воспи-

тательнаго Дома. Столица первопрестольная осиротѣла и осталась подъ охраненіемъ древней своей Святыни и подъ защитою Бога, карающаго нечестія и нечестивыхъ.

Въ сіи дни скорби и сѣтованія Богъ управлялъ душами Рускихъ. Войско шло въ *обходъ*; поселяне, пламенѣя вѣрой и вѣрностью, принялись за оружіе.... Москва заслонила Россію: народъ Руской *осадилъ* врага буйнаго—въ Москвѣ.

(*Продолженіе впредь.*)

II.

Побѣдоносный Александръ во храмъ Вышняго.

(*Изъ С. Петербурга.*)

Высочайшее присутствіе Августѣйшаго Императорскаго Дома въ

Соборѣ Казанскія Божія Матери, служеніе Архіерейское, безпримѣрное пѣніе, многочисленное собраніе усердно молившихся за здравіе и спасеніе Всемилостивѣйшаго Государя нашего, гробница Смоленскаго, разставленныя трофеи, чтеніе реляціи: все воспламенило духъ мой. Воспаленное воображеніе мое преселилось по слѣдамъ побѣдъ за Рейнъ.—Еще одинъ громовый ударъ съ Сѣвера,—и Галлъ у ногъ Александра,—и Отецъ Отечества здѣсь во храмѣ. — Тогда сіе Ему привѣтствіе, сія дань восторга и благоговѣнія:

Побѣдоносный Александръ
во храмъ Вышняго.

Буди Богу слава и Александру Первому! кимвалъ благовѣствуетъ; лавроносный Царь является, и пальмъ знаменуетъ подвигъ Его на хвалу Всевышнему. Гряди во храмъ

Его; гряди, Великій Ирой, свершишь пушь славы Своея; воздай Божія Богу и благослови благословившаго Тебя; преклони предъ Нимъ колѣни съ народомъ, главу предъ Тобою преклоняющимъ, и буди во человѣкѣ человѣкъ. Сердце Твое есть олтарь благости; оно воззвало Тебя на дѣла великія и возвело на высоту, коей Царіе доселѣ не доспигали. Россы, народъ не бранный, но бранныхъ Тобою поборяющій, окропляютъ слѣды Твои слезами радости, слезами, не ослабляющими вѣждъ ихъ, и серафимъ рѣетъ пріять жертву духа Твоего и исполнить горній Сіонъ славою имени благоугодившаго Царю Царей. Уже свершилъ Ты обѣтъ Свой, уже возглашаютъ Тебѣ многи лѣта, и возглашеніе сіе преноситъ евиръ изъ стогна въ стогнъ и изъ града въ градъ. Иди обратно въ

чертоги Свои, возсядь на Престолѣ и внемли глаголу избранныхъ отъ среды и лица народа Твоего. Благодарность возвѣстятъ устами ихъ: нѣсть Тебѣ подобнаго, и истина утвердитъ слово сіе Предвѣчный избралъ Тебя на Царство, и Ты оправдалъ промыслъ Его о сынахъ сыновей Россіихъ. Ты отвратилъ мрачныя тучи отъ страны ихъ и, простирая благость Свою на роды и роды и иноплеменныхъ, рекъ: Тайны Мои, благо народовъ, и въ немъ Моя слава.

Е . . . . Ф . . . . ѣ.

III.

Изліяніе сердечныхъ чувствъ, при отъѣздѣ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ изъ Санктпетербурга въ чужіе краи.

И Царица наша Матушка,
Государыня любимая,

Полетѣла изъ Санктпитера
На крылахъ любви ко Рейну!
Полетѣла съ чувствомъ радостнымъ
Къ своему Супругу милому.
Дай Богъ Матушкѣ щастливой путь!
Грустно было сердцу нѣжному
Не видаться съ другомъ цѣлый годъ...
Все-то Матушка придумала!
И не разъ родная всплакала!
Не на пиръ вѣдь Царь отправился,
Не къ забавамъ, не къ веселіямъ!
Нѣтъ! съ полками богатырскими
На войну пошелъ ужасную,
На войну кровопролитную;
Царь рѣшился, съ Божьей помощью,
Возвратить народамъ щастіе,
Миръ, свободу, благоденствіе.
Дѣло—славное, великое!
Дѣло—Богомъ вдохновенное!
Но любовь и дружба мнительны.—
Сердце, нѣжныхъ чувствъ исполненно,
О любезномъ все придумаетъ!—
Какъ Царицѣ не печалиться?

Какъ любови не кручиниться?
Какъ Супругѣ не задуматься?
Царь-Супругъ Ея, съ мечемъ въ рукахъ,
Самъ полки ведетъ на ратной бой;
Самъ Онъ съ ними ратоборствуетъ.
Поспѣшай, Супруга нѣжная,
Къ другу Своему любезному!
Поспѣшай, Царица-Матушка,
Ко Отцу родному нашему!
Отвези отъ насъ поклонъ Ему.
Попроси Его Кормилица,
Чтобы Онъ на ратныхъ подвигахъ
Не вдавался во опасности.—
Слезно молимъ мы о томъ Его!
Молви Матушка таки слова:
„Что Меня-де провожаючи,
„Со слезами—дѣти вѣрные,
„Въ простотѣ сердецъ промолвили:
„Весь-де край родной печалится
„О Твоемъ, о Царь! отсутствіи.
„Возвратися солнце Руское!
„Освѣти Свое Отечество!

„Возвратись Отецъ къ семьѣ Своей,
„И обрадуй тѣмъ Своихъ дѣтей!“

Матушка! Царица кроткая!
Не гнѣвись, что просто молвили:
Сердце Русское безъ вымысловъ
Говоритъ Тебѣ, что чувствуетъ.

К. Н. Кугушевъ.

IV.

Подарокъ Графа Милорадовича Русскимъ воинамъ въ сраженіи подъ Краснымъ. (1)

Для героевъ *отцевъ-вождей* каждый день имянины. Шестое число Ноября 1812 года, было рѣшительнымъ

(1) О семъ происшествіи Издатель слышалъ отъ самовидцевъ.

днемъ кровопролитной и съ обѣихъ сторонъ упорной трехъ-суточной битвы подъ Краснымъ. Сей день ознаменовался новыми опытами храбрости и усердія Русскихъ воиновъ къ начальникамъ. Въ быстромъ преслѣдованіи враговъ чрезъ лѣса дремучіе, чрезъ овраги и тропинки непроходимыя; при шумѣ зимнихъ бурь и при ежечастныхъ смертоносныхъ громахъ, по неволѣ ошибешься въ числахъ. И богатырь Суворовъ говорилъ: *Отъ быстроты въ числахъ мѣшаюсь!* Русскимъ воинамъ въ трех-суточное сраженіе подъ Краснымъ, показалось, что уже *осьмое Ноября*, то есть день именинъ Генерала Михаила Андрѣевича Милорадовича. Едва сей послѣдователь Суворовской славы, явился передъ рядами, раздалось во всѣхъ полкахъ: *ура! поздравляемъ со днемъ Ангела нашего отца!*

Подъ свистомъ ядръ нѣкогда было разувѣрять: Герой, двумя днями прежде поздравленный имянинникомъ, лестную ошибку обратилъ въ пользу Рускихъ воиновъ. Въ минуту торжественныхъ восклицаній, предвѣстниковъ побѣды, показалась изъ лѣсу первая *колонна* полчищъ Французскихъ, предводимыхъ Неемъ. *Солдаты!* сказалъ Генералъ Милорадовичъ, обратясь къ Павловскому Гренадерскому полку: *солдаты! дарю вамъ эту колонну.* Русскіе чудо-богатыри имянинной подарокъ въ одно мгновеніе ока спустили штыками! . . . Молва о такомъ *подаркѣ* вскорѣ разнеслась въ Рускихъ войскахъ. Абшеронскій полкъ, которымъ начальствуетъ Генералъ Милорадовичъ, находился тогда въ войскѣ Адмирала Чичагова. *Ребята!* говорили Абшеронцы солдатамъ другихъ полковъ: *для насъ*

нашъ отецъ и двухъ бы Французскихъ колоннъ не пожалѣлъ: своя рубашка къ тѣлу ближе.

Слава Герсиму, Вождиму душъ и сердецъ!...

V.

Мысли о Рускомъ *Концертѣ*, данномъ въ домъ Его Превосходительства П. А. Позиякова Д. Н. Кашинымъ.

Рускіе никогда не были врагами пріятныхъ искусствъ, которыя не развращая сердца, питаютъ душу сладостной отрадой. Въ странѣ, гдѣ почти шесть мѣсяцевъ шумятъ зимнія бури, еще нужнѣе невинныя удовольствія. Въ числѣ сихъ удовольствій *пѣніе* всего болѣе услаж-

даетъ слухъ и сердце. Всѣ старинныя Русскія пѣсни, сколько плѣняютъ голосомъ, столько же привлекаютъ сердце и содержаніемъ. Въ нихъ заключаются или сладостныя чувствованія непорочной любви, или воспоминанія славы и дѣлъ сыновъ Отечества.

Въ *Русскомъ Концертѣ* Д. Н. Кашина, возобновились старинныя Русскія обыкновенія. Пѣніемъ, очаровывающимъ слухъ и сердца, славили Царя Рускаго, славили Царицу Рускую, славили Рускихъ Богатырей, вѣрныхъ служителей Царя и Отечества.

Первая пѣсня посвящена: Царю-Батюшкѣ; *вторая*, Царицѣ-Матушкѣ. Въ другихъ пѣсняхъ: славили Витгенштейна, защитника Петербурга; славили Гвардію Александра Перваго; славили Графа

Остермана Толстаго, который подъ Кульмомъ убѣдилъ, что не число войскъ, но вѣра и мужество разятъ и побѣждаютъ; славили Графа Милорадовича, который въ Отечественную войну и за границей доказалъ и доказываетъ, что онъ вѣрный послѣдователь Суворова.

Слова и звуки пѣнія переносили мысль и сердца за *Рейнъ*, къ берегамъ *Сены*, къ стѣнамъ *Парижа*, гдѣ Руской Царь ополчился за человѣчество, за вѣру и добродѣтель. При воспоминаніи Царицы-Матушки, отлѣтавшей къ Царю и Герою супругу, при выраженіи сихъ словъ:

„Ужъ другой годокъ сиротинами
„Безъ родимаго живемъ Батюшки."

Невольно лились изъ глазъ слезы. Музыка, слова и пѣніе, все воз-

буждало въ сердцѣ сладостныя чувствованія. Пѣсни, посвященныя Царю, Царицѣ и Рускимъ Героямъ, приняты были съ громкими рукоплесканіями и съ требованіями, чтобы ихъ повторили.

Пространная комната въ которой пѣли, наполнена была многочисленными посѣтителями. Казалось, будто бы Московскіе жильцы и не разъѣзжались! Гостепріимный хозяинъ открылъ двери другихъ комнатъ; приглашалъ знакомыхъ и незнакомыхъ, чтобы было спокойнѣе. Такой вечеръ можно назвать: *Рускимъ семейственнымъ вечеромъ.*

Желательно, чтобы всѣ *пріятныя искусства* повторяли слуху, глазамъ и сердцу все отечественное, все родное, все то, что сближаетъ Рускихъ съ Рускими и Россіей. *Заемное* льститъ пщесла-

вію; родное животворитъ и услаждаетъ сердце.

12 Марта, 1814 года.

Москва.

VI.

Переводъ письма съ Башкирскаго языка къ Графу Матвѣю Ивановичу Платову, отъ 1 го Башкирскаго полка старшины Кутлугилдея Темировича. (1)

Ваше Сіятельство!

Милостивый Государь Графъ Матвѣй Ивановичъ!

Уже съ давнихъ временъ подъ скипетромъ Августѣйшихъ Россійскихъ Монарховъ, съ любезными сво-

(1) Въ прошломъ году означено было въ Русскомъ Вѣстникѣ о томъ, что знаменитое Донское войско предпріяло возобновить прежнее благолѣпіе Донскаго монастыря въ Москвѣ.

ими семействами блаженствуемъ. Когда вздумали хищные Французы напасть на Отечество наше, по волѣ Всемилостивѣйшаго нашего Государя призваны и мы на помощь для обороны нашей границы подъ начальство Вашего Сіятельства. При всемъ нашемъ рвеніи не могли унять сихъ святотатцевъ; допустили до Москвы, гдѣ ограблены древніе чудотворные храмы Божіи, въ чемъ считаемъ себя не менѣе виновными, что не укротили сволочь нечестивую и позволили ограбить Святыню.—Само Провидѣніе нака-

Военныя обстоятельства препятствуютъ совершенію сего благочестиваго подвига, достойнаго воиновъ, которые карая святотатцевъ, всю славу свою относятъ къ Богу, покровителю вѣры и смиренія .... Взносы для Донскаго монастыря все еще продолжаются, о чемъ помѣщаемое здѣсь письмо свидѣтельствуетъ.

зало изверговъ за ихъ безчестный и безбожный поступокъ пропивъ святой Церкви;—а нынѣ услышали мы, что Герои Рускіе намѣрены возобновить благолѣпіе Донскаго монастыря въ Москвѣ. Благоволите, Ваше Сіятельство, и намъ удостоиться по возможности нашихъ силъ, учавствовать въ семъ богоугодномъ дѣлѣ. Мы прилагаемъ *тысячу рублей* ассигнаціями къ опредѣленнымъ даяніямъ въ сіе святилище. Хотя мы считаемся иновѣрцами, но Богъ у всѣхъ народовъ одинъ! Гдѣ Его величественное имя прославляется, — тамъ всѣ мы поставляемъ себѣ за обязанность вспомоществовать. Удостоя принять нашу прозьбу, по гробъ обяжите всѣхъ насъ.

Сентября 8 дня,
1813 года.

VII.

Благотворительныя извѣстія.

Вспоможенія разореннымъ отъ нашествія Французовъ, Издатель получилъ сего 1814 года въ различныя числа при слѣдующихъ письмахъ:

(*Изъ Козмодемьянска.*)

„Прошу прилагаемые при семъ *сто рублей* раздать *тремъ семействамъ*, претерпѣвшимъ разореніе болѣе другихъ при вторженіи враговъ въ наше Отечество.“

Января 1, 1814 года.

Коренной Рускій.

Козмодемьянскъ.

Изъ *Николаева* прислано *двадцать пять рублей*, при слѣдующихъ словахъ:

„Съ душевными чувствами желая учавствовать въ пособіяхъ стра-

ждущимъ, чтобы отъ сего хотя мгновенное кто либо изъ нихъ могъ имѣть облегченіе, прилагаемыя при семъ *двадцать пять рублей* прошу употребить, по собственному благорасположенію сердца вашего, бѣдствующимъ ли отъ разоренія, или отъ полученныхъ за спасеніе Отечества ранъ."

Николаевъ.

(*Изъ Саратова.*)

„Прилагаемые при семъ *двенадцать серебреныхъ рублей*, прошу употребить на разоренныхъ отъ непріятеля, или отдать, куда вамъ за благо разсудится, въ чемъ и осмѣлюсь увѣрить. Меня же извѣстите чрезъ Русской Вѣстникъ."

19 Января, 1814 года.

Русской.

Саратовъ.

Исполняя желаніе почтеннаго благотворителя, изъ 12 серебреныхъ рублей препроводилъ я *пять рублей* въ Смоленскъ къ нещастной вдовѣ, о которой упомянуто въ первой книжкѣ Рускаго Вѣстника на сей 1814 годъ. Остальные *семь серебреныхъ рублей*, роздалъ я нѣсколькимъ бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ. — При семъ долгомъ поставляю откровенно признаться, что я не всегда отдаю все число денегъ, назначенное тому или другому семейству. Встрѣчаются новые страдальцы, которымъ удѣляю изъ тѣхъ денегъ; есть и такіе, которые тѣмъ злополучнѣе, что стыдятся *сказываться нещастными!* Ихъ надобно отыскивать. Смѣю надѣяться, что почтенные благотворители не причтутъ мнѣ въ вину моего признанія. Сверхъ того, чтобы вѣрнѣе исполнять волю благодѣте-

лей бѣдныхъ, нѣкоторые человѣколюбивые врачи, по усердной моей прозьбѣ, извѣщаютъ меня о больныхъ, которымъ по крайнему неимуществу нѣчемъ и за лекарства платить. Изъ присылаемыхъ денегъ вручаю также знакомымъ приходскимъ священникамъ, чтобы они во имя Бога любви и милосердія, раздавали оныя бѣднымъ вдовамъ, сиротамъ и престарѣлымъ страдальцамъ, которые по оскудѣнію силъ, не могутъ прокормиться своими трудами.

Для доставленія Издателю Рускаго Вѣстника *тридцати пяти рублей*, присланы оные были къ книгопроводавцу А. Ширяеву, при сихъ словахъ:

„Та особа, отъ имени которой доставили вы Изд. Рускаго Вѣстника *двадцать пять рублей*, проситъ

вас...
р...
(1)
при...
препр...
стника...
ленскъ ...
ства *Анн*...

творитель даете вспомо-
болѣе, но я семействамъ,
мый кафичіе отъ наше-
подаренъ; почему и
комъ; даіу сего день-
му же не доставить
сяти-лѣе, изъ не-
испытчившихся
ствен...
терпѣ городѣ
воля
мнѣ

Отъ почте...
жителя села К...
и...ва...В..., прис...
да для отдачи ка...
неимущихъ страда... къ
скихъ. „Желалъ бы, ... ца при...
да

(1) Престарѣлый отецъ семей... ...ож-
тель *Словаря Россійскаго Госу...* ...ев-
давно скончался. И въ послѣдн...
ни благословлялъ онъ благодѣте...
отечественниковъ, съ помощію ... а,
провелъ безнужно остатки дней с... й
хотя нѣсколько обезпечилъ жребій ...
своихъ дочерей.

лей бѣдныхъ, нѣкоторые человѣколюбивые врачи, по усердной моей прозьбѣ, извѣщаютъ меня о больныхъ, которымъ по крайнему неимуществу нѣчемъ и за лекарства платить. Изъ присылаемыхъ денегъ вручаю также знакомымъ приходскимъ священникамъ, чтобы они во имя Бога любви и милосердія, раздавали оныя бѣднымъ вдовамъ, сиротамъ и престарѣлымъ страдальцамъ, которые по оскудѣнію силъ, не могутъ прокормиться своими трудами.

Для доставленія Издателю Рускаго Вѣстника *тридцати пять рублей*, присланы оные были къ книгопроводавцу А. Ширяеву, при сихъ словахъ:

„Та особа, отъ имени которой доставили вы Изд. Рускаго Вѣстника *двадцать пять рублей*, проситъ

васъ еще ему доставить *десять рублей* для отдачи отцу семейства. (1) Остальные *двадцать пять рублей*, при семъ же прилагаемые, также препроводите къ Изд. Рускаго Вѣстника, для пересылки въ Смоленскъ злополучной матери семейства *Аннѣ Григорьевнѣ Сенаторской.*"

Матѳѣй Земкинъ.

Отъ почтеннаго и престарѣлаго жителя села Космодемьянска В... и...ва...Б..., прислана полная одежда для отдачи какому-нибудь изъ неимущихъ страдальцевъ Московскихъ. „Желалъ бы, пишетъ благо-

---

(1) Престарѣлый отецъ семейства, Сочинитель *Словаря Россійскаго Государства*, недавно скончался. И въ послѣдніе часы жизни благословлялъ онъ благодѣтельныхъ соотечественниковъ, съ помощію которыхъ провелъ безнужно остатки дней своихъ и хотя нѣсколько обезпечилъ жребій двухъ своихъ дочерей.

творительный старецъ, прислать болѣе, но я самъ нуждаюсь. Посылаемый кафтанъ мнѣ былъ нѣкогда подаренъ великодушнымъ человѣкомъ; дай Богъ его носить доброму же человѣку. Въ теченіе осьмидесяти-лѣтней жизни самъ много испыталъ злоключеній; по собственному сердцу знаю — каково терпѣть и страдать! Да будетъ воля Божія! Я уже у дверей гроба! мнѣ многаго не надо."

В. Ве.... вѣ.

Присылку благодѣтельнаго старца отдалъ я П...Г...Б....ву, пострадавшему съ семействомъ въ Москвѣ отъ враговъ. Домъ составлявшій все его имущество, истребленъ пожаромъ.

24 Генваря получилъ Издатель *пятдесятъ рублей* при сей запискѣ: „Изъ получаемаго мною Вѣстника

вижу я, что вы передаете вспоможенія нещастнымъ семействамъ, потерпѣвшихъ раззореніе отъ нашествія всемірнаго врага; почему и прошу васъ вложенныя у сего деньги *лятдесятъ рублей* предоставить тому, кому вы разсудите, изъ нещастныхъ семействъ, лишившихся отца и оспротѣвшихъ."

Саратовской Губерніи въ городѣ *Кузнецкѣ проживающая.*

24 Генваря,
1814 года.

Изъ Тамбова доставлено къ Издателю *двадцать пять рублей* при слѣдующей запискѣ:

„По возможности препровождаю при семъ для Анны Григорьевны Сенаторской: *десять рублей.*

Для ней же отъ М. и. су-х-на, *пять рублей.* Отъ Ек. А. Си-вой *пять*, и отъ М. М. Ка-р-вой *пять*, а

всего *двадцать пять рублей*. Оныя деньги просимъ ей доставить."

Н. Н.

Отъ 2 Февраля.

Изъ * * *

---

16 Февраля получилъ Издатель *двѣсти рублей* при сихъ словахъ:

„Изъ прилагаемыхъ при семъ двухъ сотъ рублей прошу вручить сто рублей нещастному отцу семейства, о которомъ находится записка въ осьмой книжкѣ Рускаго Вѣстника на стран. 56; остальные сто рублей раздайте бѣднымъ и неимущимъ, пострадавшимъ отъ руки непріятеля."

Февраля 16 дня,
1814 года.
Пр. . . . ды.

Послѣднія сто рублей роздалъ я уже нѣсколькимъ бѣднымъ семей-

ствамъ; на первые ожидаю разрѣшенія отъ почтеннаго благотворителя. Въ сихъ извѣстіяхъ я упомянулъ, что преспѣтый Отецъ семейства, Сочинитель *Словаря Россійскаго Государства*, преселился въ вѣчность. Послѣдніе часы его жизни ощастливлены были душевнымъ участіемъ ближнихъ: онъ закрылъ глаза съ сладкою отрадою, что въ Отечествѣ нашемъ есть еще много людей благотворительныхъ; и тамъ, за предѣломъ гроба, о нихъ молится! . . . .

Изъ числа присланныхъ денегъ отдалъ я *двадцать пять рублей* бѣдной вдовѣ Перерсонъ, у которой двѣ малолѣтныя дочери и крайній во всемъ недостатокъ. Рабы Наполеона, разорители Москвы, разграбили все имущество сей иноземки.

Изъ присланныхъ денегъ въ различныя времена, отдалъ я также

нѣкоторое число бѣдному семейству покойнаго Профессора Рогова. Сей почтенный ученый преподавалъ Математику въ Московскомъ Университетѣ. Сынъ его и три дочери остались въ бѣдности и лишились послѣдняго въ разореніе Московское. Деревянный ихъ домъ на *Стожинкѣ* сгорѣлъ: пожитки разграблены. Желающіе въ Москвѣ вспомоществовать сему нещастному семейству, могутъ оное найти *у Вздвиженья на Оражкахъ, въ домѣ кулца Мызина.* Нѣкоторые изъ учениковъ покойнаго Профессора Рогова поступили въ учители; сынъ его служилъ въ Московскомъ ополченіи. Память человѣка, жившаго съ пользою для общества, безъ сомнѣнія достойна уваженія.

24 Февраля, 1814 года.

Конецъ девятой книжки.

BINDING DEPT MAY 6 1974

AP
50
R782
1814
kn.6-9

Ruskoĭ vĕstnik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 18 23 11 016 5